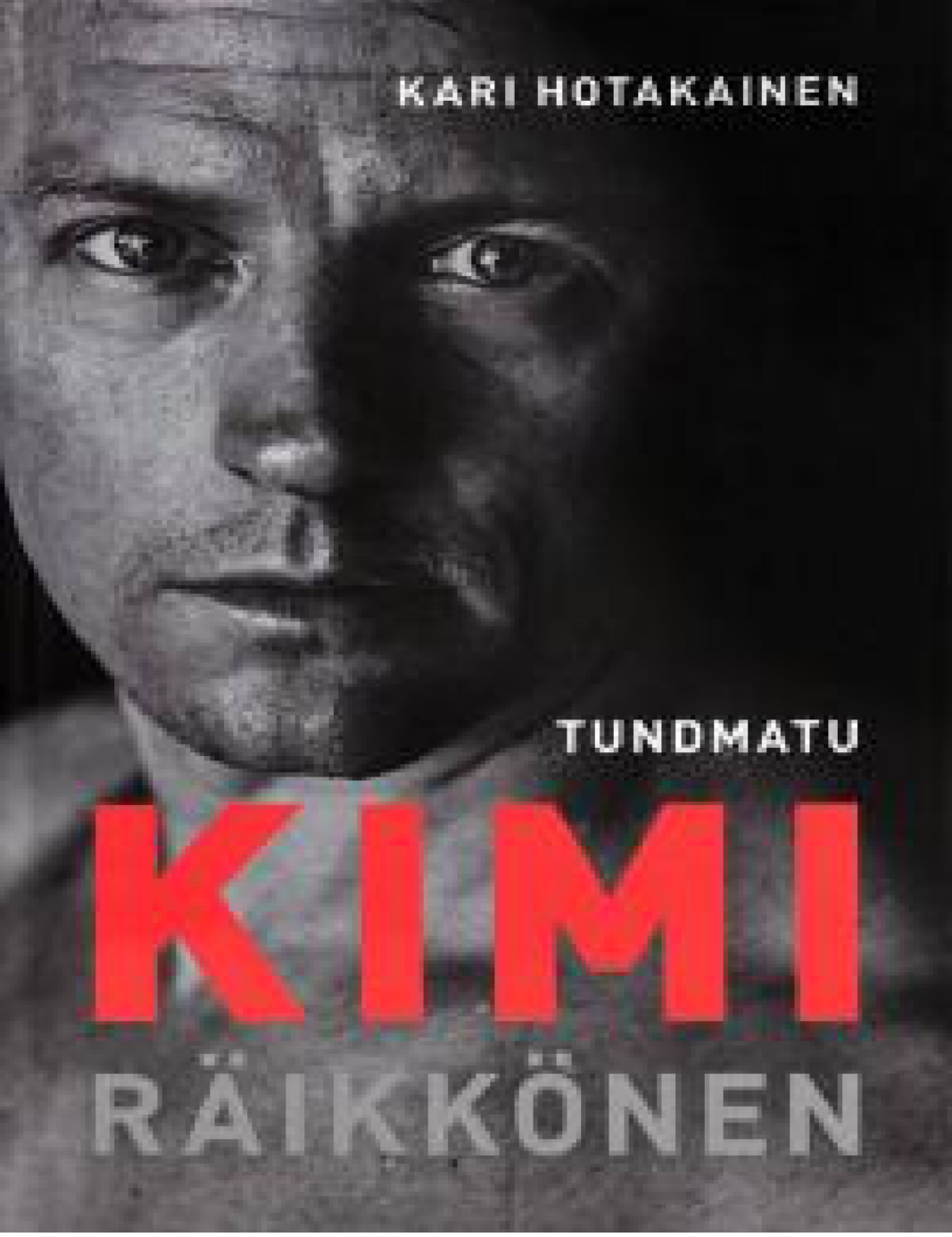
KARI HOTAKAINEN
TUNDMATU
KIMI
RÄIKKÖNEN

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Эта книга – взгляд со стороны, ведь других точек зрения не так много. Это не биография и не может быть ею, потому что главный герой прошёл лишь половину своего жизненного пути. Это история гонщика, который мог стать автомехаником, но вместо этого стал всемирно известен. Все случилось быстро и не без доли удачи, благодаря его матери, отцу и ему самому. Всё, чего он хотел, это ездить так быстро, как это только возможно. Большинство таких людей остаются неизвестными для обывателей, и он бы хотел того же, но теперь уже слишком поздно.

- ПРЕДИСЛОВИЕ

Спасибо, Сами Виса

«Мне не нужны факты, лучше скажите, что они означают».
Бывший госсекретарь США Генри Киссинджер

«Даже плохие воспоминания могут быть хорошими».
Кими Ряйккёнен

ПРЕДИСЛОВИЕ

В мире есть множество видов спорта, которые вошли в олимпийскую программу несмотря на то, что они могут стать хобби лишь для избранных. Мы получаем подробное описание и детальное экспертное мнение о том, как кто-то на невероятной скорости спускается по ледяной трассе на санях, но я не знаю ни одного человека, у кого такие спуски были бы хобби – наверное потому, что лишь в нескольких странах можно построить трассу для этого на склонах гор. Во всем мире насчитывается 17 таких трасс, но после каждой Олимпиады они все становятся лишь печальными музеями.

Прыжки с трамплина – важный спорт для финнов. Но как много людей занимаются им? Пожалуй, лишь малая доля тех, кто следит за соревнованиями по телевизору. В теории, конечно, можно начать заниматься этим как хобби. Более того, неудача в этом совершенно не помешает высказывать уверенное мнение и анализировать, что пошло не так в момент отрыва спортсмена от трамплина.

Ни у кого в мире «Формула-1» не является хобби, никто не скажет, что пойдёт «погоняться вечерком», но тем не менее в каждом баре, на каждой заправке вы найдете экспертов, которые расскажут вам о том, что трасса Сепанга просто не подходит тому или иному гонщику.

Мы не прыгуны с трамплина, мы не улетаем, ведомые нашими лыжами в небеса на краткие мгновенья, но это не мешает нам быть экспертами. Мы вне этого, а значит, непогрешимы.

Эта книга – взгляд со стороны, ведь других точек зрения не так много. Это не биография и не может быть ею, потому что главный герой прошёл лишь половину своего жизненного пути. Это история гонщика, который мог стать автомехаником, но вместо этого стал всемирно известен. Все случилось быстро и не без доли удачи, благодаря его матери, отцу и ему самому. Всё, чего он хотел, это ездить так быстро, как это только возможно. Большинство таких людей остаются неизвестными для обывателей, и он бы хотел того же, но теперь уже слишком поздно.

В МАШИНЕ ВСЕГДА ТИХО

1981 год, Кархусуо, Эспоо. Ночь. Мальчик никак не может успокоиться, не может уснуть. Мать берет его на руки, пробует убаюкать — ему это всегда нравилось. Он сильно отличается от своего брата, который на два года старше, он более чувствителен, эмоционален. Наконец, незадолго до рассвета мальчик засыпает.

На следующий день по пути на работу уставшая мать думает о том, что уже давно волнует её и мужа: мальчик до сих пор не говорит, ни единого слова, а ведь ему уже почти три. Родители ведут сына на осмотр, но там говорят, что с ним всё в порядке: он быстро выполняет все задания, на самом деле даже быстрее других детей своего возраста. Он просто не говорит. Может, начнёт позже.

В конце концов, речь приходит, и, попрощавшись с материнской заботой, ребёнок начинает развиваться с бешеной скоростью. Действия опережают слова, ноги работают быстрее языка — мальчик с волосами цвета льна вырывается на простор.

36 лет спустя его имя потеряло свою вторую часть — сейчас он просто Кими. Кими-Матиас исчез в облаках пыли, и никто больше не помнит его официальное первое имя. Хотя многие его и вовсе не знают, разве что один-двое из тех десятков фанатов, что собрались в фойе отеля «Сама-Сама» в Куала-Лумпуре в пятницу в 9 утра. Но зато все они знают, что скоро он выйдет из лифта и не проронит ни слова.

Фанаты съехались из Малайзии, Японии и Китая. Друг с другом они разговаривают на «формульном» английском – лексикон невелик, зато шума, не знающего языковых барьеров, хоть отбавляй. Они порхают от одной двери лифта к другой, и перекликающиеся, звенящие звуки их присутствия создают ощущение, будто это экзотические птицы прилетели полакомиться чем-то вкусным — молчаливым гонщиком.

Болельщики выжидающе смотрят на знакомую фигуру Сами Висы, менеджера Кими по связям с общественностью, который выходит в фойе из второго лифта. Он несёт рюкзак «Феррари» с номером 007 на нём. Но фанатов не проведёт эта отсылка к Джеймсу Бонду, ведь 7 — это гоночный номер Кими. И они знают, что означает появление Висы в фойе: Кими скоро спустится вниз, и они увидят его первыми.

Двери четвёртого лифта открываются, и вот, человек в красном уже здесь. На Кими футболка, покрытая броскими логотипами спонсоров, шорты, кепка и чёрные очки. Вслед за ним, так же в красном, появляется и Марк Арнолл, его

физиотерапевт. Он сопровождает Кими последние 16 лет, тщательно следя за тем, чтобы у гонщика было всё необходимое. Но есть то, что не может обеспечить для Кими даже он — тишину и уединение.

Кими видит фанатов и останавливается. Он знает, что ему придётся сделать, прежде чем нырнуть в стоящую на улице «Мазератти». Пара минут, 40 метров, и эта встреча закончится.

Сами Виса пытается удержать гудящих фанатов на расстоянии вытянутой руки. Они протягивают по одной кепке и одной футболке за раз для автографа — прикасаться к Кими им запрещено. Кими пишет «КР» или что-то вроде того, быстро выводя свои инициалы. Затем вновь. Есть ещё? Хорошо, ещё одна. Всё это время его лицо остается безэмоциональным, за исключением секунды, когда его губы слегка дёргаются: улыбка, беззвучный подарок верным поклонникам, проделавшим долгий путь, чтобы увидеть его.

Фанаты визжат от радости. Они получили хоть что-то, а что-то ведь лучше, чем ничего. Двери отеля разъезжаются, Кими быстро идет к своей «Мазератти» и садится за руль. Сиденье опущено максимально низко, спинка максимально откинута — так он сидит во всех машинах. Это уже стало профессиональной привычкой, ведь гонщик в болиде находится в практически горизонтальном положении.

Марк Арнолл садится на пассажирское место и передаёт Кими бутылку тщательно подобранной по составу жидкости. На улице влажно и тепло, 34 градуса, но кондиционер быстро решает эту проблему. Машина срывается с места. Как только мы выезжаем на шоссе, Кими разгоняется до 100 км/ч. Левой рукой он трясет бутылку чего-то серого и вязкого, напоминающего смузи, а правой держит руль, средним пальцем переключая передачи, из-за чего машина двигается рывками. Я бросаю взгляд на ограничение скорости — 70. Когда ограничение увеличивается до 100, Кими выжимает 140. Оглядываюсь на Сами Вису, однако он всем своим видом показывает: «Ничего не говори, он всегда такой».

От отеля до «Сепанга» чуть меньше десяти километров. Напарник Кими Зебастиан Феттель выехал со своим тренером Антти Контсасом раньше нас, но на трассу мы приезжаем одновременно.

Кроме «доброе утро» Кими по пути на трек не проронит ни слова, и это несмотря на присутствие в машине ближайших коллег. Я вспоминаю, что Сами сказал мне ранее: «*Первым делом утром Кими становится гонщиком. Он направляется туда, где ни у кого нет своих дел и куда никто не сможет зайти: в его*

собственный мир. То, что со стороны может показаться некой отрешённостью от внешнего мира, на самом деле является простой сосредоточенностью».

Мы выходим из машины. Виса напоминает, что перед уходом в паддок нам предстоит встреча с фанатами. Их примерно несколько сотен, стоящих за ограждением, они протягивают кепки, карточки, свои руки и футболки. Кими быстро выводит привычные «KR» на кепках, позирует для телефона, качающегося на селфи-палке – в общем, делает всё, чтобы потом не нужно было делать ничего.

Для болельщиков эта встреча значит многое. Им пришлось раскошелиться, чтобы попасть сюда и посмотреть на машины, обычно удостаивающиеся лишь беглого взгляда, и гонщиков, которых вряд ли когда-либо ещё увидят так близко. Они хотят многого, но получают лишь крупицы, хотят фактов, которые со временем станут небылицами. Истории меняются, слухов, растекающихся из боксов команд и окрестностей больше, чем выхлопных газов. За гонщиками в их огромных шлемах следят тщательнее, чем за космонавтами на Луне. Экраны с результатами отображают сухую правду, а пилоты в двух словах пересказывают то, что случилось. Но болельщикам нужна часть самого гонщика: они хотят увидеть его, возможно, прикоснуться к нему, взглянуть в его глаза, спрятанные за тёмными очками. В эти светло-голубые глаза, которые они обычно видят только на фото и которые постоянно ищут на трассе место для обгона или для того, чтобы спрятаться.

Сложно сказать, чего они ждут от Кими, который за 18-летнюю карьеру дал столько же интервью, сколько Льюис Хэмилтон, четырехкратный чемпион мира (*на данный момент пятикратный – прим.ред.*) и король соцсетей, даёт за неделю.

Всё заканчивается за 10 минут, после чего Кими отправляется в гараж команды. Он идёт быстро, так быстро, что это можно назвать бегом. Гонщик проворно, словно заяц, проскакивает свободную зону и ускользает в глубины гаража «Феррари». Он ушёл. Неисповедимы пути этого человека.

Его комната в паддоке «Феррари» аскетична: каморка размером примерно в 12 квадратных метров, построенная из чего-то вроде ДСП. Каждый сантиметр здесь используется по максимуму: узкая койка для массажа, стол, на котором Марком Арноллом уже разложены три шлема, пара гоночных перчаток, ботинки, полотенца и несколько бутылок тщательно приготовленного напитка. В углу комнаты небольшая синяя ванна из укрепленного пластика, заполненная ледяной водой. В ней гонщик проводит немного времени до и после гонки.

Температуру его тела нужно тщательно регулировать, потому что солнце нагревает 700-килограмовую машину до невероятных температур. Гламур обделил эту комнату своим вниманием, предпочтя медиацентр, где он процветает…

Мы идём к гостевой зоне «Феррари», расположившейся в паддоке, длиной аллее для посетителей и прессы, где все команды уже возвели свои миниатюрные миры. Паддок открыт и для тех, кто заплатил примерно 6000 евро за доступ сюда на все выходные. За эту цену они получат хорошую еду и кое-что ещё, о чём владелец обычного билета не может и помыслить. Что? Взгляды гонщиков, мельком брошенные в их сторону, место в ресторане, открытом над гаражами, а еще чувство собственной важности. На протяжении всей истории человечества люди платили за это чувство несоизмеримо больше, чем требовалось.

Гостевая зона «Феррари» пахнет базиликом, чесноком и свежеиспечённым белым хлебом с тонкой корочкой. В «Феррари» привезли в Малайзию частичку Италии, и команда поступает так всегда, чего бы ей это не стоило. Все деликатесы на накрытых столах – блюда итальянской кухни, заботливо приготовленные шеф-поваром и его помощниками. Серджио Бонди, глава логистического отдела «Феррари», говорит, что по возможности всё доставляется прямиком из Италии: стулья, столы, паста, кофе, даже мука для булочек. Остальные ингредиенты шеф приобретает в каждой стране за пару дней до гонки. Китай, Абу-Даби, Австралия – не важно, где проходит гран-при, там появится Италия. В Европе «Феррари» для перевозок нужно 30 грузовиков, другие части света подразумевают перелёты по 300 тысяч километров каждый год, и после каждой гонки 44-тонный цирк разбирается и упаковывается по контейнерам за семь часов.

Каждый сезон тут выпивают по 70 тысяч чашек кофе. В этом году 170 сотрудников «Феррари» побывали на тестах машины в «Барселоне». Всё это увеличивает бюджет больше, чем на миллион, и, если подумать, это с трудом можно назвать разумной тратой.

Всё это лишь для того, чтобы дать двум парням возможность поездить полтора часа, бросая вызов смерти и не имея впереди конечной цели — они возвращаются в ту же точку, откуда стартуют, взмокшие, покрасневшие, с горящей огнём шеей, немногословные, но живые.

Сами Виса дотрагивается до моего плеча, вырывая меня из потока мыслей. Время идти в гараж, понаблюдать за стартом первой тренировки. Вот оно, сердце этого лабиринта боксов – две красных машины. Островок между ними заполонён компьютерами и людьми с наушниками в красном. Мы стоим чуть

поодаль, так что нам хватит и беруш.

Кими уже устроился в машине, издалека видны лишь его шлем и правая рука, протянувшаяся за бутылкой к Марку Арноллу. В левой руке тот держит ещё одну. Бутылок всегда должно быть две на случай, если одна потеряется или сломается. Гонщик с пересохшим горлом – бесполезный гонщик.

Время заводить машины. «Феррари» звучит словно 700-килограммовая свинья, которую режут, втыкая в бока по сотне ножей. Так ревёт голодный раненый зверь, рвущийся из недр гаража подальше от тирании людей на волю, на стартовую прямую трассы.

Этот рёв расплавленной сталью проникает в голову сквозь беруши. Машина выезжает на трассу, где за пять секунд разгоняется до 200 км/ч. На то, чтобы проехать 5,5-километровый круг уходит меньше полутора минут. Автомобили проносятся мимо гаражей как низкие едва различимые глазом ракеты. И даже если всё происходит у вас перед глазами, ничто не даст вам полной картины лучше, чем экран монитора.

Я расскажу об этой адской ракете Кими позже. Сам же он сухо говорит, что гул современных болидов напоминает газонокосилки, а вот машины прошлых лет издавали должный звук.

Всего тренировок две, обе по полтора часа, они нужны для проверки настроек и работы с резиной. Всё направлено на подготовку к завтрашней квалификации. Днём на трассе тихо, но работа не останавливается, время для технических брифингов. За ними следует то, чему Кими научился в три года, и то, от чего он испытывает неудобство, находясь перед незнакомцами – разговоры. Он стоит перед десятком микрофонов и потирает шею правой рукой. Его мать Паула знает это движение – её мальчик раздражён. Он должен им что-то сказать, выдать несколько фраз, которые прозвучат понятно, но не будут значить ровным счётом ничего. Мир полон таких фраз, а навозная яма для них бездонна. Их оставляют гнить на просторах интернета, а в их копии на страницах газет заворачивают чипсы или рыбу. Никто, ни редакторы, ни болельщики, ни сами гонщики через пару недель и не вспомнят, когда эти слова были сказаны. Была это Малайзия, Япония, Китай или Остин? Они не вспомнят, потому что это одни и те же повторяющиеся слова – озвученные числа с табло.

— Вы стали пятым по итогам тренировки. Что это означает, применительно к завтрашней квалификации?

— Хм, не уверен, что могу ответить.

— Вы оказались на 0,003 секунды быстрее напарника. Что это значит?

— Хм, сложно сказать.

— *Нормально ли ведет себя машина пред квалификацией?*

— Хм, она была в порядке. Посмотрим, что будет завтра.

— *Вы уверены в завтрашней квалификации?*

— Хм, да.

— *Вы ещё не отказались от борьбы за Кубок конструкторов?*

— Хм, нет.

Он смотрит вверх, вниз, мимо репортёров, куда угодно, только не на них. Тёмные очки ему нужны для защиты от глаз посторонних, а не от солнца.

Интервью окончено. Кими разворачивается и исчезает в гараже «Феррари», где команде предстоит проанализировать технические нюансы событий прошедшего дня.

Наконец он появляется вновь и прокладывает себе путь сквозь толпу. Его легко потерять из виду. К тому моменту, когда мы отправляемся обратно в отель, уже смеркается. Кими разгоняется до тех пор, пока не превышает ограничение скорости, параллельно ища свободной рукой бутылку с напитком.

В салоне царит тишина, время от времени слышится лишь рёв «Мазерати», да и то больше на заказ.

Мне не заглянуть в мысли Кими, но могу догадаться, о чём он думает. *«Ещё один день окончен, дом в 10 тысячах километрах, в Швейцарии, ещё пара недель, и я буду там. За спиной сидит новый парень, он пишет обо мне книгу. Скоро я смогу принять душ и лечь в кровать, буду спать как можно дольше. Интересно, как там дела дома, всё ли в порядке, выучил ли Робин новые слова? Даёт ли Рианна уснуть Минтту, или дочку не угомонить? Хотелось бы быть там, но я не могу. Машина сегодня была хороша, здорово сидеть в ней. Мне больше нравится водить – проблемы появляются, когда вылезаешь из машины. Никто не задаёт тебе вопросов, когда ты гоняешь по трассе».*

Кими оставляет «Мазерати» на парковке и идёт к дверям. Несколько настойчивых фанатов дежурят в фойе. Уставший гонщик снимает очки, его голубые глаза смотрят на поклонников, правая рука привычно выводит «КР» на кепке. Двери лифта закрываются, и он уезжает.

Позже ночью захожу в интернет у себя в номере. Меня заинтересовывает пресс-конференция в четверг. Гонщиков спрашивали, какие воспоминания у них останутся о гонке в Малайзии, проходящей в последний раз. Гонщики отвечают подчёркнуто вежливо – в общем, скучно. Затем приходит очередь Кими. Впервые он выступил здесь в 2003-м, и журналист спрашивает, по чему он будет скучать больше всего. За кратким молчанием следуют слова, камнями падающие на плитку пола.

Кими говорит, что, честно говоря, не знает, будет ли скучать по чему-нибудь. Здесь неплохая трасса, но всё, что удаётся увидеть, это всё та же трасса, отель и аэропорт – пусть выберут, по чему из этого скучать.

Несколько журналистов не сдерживают смех, другие сохраняют молчание. В этом вся суть юмора: когда всё остальное уже не работает, попробуй сказать правду. Каждый гонщик и журналист знает, что шансов посмотреть город, познакомиться с местными людьми и попробовать местную кухню во время гоночного уик-энда просто нет. Все знают об этом, но никто об этом не скажет. Никто, кроме одного человека, научившегося говорить в три года.

НИ ЕДИНОГО МЕТРА

Суббота, 9:10, отель «Сама-сама», Куала-Лумпур. Сегодня определится обладатель поула в завтрашней гонке. Нам надо уехать в 9:30, но гонщик не вылезает из постели до последнего.

Я сижу в лобби-баре с чашкой кофе. Соседний столик заняло шумное трио в кепках: две женщины и мужчина, наслаждающиеся жизнью и огромным количеством пива. На их футболках команды «Феррари» темные пятна – определенно недавние воспоминания о дешёвом и вкусном пиве «Тайгер». Им где-то под 50, они горланят своими хрипловатыми голосами и от них разит алкоголем, который явно уже не один день маринует их изнутри. Как оказалось, они австралийцы, и прилетели в среду из Сиднея, чтобы посмотреть гонку через призму пивного бокала.

Одна из женщин, с ярко-рыжими волосами, спрашивает, не раздражали ли они меня прошлой ночью. Я отвечаю, что меня в баре не было, поэтому у них ещё есть шансы на это. Мужчина из их группы грубовато спрашивает, являюсь ли я фанатом Кими или Льюиса Хэмилтона, того британца с серёжками в ушах. Я говорю, что я гетеросексуал и ни за кого не болею. Женщины смеются, чувствуя облегчение от того, что они меня не раздражают.

Мужчина требует от меня мнение о Кими Ряйккёнене. Я говорю, что толком его не знаю, но уважаю то, как он идёт смерти наперекор. Я также говорю, что ни разу не видел гонки «Формулы-1» полностью и никогда не был заинтересован в автоспорте. Женщины хотят узнать о том, какие еще изъяны во мне есть, но мужчина их перебивает и очень внимательно меня осматривает. Из-за того, как он на меня смотрит, я чувствую его взгляд сразу на шее и на ушах. Он спрашивает откуда я и что делаю в отеле так близко к Сепангу, если приехал не на «Формулу». Я говорю, что я из Финляндии и приехал на совершенно обыкновенный отпуск. Троица взбудоражена. Я живу на родине Кими Ряйккёнена, а это поднимает меня в их глазах. Они заказывают еще пива, чтобы поднять тост в честь моей страны. Они говорят одновременно, делясь мнениями о Кими, который для них как член семьи. Кими – единственный гонщик, который не болтает впустую после гонки. Они знают, что он живет в отеле, но им еще не удавалось его увидеть, потому что он приезжает слишком поздно и уже пьяное трио забывает следить за лифтом. Они считают, что им надо увидеть Кими; недостаточно посмотреть на него, когда он пролетает на скорости в 290 км/ч. В таком случае никак нельзя сложить впечатление о

человеке. Я соглашаюсь.

Мужчина хочет купить мне крепкого алкоголя – в конце концов, финны же пьют алкоголь за завтраком. Отказываюсь и благодарю их за приятную беседу. Я встаю, и мужчина желает мне удачи, хотя по его мнению она мне и не нужна, ведь мне повезло быть родом из той же страны, что и Кими.

Всей троице вдруг внезапно понадобилось опустошить мочевые пузыри, и они убегают в туалет, шлепая сандалиями. Как только они скрываются из виду, двери лифта открываются, и человек в красном быстро проскальзывает в свой «Мазерати». Мы комфортно едем, превышая скорость, пока не доезжаем до круговой развязки. Кими едва слышно напоминает себе, что не стоит проезжать здесь на полном ходу. Ему не терпится приступить к работе, оказаться в тесном пространстве внутри шлема.

Мы приезжаем на трассу. Обладатель поула определится через три часа. Одна из любимых песен Кими называется «Pole Position», он любит петь её в караоке. Для перевода может понадобиться немного алкоголя, а потом последнее слово припева появляется максимально неожиданно: *«…на моей… поул-позиции»*. Музыку песни написал Гектор, он же сочинил и текст, а исполнил её Кари Тапио в свои поздние годы. Как и у многих так полюбившихся в караоке песен, будто случайно, немалая её доля посвящена жизни певца: *«Время шло, часто выбивая почву из-под ног/лихая юность, мы можем все/Дьявол дал мне день, Бог дал мне ночь/каждый день как маленькая вечность./Я был бы доволен и меньшему/ведь я знаю, как я благословлен/я здесь и в этот раз надолго/с тем, что у меня есть/на моей поул-позиции»*.

Кандидат на поул ушёл, а песня осталась в голове. Мы с Сами идем в гостевую зону «Феррари». Рабочие в красном попивают кофе и возбужденно общаются. Босс команды Маурицио Арривабене, стройный мужчина с седой бородой, сидит с курительным девайсом с логотипом «Феррари», выдыхая дым в сторону. Это новейшее изобретение компании «Филипп Моррис» – «Айкос», нагревающий маленькую дозу табака до огромной температуры, и подающий никотин пользователю без использования бумаги – а значит на один яд в организме меньше. Замечаю, что некоторые другие важные люди ходят с такими же.

Арривабене — человек опыта. Он может хранить напряжение в себе, будто это банка варенья в подвале. Его отвлечённый взгляд раскрывает некоторые фундаментальные основы автоспорта: если гонщик добивается успеха, то может подвести двигатель. Если гонщик совершит хоть одну ошибку, то он окажется пятым. Если кто-то будет перед гонщиком в крайне

важный момент, то потеряются полсекунды. А в этом спорте полсекунды – огромный промежуток времени. Ни в каком другом спорте нет таких маленьких разниц во времени. В «Формуле-1» все маленькое становится огромным.

Босс команды вытаскивает несколько сантиметров табака из своего «Айкоса» и заталкивает в пепельницу этого же устройства, которое выглядит весьма элегантно, в отличии от обычных пахнущих сигарет. Арривабене встаёт и уходит в гараж, надеясь, что сегодня время окажется на стороне его гонщиков.

Сами Виса приносит мне третью бутылку воды за день и чашечку крепкого кофе. Он знает Кими вот уже 22 года, то есть с 1996-го. Он достаточно стар, чтобы быть отцом Кими, но вместо этого он его менеджер по связям с общественностью. Кими всегда с трудом принимал чужие советы, даже когда они были толковыми и к месту. Он всегда делал все по-своему, хотя его дорога иногда и превращалась в тропинку, канаву или вовсе пропадала. Гонщик остаётся гонщиком даже без дороги под собой. Хотя Сами он слушает, и причина очевидна — Сами его не обманывает и никогда не будет. Это обещание он дал в сауне отеля «Вилла Баттерфляй» два года назад, когда заключалось устное соглашение о принятии его на должность: *«Если ты меня обманешь, я тебя прикончу»*.

Иногда договоренность на словах связывает сильнее, чем листок бумаги. Я видел слишком много итальянских фильмов про семьи и уже даже начал задумываться, вписана ли эта угроза в его контракт, когда на террасу зашёл тучный африканец. Он приветствует Сами низким голосом и пожимает мне руку, предполагая, что я его знаю. Я скрываю свое незнание, бесцельно вращая чашку кофе. Мужчина вскакивает со своего стула, чтобы поприветствовать шеф-повара. Мужчина и шеф так активно жестикулируют, что Сами успевает рассказать мне самое главное – этого мужчину зовут Моко, он известный сенегальский дизайнер ювелирных изделий, один из основателей и владельцев ювелирной компании «Хром Хартс». Здесь его знают все, кроме меня. Его компания работала с Мадонной, Ленни Кравицем и другими знаменитостями. У Моко есть пожизненный пропуск на гонки «Формулы-1», который он получил от Жана Тодта, на тот момент ещё босса «Феррари», сейчас являющегося президентом Международной автомобильной федерации (ФИА).

Моко возвращается к нашему столику, и как только узнаёт о том, что я пишу книгу про Кими, у него загораются глаза. *«Слушай сюда, белый капитан»*, – начинает он, намереваясь рассказать мне всё. Он начал следить за «Формулой-1» в 1979 году, когда апартеид еще жил и процветал. В то время считалось

крайне несоответствующим, если черный болел за белого гонщика. На родине Моко в Сенегале самыми популярными видами спорта были футбол и регби, но он выбрал «Формулу-1». По его мнению, Кими Ряйккёнена можно сравнить с художником, чьё искусство говорит за себя. Прежде чем задать еще несколько вопросов, внезапно осознаю, что довольно невежливо таращусь на его цветной балахон по колено. Моко замечает это и советует упомянуть великие достижения «Маримекко», финской текстильной фирмы. Он купил их ткани и использовал для создания уникальной одежды для себя.

Моко и Кими Ряйккёнен – Parabolike

Он говорит, что начал следить за Кими, когда тот еще был в «Заубере». *«Парень вышел из тени и начал с места в карьер. Я лишь смотрел, следил и запечатлел его в своей памяти»*, – вспоминает Моко. Они не встречались до перехода Кими в «Феррари». На гонке-открытии первого сезона Кими в Мельбурне, Моко сидел в зоне паддоков под деревом, когда Кими проходил мимо. Моко сказал: *«Добрый день, мистер Ряйккёнен, добро пожаловать в «Феррари»*. Кими остановился, посмотрел на Моко и с улыбкой сказал «спасибо». *«В тот момент за нами наблюдали фотографы, они рассмеялись и пошутили, что в «Феррари», мол, специально выписали себе африканца, только чтобы заставить Кими улыбнуться»*, – смеётся Моко, добавляя, что к тому же дал ему тогда амулет из своей коллекции, благодаря чему Кими и выиграл гонку.

«Что видишь, то и получаешь, Кими ничего не скрывает».

Моко прилетел на гонку из Парижа на частном самолёте, а затем отправится в Стокгольм на концерт «Роллинг Стоунз»

(потому что «парни» попросили его). Компания, которую он представляет, занимается производством одежды и бижутерии с логотипом-языком группы. Сам он, правда, об этом не рассказывает, но я слышал об этом от других. Когда я спрашиваю его, Моко отвечает, что предпочитает не говорить о работе и просто старается выполнять её так же хорошо, как и остальные. Моко считает Кими скорее не ледяным, а мудрым человеком. *«Мудрец полностью не откроется людям, он оставит что-то внутри себя. Он напоминает мне таких писателей как Марсель Пруст и Альберт Камю, хранивших тишину, давая возможность перу говорить за них»*. Я не вижу особой параллели между их творчеством и тем, чем занимается Кими, но Моко видит. Ещё он говорит, что встречался с близким окружением гонщика, включая родителей и бабушку Кими.

Внезапно Моко замолкает и оглядывается на толпу.

Он считает, что меня ждут серьёзные трудности при написании книги. Я спрашиваю почему, но этот вопрос остаётся без ответа. Наконец, он говорит, что мне стоит подробно побеседовать с мамой Кими, ведь, как говорится, у мужчины только одна мама. Я обещаю сделать это.

Мои мысли прерывает знакомый звук метрах в 100 от меня – рядом режут свинью. Значит, пора идти на «скотобойню». Люди в красном заводят монстра. Кто будет быстрейшим на 5,5 километрах дистанции? Начинается часовая тренировка, затем будет перерыв и главное блюдо – часовая квалификация, которая определит стартовую решётку в воскресенье.

В шлеме взмыленная голова, а внутри неё, в свою очередь, мозг, работающий на куда более высоких оборотах, нежели двигатель машины. Тысячи повторений одних и тех же действий упрощают гонщику работу: повороты становятся чуть более прямыми, шея приспосабливается к вибрациям, все данные помнишь спинным мозгом. Я как посторонний верю, что гонщики привыкли к близости смерти, однако Кими говорит, что я преувеличиваю – современные машины обеспечивают полную безопасность.

Первый сегмент квалификации выглядит многообещающе, второй – даже более того. Но небольшая ошибка в конце третьего сектора стоит Кими поула, и на старте он будет вторым. Перспективы на завтра хорошие, машина и гонщик работают в гармонии.

Перед Кими появляются микрофоны, он должен сказать, что чувствует и чего ждёт от завтрашнего дня. Его лицо красное, он потирает шею. На этот раз дело не в раздражительности, а в реальной физической боли – он страдает периодически

обостряющимся атопическим дерматитом. Журналисты получают краткий сухой комментарий о том, что занос, едва различимый на замедленном повторе, стоил ему поула, но он оптимистично настроен по поводу гонки. Он говорит лишь то, что действительно важно, то есть очень мало. Когда человек, у которого берешь интервью, не говорит почти ничего, приходится пытаться читать язык его тела. В итоге они расшифровывают это как то, что автомобиль довольно хорош и может принести победу, если не будет неожиданностей. Вот только неожиданности – это как раз то, что чаще всего и происходит в этом виде спорта.

С трассы в отель мы едем в тишине. Завтра гонка – причина, по которой мы пролетели 10 тысяч километров и оказались здесь. Из-за происходящего в воскресенье Кими прилетел сюда во вторник. Он опускает взгляд на входе в отель и как можно быстрее направляется к лифту. Сейчас он даже не останавливается, подписывая протянутые кепки на ходу. Его номер на седьмом этаже, третья дверь слева – он входит, принимает душ и перекусывает. Затем звонок по «Скайпу» в Швейцарию и общение с семьёй: Минтту, Робином и Рианной. Выучил ли Робин новые слова?

В лобби-баре тихо. Три австралийца – две пары открытых глаз, но этого хватает, чтобы заметить меня. Они хотят знать, что происходило на трассе, пока они участвовали в своей «гонке», завершившейся в баре. Что ж, рассказываю. Тем временем открывается и последняя пара глаз. Кими выиграет, они уверены в этом так же, как и в том, что завтра им всё-таки удастся выбраться на место событий.

Обмениваюсь с троицей, потерявшей счёт времени, ещё парой фраз. В этот момент не могу не вспомнить, что вездесущая пресса обильно, хоть и ошибочно, писала о том, чем Кими Ряйккёненскрашивает досуг. Сейчас за год Кими выпивает столько же, сколько эти австралийцы прикончили за последние сутки.

Утро воскресенья: душно, в тени 36 градусов, а в гоночной машине вдвое жарче. Гараж полон шума и суеты. На установочном круге что-то идёт не так. Машина Кими теряет мощность – десять парней в красном быстро снимают с неё детали из стекловолокна и начинают осмотр. Время уходит, старт гонки приближается. Камера крупным планом выхватывает обеспокоенное лицо босса команды Маурицио Арривабене. Машина Кими глохнет, её закатывают в боксы, а парни в красном расталкивают людей. Времени нет, а если и есть, то оно остановилось. Сейчас тут витает огромное количество невидимых купюр – все эти деньги будут потеряны, если причина проблемы

не будет найдена. В конце концов её находят, но на починку не хватит времени. Кими выбирается из машины и уходит в недра гаража, не снимая шлем, место на старте рядом с Льюисом Хэмилтоном останется пустым. Кими впустую слетал на другой конец света, в этот раз не проехав и метра, хотя в 2003-м именно здесь одержал свою первую в карьере победу.

Проблема оказывается в турбокомпрессоре, но объявят об этом только завтра. Гонщик выступил хорошо, но безрезультатно, а теперь должен оставаться здесь и смотреть, как другие будут гоняться без него. Должен оставаться на рабочем месте до самого конца, даже не имея возможности выполнить свою работу. А ещё должен отвечать журналистам, что чувствует, не проехав ни единого метра.

Наконец, только когда уже стемнеет, мы сможем покинуть автодром.

«Мазерати» везёт молчаливых мужчин с черепашьей скоростью, застряв в бесконечной пробке большого города. В какой-то момент Кими находит вариант – похоже, перед нами трассу покидают члены правительства Малайзии. Кортеж из трёх машин возглавляют двое полицейских на мотоциклах. Кими пристраивается за этой процессией, движущейся по собственной привилегированной полосе сквозь пробку. Внезапно полиция машет нам, показывая, что следовать за кортежем нельзя, Кими хмыкает и выходит из линии машин. Оглядываюсь на Сами Вису, однако и в этот раз он всем видом показывает, что не стоит ничего говорить – сегодня будет так.

Мы приезжаем в тихий отель, и гонщик, оставшийся без гонки, исчезает в лифте. Мы с Сами остаёмся в фойе. Чувство разочарования накрыло и нас, слов нет, наша тихая ярость обращена на турбокомпрессор: «Почему ты не заработал? Неужели ты стоишь 100 евро в этой 7-миллионной машине?»

Ночью Кими улетает в Бангкок на спонсорское мероприятие, затем ему предстоит гонка в Японии на Судзуке. Вся позитивная энергия направлена на неё. Всё так же, как и раньше: ему просто нужно сконцентрироваться на следующем гран-при и надеяться, что двигатель не подведёт. Хотя нет, всё не так, как раньше. Теперь у него есть жена и двое детей, теперь ему есть, что терять.

ДВЕ СЕКУНДЫ КАК ВЕЧНОСТЬ

Город Бар, Швейцария, дом. Папа лежит на диване с бутылкой воды в левой руке и игрушечной машинкой Робина в правой. Робин играет с машинками на полу. Никакой суеты. До отъезда на последнюю гонку в Абу-Даби ещё три дня; на этот раз поедет вся семья. А затем сезон закончится.

На этом диване Кими отец, а не гонщик. Он оживлённо говорит, комментирует болтовню Робина, принимает участие в играх, шутит, смеётся, подлавливает сына на озорстве и подыгрывает ему. 38-летний мужчина уже три года является отцом. Его второй ребёнок, малышка Рианна, родилась шесть месяцев назад. Повседневная жизнь наполнена гораздо большим количеством событий, чем гонки «Формулы-1». На треке события без конца повторяются — одна гонка похожа на другую. С маленькими детьми моменты сохраняют свою уникальность. Завтра всё может поменяться: новое слово появится в словаре Робина, новое выражение появится на лице Рианны. «Формула-1» уступает место самым близким людям.

Вот он, Ледяной человек, но на нём нет признаков хладнокровия. «Айсмен», «Ледяной человек», — это прозвище, придуманное Роном Деннисом, боссом «Макларена», кличка, ширма, штамп. С таким прозвищем можно гонять на машине, для этого оно отлично подходит. Но за пределами автомобиля «лёд» начинает таять, а стоит Кими переступить порог своего дома, и он окончательно испаряется.

Кими знаменит своей сдержанностью. Молчание изобрели не финны, но тем не менее, они всё равно переработали его в несколько успешных продуктов: неразговорчивость, паузы, предложения из трёх слов и полутораминутное безмолвие. Всё это капканы для тех, кто не в теме, тех, кто пытается понять, что же происходит, когда не происходит ничего. А после этого финн продолжает, будто и не было никакого молчания.

На основной работе Кими его кричащее молчание вызвано глупыми вопросами. В шумной и говорливой среде СМИ молчание может быть лучшим способом привлечь внимание. В случае с Кими, неразговорчивость берёт своё начало в сочетании застенчивости и незаурядного ума: если вопросы банальны, он отвечает парой слов и потирает шею.

У Кими Ряйккёнена не было шансов приспособиться к медийному климату «Формулы-1». В 2001-м он с головой нырнул в ледяную прорубь: сотни репортеров и телеканалов приехали на открывающую сезон гонку в Мельбурне, а ему в лицо смотрели

десять микрофонов. В его «прошлой» жизни, в формуле «Рено», были только случайные интервью. А затем всё изменилось в одночасье. Молодой человек, говорящий на ломаном, прерывистом, с запинкой, английском, оказался в полном дерьме, это факт. Свершилось чудо – он попал в «Формулу-1», мир, за год до этого маячивший далеко на горизонте.

У старого приятеля Кими Теему Носа Невалайнена есть интересная теория: «Если бы его путь к славе был длиннее, и у него было бы больше времени на подготовку, бьюсь об заклад, это был бы другой Кими, отличающийся от того, каким мы его знаем. Я совершенно уверен, что он был бы гораздо скучнее. Он бы всегда говорил только то, что люди хотят слышать. Сейчас же своими тремя словами он выражает гораздо больше, чем все остальные вместе взятые».

Кими не первый финский спортсмен, игнорирующий микрофон или остерегающийся его. Но он первый, чья неразговорчивость стала международным брендом, стала сама, а не была специально разработана им. Он не сотворил этот бренд, а просто однажды понял, что это он и есть. Самый сильный личностный бренд – это всегда правда, и, следовательно, он возникает спонтанно. Самый слабый – обезличенный, он сфабрикован, выучен и зазубрен. Кими — это органический продукт, появившийся из ледяной воды и имеющий глубокие корни там, где он появился на свет – в Кархусуо, Эспоо.

Нажимаю на красную кнопку диктофона, теперь он готов к записи разговора. Кими бросает взгляд на гаджет, но не позволяет ему себя смутить – а если это и не так, то он не показывает этого.

Он изо всех сил пытается справиться со славой. Это горькая пилюля, неизбежное зло. «Было бы великолепно гонять в «Формуле-1″ инкогнито», — говорит он, а я проверяю, записал ли диктофон это его первое предложение. Произнося эту мысль, Кими знает, что такого нет и никогда не будет. Инкогнито можно управлять бритвой или газонокосилкой, но никак не машиной стоимостью 7 миллионов евро.

«В картинге было не так много интервью – разве что после подиумов или во время финских чемпионатов. Тоже самое можно сказать о формуле «Рено». Я не почувствовал особой неловкости в Ф1, но интервью раздражали меня невероятно. На мой взгляд, они бессмысленны, хотя с командной точки зрения я их понимаю. Это одни и те же вопросы изо дня в день. Возможно, о спорте вообще не так много можно задать вопросов. Можно просто дублировать ответы – как ни крути, это было бы намного легче«.

Робин играет по меньшей мере с десятком машинок на трассе с поднимающейся стартовой прямой. Машинки нужно запустить

так, чтобы они смогли достичь вершины петли, а затем разогнались к финишу. Поглощенный игрой Кими занимается запуском, в то время как красная лампочка диктофона мигает, требуя речи.

«Я не очень понимаю, зачем имея 20 гонок за сезон, они каждый четверг спрашивают о предыдущей гонке, а каждую пятницу — о тренировке. Они смотрят на результаты пятничной тренировки и спрашивают, почему ты был восьмым, седьмым или шестым, хотя это не имеет значения. Они создают заголовки по результатам свободных заездов, хотя имя того, кто возьмет поул, не будет известно до субботы. А сама гонка — вообще в воскресенье».

Кими открывает третью за утро бутылку «Пенты», очищенной воды, рекомендованной его физиотерапевтом Марком Арноллом. Она медленно усваивается организмом и не содержит посторонних примесей.

Беру паузу, задумываясь о взаимоотношениях Кими с общественной составляющей его работы. Годовой бюджет «Феррари» превышает 400 миллионов евро. Из ряда вон выходящая сумма включает в себя спонсорские обязательства, продажи и маркетинг, фантазии и фигуры речи. Никто не видит глобальную картину, каждый видит ситуацию под своим углом, через замочную скважину. Но всё, что вы видите через эту дырочку, это два гонщика, один из которых неохотно выдавливает из себя одну-две фразы и чешет ухо.

Швейцарский производитель элитных часов «Юбло» (Hublot) выделяет 40 миллионов евро. На запястье Кими ничего нет. Спрашиваю об этом, потому что меня волнует наглядное подтверждение огромных инвестиций. По словам Кими, он не может носить часы из-за раздражения кожи. Интересно, а что может вызвать раздражение у главы «Юбло». Кими объясняет, что носит часы в рюкзаке на случай, если ему надо быть на публичном мероприятии. Вспоминаю пресс-конференцию «Роллинг Стоунз» во время европейского утра в 1995 году. Генеральным спонсором тура был производитель автомобилей «Фольксваген». Журналисты спросили тогда Мика Джаггера, что он думает об этой марке. Джаггер ответил, что предпочитает «Роллс-Ройс».

Голос Кими хорошо известен по телевизионным трансляциям. Он низкий, глубокий и хриплый. Таким он стал из-за аварии, в которую Кими попал пять лет назад. Он упал вместе с мотоциклом, травмировав шею о руль. Из-за этого его голосовые связки оказались повреждены и так и не смогли восстановиться до конца. Голос очень своеобразный.

Минтту спускается вниз с шестимесячной Рианной на руках. По взгляду Кими я понимаю, что он хочет провести немного времени с женой и дочкой. Я выключаю диктофон и удаляюсь. Гуляю вокруг большого дома и думаю о том, как он сюда попал. Расстояние отсюда до Кархусуо в Эспоо составляет 2440 километров и 20 лет. Добираюсь до уборной на среднем этаже. Интерьер тут привычный, такой же, как и во всём доме – серо-чёрный. Возвращаюсь мыслями к самому началу карьеры Кими – моменту, когда он подписал контракт с «Заубером». Молодой человек, бросивший курс механики в техническом училище, пристально смотрит на документ, сидя за столом в шикарном отеле маленького городка Рапперсвиль. Компанию за столом ему составляют его менеджеры Дэйв и Стив Робертсоны, владелец команды Петер Заубер и юрист. Ему предлагают 500 тысяч долларов в год и 50 тысяч за каждое заработанное очко. Парень, который сейчас подписывает этот контракт, живёт в доме, где даже туалет расположен на улице. Скоро это изменится. Он хотел достойно отплатить матери и отцу, поддержавшим его в начале карьеры и сделавшим это возможным.

Минтту, Робин и Рианна уходят гулять. Мы продолжаем с того места, где остановились. «Ты знаменит не потому, что известен. Ты знаменит тем, что мало говоришь. Вызвана ли твоя молчаливость необходимостью бездумно повторять ответы на одни и те же вопросы, или же тебе неприятно говорить с незнакомцами?«. Кими не отвечает, но вместо этого выдает интересную мысль.

«Даже плохие воспоминания могут быть хорошими. Каждый думает, что если ты не победил, это была плохая гонка. На протяжении многих лет было множество гонок, когда ты начинал с какого-то дерьмового места на решётке, скажем, с места «икс», а затем становился пятым или четвертым. И ты прекрасно понимаешь, что никто не смог бы показать себя лучше, стартовав с того места, но никто не врубается в это. Ты красавчик, только если пришёл первым. Гонка могла быть адски скучной, но если ты пришёл под номером один, журналисты считают, что ты выдал мегавыступление. Ты можешь сказать, что это была тупая дерьмовая гонка, потому что остальные собрали все проблемы, какие только можно представить, а ты выиграл только за счёт невероятной удачи, но даже после этого они скажут, что ты был чертовски хорош. Это бессмысленно. И это означает, что плохие воспоминания могут быть хорошими. Люди думают, что только первое место имеет значение, хотя каждый в команде прекрасно знает о том, что при определенных обстоятельствах и четвёртое место – это здорово. Но нет смысла объяснять эти вещи, если

люди хотят видеть только того, кто на подиуме. Итоговый результат – вот всё, что их интересует. У меня могут быть хорошие воспоминания о гонке, в которой я не финишировал, потому что всё складывалось очень здорово, пока не сдох мотор. Например, в 2002-м у меня постоянно отказывал двигатель, но, в то же время, у меня сохранилось множество хороших воспоминаний о том сезоне. Я многому научился, хотя всё шло не так. Простым зрителям не дано понять этого».

Окидываю взглядом большую комнату и ищу хоть что-то, что скажет о славе, роде деятельности и звёздном статусе того, кто здесь проживает. Замечаю большую красную книгу на нижней полке журнального столика. В «Феррари» посвятили эту книгу Кими: в ней рассказывается о его победе в чемпионате 2007 года. Это напоминает мне об особом положении человека, лежащего на диване в спортивном костюме.

Помимо обычных медиа, «Формула-1» окружена так называемой паддок-элитой: мега-селебрити, топовые знаменитости, рок-звёзды, бизнес-гуру, модники, первые дамы, министры. Все они хотят урвать свой кусок, свою крошку, свой ломоть. Кусок чего? То же самого, что и рядовой фанат из финского Пялькяне или из Токио: впечатлений, прикосновений, близости, памяти. «Я прикоснулся к кому-то, кто здоровался за руку с самой смертью». Гонщики занимаются тем, чем не должны, но чем всё равно занимаются. Опасно? Да. Захватывающе? Без сомнений.

На Ютубе есть видео о том, как всемирно известная актриса Николь Кидман приходит в гараж “Феррари” встретиться с гонщиками. Николь говорит «рада встрече» и протягивает Кими руку. Финн почтительно пожимает её и отворачивается. Этот кадр говорит о многом. Видео популярно, потому что содержит ошибку — поведение Кими. Неписанный свод правил говорит, как вести себя со знаменитостями: «я так рад вашему визиту», «видел множество ваших фильмов», «фильмы вашего мужа тоже прекрасны». Вместо этого выражение лица Кими говорит о том, что ему некомфортно быть вне машины и сталкиваться лицом к лицу с недостатком своей профессии: звездами. *«Они должны витать в небе, зачем они ошиваются здесь, на моей работе?»*

Кими переключает каналы и случайно находит мотокросс. Его внимание сразу же фокусируется на экране. Молодые парни катаются по кругу в аду. Большую часть времени они проводят в воздухе, подлетая высоко-высоко, приземляясь и проезжая по кочковатой прямой, чтобы снова подъехать к рампе и начать полёт. Человека со стороны такое может привести в ужас, и я вслух интересуюсь, не превратились ли половые органы гонщиков

в фарш. Кими улыбается. Очевидно, он наслаждается шансом раскрыть некоторые детали спорта полному дураку. Он объясняет, что ракушки, защищающие промежность гонщиков, в мотокроссе не используют, потому что гонщики по большей части стоят на байках, практически никогда не присаживаясь.

Кими нравится говорить о мотокроссе, потому что именно там всё и началось, и туда он вложился. У него есть своя команда «Айс Уан Рэйсинг», базирующаяся в Бельгии и возглавляемая бывшим гонщиком топ-уровня Антти Пирхёненом. Кими питает большую страсть к этому спорту и даже построил трек для мотокросса у своего летнего домика в Порккаланниеми.

Примерно 35 лет назад Кими сел на детский «Италджет», мини-байк для мотокросса, перед своим домом в Кархусуо, Эспоо, и нажал на газ. Байк подтолкнул Кими к той скорости, которую он не сбрасывает до сих пор. Он со своим братом Рами, который старше всего на два года, успели превратить сад у дома в неузнаваемое месиво, пока не пересели на четырехколёсный транспорт. Сын Кими Робин скоро будет в том возрасте, в котором его отец месил траву и грязь задним колесом байка.

Что делает скорость интересной? Что делает её волнующей? Почему кто-то не может спокойно стоять на месте? Они заражены каким-то пожирающим изнутри вирусом? Что даёт превышение скорости? Такое ускорение нужно во многих сферах жизни: искусстве, бизнесе, десятках видов спорта, где всё зависит от быстрой реакции, интенсивности, безрассудства и бесстрашия. Для человек, привыкшего к такому состоянию, повседневность будет скучна — краски померкнут, как та серая полоска на пыльном полу кухни, на которую постоянно светит солнце. После того, как переживешь это, всё остальное становится скучным, как тогда, когда сходишь на землю после самой страшной в жизни поездки на американских горках. Матти Нюкянен, самый успешный финский прыгун с трамплина, был счастлив те четыре секунды, что проводил в воздухе, но на земле часто оказывался растерянным. Повелителю неба приходится мириться со своим положением на земле. Иногда очень сложно найти компромисс между крайностями.

Кими размышляет над природой скорости, возможно, впервые. Возможно, он не может описать её конкретными словами, но это не мешает ему отлично ездить. Гоночная линия для него не проблема, но слова ускользают от него. Ему сложно высказать это, но он это делает, для него нет разницы.

«*Ты не чувствуешь скорость, по крайней мере, пока она от тебя не ускользает ненадолго. Иногда, после летнего перерыва, когда я мчусь на полной скорости по прямой, то чувствую, что голова*

осталась где-то позади. Я как будто мчусь по туннелю, и когда торможу, начинаю чувствовать скорость, секунды, может, четыре. Затем это ощущение проходит. Обычно после перерыва у меня болит шея, как и всё остальное, и я с трудом держу голову прямо».

Я напуган одним только рассказом об этом, но продолжаю слушать.

«Я никогда не боялся. Если бы я по-настоящему испугался, это стало бы моментом завершения карьеры. Мне нравится быть в машине; гонки — редкий плюс моей работы. Ты остаёшься наедине с собой».

Я это понимаю, хоть и проводил все свои путешествия в совершенно обычных машинах.

Машина Ф1 — это самое маленькое рабочее место в мире. Работник лежит в сделанной под него капсуле в шлеме, со слегка согнутыми коленями и ограниченным обзором. Никакого контакта с работодателем, если не считать командное радио, которое связывает тебя с инженером. Все остальные гонщики — соперники, некоторые из них хотят как можно быстрее лишить тебя работы. Срок уведомления — одна секунда, годовая зарплата непропорциональна, атмосфера временами накалена до предела, а выгода неизмерима. Самая интенсивная работа ведется на протяжении полутора-двух часов, в то время как количество рабочих часов подсчитать невозможно, а отдых сильно ограничен. Тебя быстро узнают, где бы ты ни был, но забывают ещё быстрее.

Я прошу Кими пролить ещё немного света на уникальность его работы. Он делает паузу, чтобы подумать об этом — не удивительно, что ему нужно время. Есть и другие профессии с уникальными особенностями, которые сложно объяснить. Да и с другой стороны, зачем тебе вообще их описывать? Что бы ты предпочел: рассказ композитора о его произведении или саму музыку? Тебе будет неинтересно слушать рассказ сантехника о том, насколько хорошо и как скоро он починит систему отопления. За свою жизнь я читал сотни книг и сотни интервью, взятых у их авторов. О последних я не помню ничего, в то время как многие книги оставили у меня яркие впечатления.

Кими устраивается поудобнее, допивает бутылку «Пенты» и отрыгивает. Он не привык думать о том, что делает — он просто делает. Многие профессионалы, у которых я брал интервью по поводу Кими, повторяли одно слово: инстинкт. Он либо есть, либо его нет. Всё остальное можно получить на практике.

«Вождение и решения, принимаемые на ходу, появляются как-то автоматически, подсознательно. Если меня кто-то спросит, где надо тормозить, я не смогу сказать. Импульс появляется сам

собой. Если бы мне пришлось над этим думать, то у меня было бы столько же шансов, сколько у снега в пекле, я бы всегда опаздывал. Иногда тебе надо просто понять, где тормозить».

Кими смотрит на меня, интересуясь, понял ли я его посыл. Я понял. Но я хочу услышать больше. Многие люди смотрят старт гонки, потому что это одна из характеристик спорта в чистом виде: на полной скорости к хаосу. Это совершенно непостижимо. Машины разгоняются бок-о-бок перед поворотом. В Малайзии на Сепанге скорость в конце стартовой прямой достигает 230 км/ч; для сравнения, скорость в первом повороте — 80 км/ч. Пульс гонщика поднимется со 110 на стартовой решетке до 180 за несколько секунд. Первый поворот становится самым стрессовым моментом.

«Тебе нужно понять, где остальные. Вы едете колесо в колесо. Когда делаешь это годами, уже хорошо знаешь, что сделает тот или другой соперник, потому что уже много раз это видел. Ты можешь ехать рядом с кем-то и знать, что он не сделает ничего глупого, ты ему доверяешь. Но есть и те, о ком ты ещё не знаешь, ты прямо видишь, что с ними надо быть осторожнее. В целом так везде. Нужно знать слабые стороны других. Компьютер в твоей голове перебирает альтернативные варианты, и нужно просто выбрать лучший из них. Или тот, что идёт за лучшим».

Голоса семьи эхом раздаются в коридоре, и опасная работа внезапно перестаёт быть подходящей темой для разговора. Робин вбегает в комнату и хочет построить башню из подушек, с которой можно было бы спрыгнуть. Мальчик стал носителем будущего, которое представить сложнее, чем гоночную траекторию. Ноябрьский свет заливает комнату через панорамное окно. Кими спрыгивает на пол и начинает ставить подушки с сыном. Время останавливается или исчезает вовсе. Он погружается в игру с головой. Гримасы отца смешат Робина. Кими взглядом говорит мне, что я могу продолжать задавать вопросы — он может отвечать и с пола.

Я заинтригован маленькими разницами во временах. Финский лыжник Юха Мието упустил золотую медаль зимней Олимпиады-80 в Лейк-Плэсиде в скиатлоне на 15 км, проиграв всего одну сотую секунды. Эта мизерное отставание позволило ему войти в историю. В «Формуле-1» создаётся ощущение, будто из часов смогли выжать ещё одну временную единицу. На табло отставания выглядят микроскопическими, но на трассе всё совсем иначе.

«В целом все находятся в двухсекундном окне. Ехать в двух секундах от лидера довольно легко, то есть, если ты постоянно в двух секундах от лидера, ты просто продолжаешь ехать — тут

особо ничего не сделаешь. Когда отставания сокращаются до десятых или сотых секунды, и ты едешь на полную, настройки твоей машины решат, сможешь ли ты сделать то, что хочешь. Всё должно быть идеально точно; так ты будешь знать, что случится в повороте, хватит ли сцепления с трассой. Вся разница в таких деталях. Если машина настроена неправильно, у тебя нет ни шанса. Если проигрываешь кому-нибудь несколько десятых на круге, например, в Бразилии, умножь эту разницу на 70 кругов и поймёшь, к чему это приведёт. Маленькое отставание становится большим».

Кими и Робин заканчивают башню. Робин залезает на её вершину по маленькой приставной лесенке и спрыгивает на пол. Кими радуется, Робин смеётся. Когда ты с детьми, время измеряется в других единицах — в моментах.

БЕЛЫЕ ЦЫГАНЕ

Спустя некоторое время мы начинаем отматывать назад годы, находясь в полутёмной комнате, которую Кими забавным сухим голосом называет своим офисом. Площадь комнаты примерно 20 квадратных метров, она оформлена в серых и чёрных тонах. Большую часть пространства занимает прочный алюминиевый стол с большим компьютером. Вдоль одной из стен – стеллажи со шлемами разных лет. Чтобы удобно расположиться, есть два дивана. Эту уютную комнату можно использовать как кинотеатр, проецируя фильмы на стену. Но мы здесь не ради фильмов, наши взгляды направлены в прошлое. Этому мужчине 38, и, по меньшей мере, столько же у него впереди. Он не привык оглядываться в прошлое, он не так много времени потратил на размышления о том, что сделал – он думает о том, что собирается делать.

Стоит согласиться с тем фактом, что о себе и о том, что ты сделал, говорить непросто – и довольно часто не так интересно. К счастью, есть другие люди, у которых можно взять интервью. Они появляются в комнате благодаря старым записям и дают свои версии событий. Полная картина становится более реальной, хотя всплывающий образ иной личности всегда остается неточным, несколько расплывчатым.

Кими Ряйккёнена часто называют загадочным – это преувеличение, но, возможно, его можно понять в век, когда людям нравится публиковать в соцсетях всё, что с ними происходит – с момента первого опорожнения мочевого пузыря утром до перекуса вечером. Тот, кто говорит мало или совсем ничего, сейчас с лёгкостью становится загадочным, хотя в прежние времена он мог бы быть обыкновенным, немного стеснительным гражданином. В некотором смысле мы сейчас сидим в самом центре антисоциального медиа.

Кими пьет четвёртую бутылку воды за день и смотрит на мигающие огоньки моего диктофона. Он выглядит обеспокоенным. Я заверяю, что аппарат не подключен к внешнему миру. Он может говорить свободно и быть уверенным в том, что сказанное не попадёт в не те руки за пределами этой комнаты.

Кими расслабляется на диване и начинает говорить. Разговор идёт вокруг да около, но меня интересует момент, когда всё началось. В начале был запах машинного масла, топлива и выхлопных газов: деньги появились позже. И до того, как запах денег стал постоянным, много всего было сожжено. Кими-Матиас Ряйккёнен родился в малообеспеченной семье. Когда я

употребляю это слово, я не подразумеваю бедность, но по сравнению с автогоночными реалиями денег было не так много. Сами Виса сказал о том, что лучший способ увлекаться гонками – не гонять. Стоит только сеть за руль, как купюры начинают вылетать из выхлопной трубы.

Матти Ряйккёнен знал об этом, но, к сожалению, он уже не сможет ответить на наши вопросы, поскольку скончался в 2010 году в возрасте 56 лет. Отец Кими был мотором, а его мать Паула – топливом. Вместе с двумя сыновьями они создали семью единомышленников, вдыхавших один на всех мерзкий воздух. Матти работал водителем грейдера, но всё свободное время возился с машинами и зависал на гонках открытого чемпионата Финляндии по ралли. Он брал сыновей на соревнования, разрешая участвовать в грязной работе – на ремонте и сварке. Мальчики быстро усвоили, что если чего-то хочешь достичь, необходимо всё делать самому.

«*Вот где мы начали наш путь – вне дома. Между мной и старшим братом Рами всегда шло какое-то противостояние – если не борьба, то спор. Я хорошо помню, как мы в первый раз пошли на картинг. Сын папиного коллеги подбросил нас – кажется, это было в Бембёле. Буквально сразу после этого папа купил нам старый карт. Затем мы начали ездить, но по очереди – из-за того, что Рами был намного выше меня, педали приходилось перенастраивать. Регулировка происходила каждые 10 минут, чтобы каждый мог проехать. По вторникам в клубе были гонки, там всё и началось. Я просто вырос на работе, находясь в самой её гуще: поскольку отец был раллийным механиком на открытых соревнованиях, там всегда были моторы и запчасти. Мы всё время варились во всём этом. Каждый в семье вечно был то на велосипеде, то за рулём. И вне зависимости от вида транспорта, должна была быть скорость*».

Кими говорит о скорости, не о соревнованиях. Очевидно, он рассматривает гонки как данность. Сначала ему просто хотелось победить старшего брата, затем – кого-то ещё. Стремление быть первым заложено у него глубоко в подкорке.

Когда я попросил Рами описать его брата в детстве, он вспомнил следующее: «*Мы гоняли на улице в футбол, была серия пенальти. Пять ударов от каждого. Если Кими проигрывал, били ещё пятнадцать, а если и этого было недостаточно, ещё двадцать. Не важно, что на часах уже была полночь, лишь бы Кими был доволен результатом*».

Мама Паула рассказывает, что у нее было два совершенно разных сына. «*Я бы сказала так: Рами выбирает разум, Кими – действие. Если есть хоть небольшой зазор, Кими проскользнет.*

Рами – в большей степени джентльмен, и если кто-то догоняет его, он скажет: «Продолжай, проезжай». А если Кими увидит мельчайшую щель, он этим воспользуется».

Для Рами удивительны принципы вождения Кими, его неординарность: «*Он уверен, что если другому парню не протиснуться, то он сможет. Он видит пространство и считает, что лучше всего в этой ситуации ускориться, а не тормозить*».

У старых приятелей Кими свой взгляд на его манеру вождения. Уффе Тягстрём, его дизайнер шлемов со стажем, считает, что у Кими фантастическое чутьё. «*Если он уже где-то ездил, не важно, в каком городе – он точно помнит маршрут без всякой спутниковой навигации. У него своя навигация – абсолютная, без единого сомнения, с верой в себя*».

Юха Ханski, знающий Кими с начала 2000-х, одновременно и хвалит, и ругает гонщика: «*Если описать его стиль вождения в траффике одним словом, то это дерьмо, он абсолютно безрассуден. Но как бы то ни было, насчёт машины можно не беспокоиться – он великолепно ориентируется в пространстве. Мы можем испытывать новую трассу, и Кими пройдет её на полной скорости. Он очень быстро постигает особенности трека, тогда как остальным нужно много времени, чтобы понять, что к чему. В «Формуле-1» это умение является особенно важным*».

Вспоминаю поездку в Малайзию и то, как Кими ехал из отеля на автодром. Маловероятно, что он помнит это. Едва ли можно подметить особенности его стиля вождения. Для него это как зубы почистить.

Наша беседа возвращается к теме детства. Мальчики играли, занимались спортом, работали руками. Они постоянно были в движении: футбол, хоккей, легкая атлетика. Только вторник был днём без спорта. Помимо этого они ремонтировали всё, что только можно. У Матти для этого было оборудование, у парней – энтузиазм. Рами рассказывает, что если велосипед не выглядел достаточно хорошо, его обрабатывали углошлифовальной машиной и сваривали заново. Матти с лёгкостью разрешал сыновьям делать то, что они хотели. И хотя не все их идеи были блестящими, они всё же реализовывались.

Картинг. Слово, за которым скрывается тысяча историй, слово, объединяющее всю семью. Кажется, ни одно увлечение не было столь всепоглощающим. Для Ряйккёненов картинг означал совместные действия, единство. Картинг забирал всё, но давал гораздо больше. Тогда они ещё не знали, какую роль он сыграет в жизни их младшего сына. Это просто было стилем жизни – жить моментом. Тогда ещё не было звёздных достижений. Их глаза были сосредоточены на дороге, их руки были испачканы маслом.

Они кое-как сводили концы с концами – а точнее, шланг с бензобаком.

«*Когда я был ребёнком, возиться с запчастями считалось нормальным. Сейчас такого нет. У многих есть богатые родители, поэтому им не приходится заниматься чем-то подобным. Но я не думал об этом тогда – мыть и обслуживать машину самому было в порядке нормы. Конечно, теперь полно придурков-бездельников, у которых отцы владеют миллионами. Они прилетают на собственных вертолетах на всё готовенькое*».

В голосе Кими чувствуется нотка раздражения, которое испытывает гонщик, прошедший долгий путь. Он рассуждает, как механик – и он высоко ценит этих специалистов. Специалистов с вечно испачканными руками и пониманием основополагающих вещей в машине. Рами согласен с ним. Разница между ними лишь в том, что он закончил курсы механиков, а Кими – нет. Но Рами знает, что, несмотря на отсутствие сертификата об окончании курсов, его младший брат прекрасно понимает, что происходит в двигателе.

«*Ты должен быть способен объяснить механикам и инженерам, как ведёт себя машина. Ты должен понимать технику. В этом плане образование в сфере автомеханики крайне полезно*», — говорит Рами.

Кими настроен на одну волну с машиной. Вся грязная подготовительная работа к этому была проведена в детских спартанских условиях. Старенький семейный фургон был нашпигован знаниями и эмоциями. Ничто не возникает на пустом месте. Мама Кими знает это, и у нее есть свои воспоминания:

«Иногда после того, как мы запаковывали и втискивали всё картинговое оборудование в фургон, у меня вырывался крик «Как я счастлива быть здесь!». Мы никогда не скрывали своих счастливых эмоций, обнимались друг с другом, ощущали единение. Это было наше семейное время. Я часто называла нас в каком-то смысле белыми цыганами, потому что зимы были посвящены выплачиванию долгов, а с наступлением весны мы возвращались на дорогу»

Картинг – это скорее образ жизни, чем хобби. Это не такое увлечение, как футбол, фигурное катание, хоккей или верховая езда – виды спорта, которые требуют немного денег и родительской поддержки. Ни один ребенок не сможет заниматься картингом без всесторонней поддержки семьи и без всего семейного бюджета. Финский комедийный актер Вилле Мюллюринне знает об этом всё. Он несколько лет ходил на гонки вместе с сыновьями, и теперь красочно рассказывает о сути этого вида спорта. Он стал «картинговым папой» в 35 лет и был

абсолютно несведущ в вопросах автомеханики. Это был прыжок в новый непонятный мир. Уверен, Мюллюринне пригодилось его фирменное чувство юмора – в противном случае он мог бы сойти с ума. Ему пришлось управляться с двумя машинами, старым фургоном и абсолютным отсутствием знаний: «*Я был техническим профаном, но рядом были невероятно душевные люди, готовые помочь со всем разобраться. Это адская работа для отца с нулевыми знаниями, который ни черта не смыслит в регулировке шасси и всём прочем. Нужны годы, чтобы понять всё это. А ещё нужно помнить о том, что в известной мере это не просто увлечение, потому что это постоянное соревнование. И поскольку я совсем не разбирался в таких вещах, как передачи, то считал, что мой парень был безнадёжен как водитель. Но дело было не в нём, а в его бесполезном отце*».

Кими слушает и ухмыляется. Для него это знакомая история. Если мероприятие проходит в выходные, ты приезжаешь туда во вторник, самое позднее, в пятницу. Гонки проходят по субботам и воскресеньям. Затем машины моют, обслуживают, упаковывают, и всё то же самое повторяется на следующий уик-энд. В этом сообществе практические знания ценятся высоко. Особенно это касается отцов, которые сами гоняли или умеют чинить или настраивать машины. В случае с Кими это был его отец Матти. Никого не волнует, какое у родителей происхождение: на фоне пронзительного рёва моторов высокопоставленные лица неотличимы от простых работяг. На обочине трассы все они одинаково возбуждены и кричат с перекошенными лицами во время гоночных страстей. Последующие обсуждения в сауне порой продолжаются допоздна. Вилле Мюллюринне признаётся, что скорость – невероятно заразное явление, натягивающее нервы до предела: «*Я орал: «Не оставляй им ни единого, мать его, сантиметра! Гони!!!»*.

Психологическое безумие картингового папы – история, знакомая Кими. Так и его родители порой сходили с ума гоночными вечерами…

Кими вспоминает летние ночи из своего детства: “*Гонки иногда получались сумбурными, люди напивались и орали, пиво било им в голову. Когда ты пытаешься заснуть в машине, а вокруг шумят люди, это, конечно, выводит из себя. А люди кричали всякие странные вещи. Но когда едешь в шлеме, ничего не слышишь. В хоккее, например, наоборот — ты слышишь всё. Эта игра больше для детей, а не для родителей*”. Он хочет пояснить, что его родители не были такими фанатами до мозга костей. Возможно, это потому, что в глубине души они думали не только о победах и явно не о великом будущем. Главным было то, что у семьи есть

общее увлечение.

Находчивость семьи Кими, которая помогли ему начать, становится еще более заметной, когда Мюллюринне заводит речь о современных ценах в этом спорте: “*Среднего бюджета нет, он постоянно растёт. В главном классе мотор стоит пару тысяч и примерно столько же — шасси, плюс вам надо купить фургон и трейлер. В итоге в один момент уходят тысячи евро. Но это просто небо и земля, если вы захотите участвовать в соревнованиях за границей, даже на самом скромном уровне. Уик-энд стоит от 5 до 15 тысяч — всё зависит от того, что вы готовы делать сами. Заплатив 15 тысяч какой-нибудь картинговой компании, вы получите механика, инженера по данным и всё остальное. Очевидно, что этим не займётся ни один нормальный человек*”.

За свою карьеру в “Формуле-1” Кими понял, какую невероятную работу проделали его родители. Также он понял, что без внешнего финансирования не смог бы попасть в этот спорт. Множество вещей встало на свои места. Ему было нужно немного удачи, но одно было заметно с самого начала — Кими невероятно быстр. Картинг лишь приоткрывает то, что потом материализуется в Ф1 — отставания настолько малы, что на этот краткий миг ты должен стать более наглым и дерзким, чем остальные. Нервы гонщиков проверяются местами, где просто невозможно обогнать, но кому-то это всё равно удаётся.

Мюллюринне рассказывает и об обратной стороне этой медали: “*Изначально люди верят, что их сын станет новым Ряйккёненом или кем-то в этом духе, и некоторые готовы вкладывать невероятные суммы, даже если факты говорят против этого. Этот спорт быстро затягивает, потому что разница между лидером и отстающим так мала. Я знаю множество людей, участвующих на этапах европейских турниров, они берут кредиты и закладывают дома. И я знаю, что это ни к чему не приведёт. Когда ты взлетаешь слишком высоко, а спонсора нет, лучше уйти и положить всему конец самостоятельно*”.

Рами долгое время выступал в картинге вместе с Кими, пока не забросил это дело и не стал механиком: “*Я бросил где-то в 15, потерял мотивацию. К тому же я был тяжелее нужного на 4-5 килограмм. Хорошо, что все усилия родителей и удача привели Кими туда, где его талант увидели. И надо отдать ему должное: он просто не сдается. Для него всё становится неважным, когда нужно обогнать соперника*”. Сейчас он приглядывает за имуществом Кими и занимается каждодневными заботами, которые перенял после скоропостижной смерти их отца Матти.

Кими (слева, 8 лет) и Рами (справа, 10 лет) Ряйккёнены

В какой-то момент Кими стал настолько быстрым, что повседневная жизнь стала слишком медленной. Особенно школа, необходимость сидеть, читать, зубрить. Обучение стало сложнее и из-за дислексии, унаследованной от матери. Паула считала, что мальчику нужна помощь, с самого первого года обучения: “*Рами всегда хорошо учился, Кими это давалось сложнее из-за дислексии. До третьего класса нам приходилось бороться».*

“*Когда у Кими хватало терпения, чтобы концентрироваться на вещах, всё шло хорошо. Когда ему пришлось заново учиться в пятом классе, оказалось тяжело, но решение было правильным. Было лучше заново отучиться в пятом классе в маленькой школе в Кархусуо, где все его друзья были рядом. В большой школе в Каракаллио ему было бы намного сложнее. Кими никогда не любил чтение; ему больше нравилось делать что-то своими руками, заниматься спортом и гонками*”.

В мире всегда было и есть полно мальчишек и девчонок, продолжающих глазеть по сторонам и ковыряться в носу вместо того, чтобы изучать математические формулы или порядок слов в немецком, но мало кто из них добирался в Ф1. Кими тоже не заглядывал так далеко вперед, когда в возрасте 10 лет проехал первую гонку в классе “Мини Ракета”.

Уже тогда картинг был гонками, хотя пока и не доводил до состояния, когда зубы стискиваются, а костяшки пальцев начинают белеть. Тони Виландер был на год младше Кими, когда вслед за ним нажал педаль газа, а впоследствии стал его другом на всю жизнь. Тони вспоминает, что они стали лучшими друзьями не сразу — они сближались постепенно, творя разные забавные вещи за пределами трека. Им было 11, а это тот головокружительный возраст, когда настроение не бывает плохим, а о завтрашнем дне не особо и задумываешься. Их дружба была настоящей. Они спокойно могли стащить друг у друга гамбургер, но никогда — место в команде. Тони помнит, как Кими впервые посетил его дом в Канканпяя в 1993 году. Виландер и Ряйккёнен продолжают общаться до сих пор, правда, занятая жизнь не позволяет им организовывать совместные посиделки — сам Тони уже много лет гоняет на спортивных «Феррари».

Вскоре ритм жизни ускорился. Вокруг Ряйккёненов витал дух бензина и нехватки денежных средств. Гонки требовали всё больших вложений, а процесс привлечения спонсоров не был простым. *«Нам всё время нужно было больше средств, их никогда не хватало. Время от времени деньги давала моя мама. У нас были связи с «Рэйсинг Яатинен», и зимой нам удалось уладить все вопросы»,* — рассказывает Паула.

«Рэйсинг Сервис Яатинен» до сих пор ведёт свои дела в района Конала в Хельсинки. Лассе Яатинен, опытный инженер и бывший гонщик, следил за историей семьи Ряйккёненов с неподдельным интересом. По его словам, эта семья олицетворяла собой прежний дух спорта, когда все всё делают вместе: «*Среди наших клиентов до сих пор попадаются такие, где налажена связь отца и сына. У Матти было горячее сердце, он был любящим отцом, в их семье царила хорошая атмосфера. В наши же дни стало больше команд и меньше банковских долгов*«.

Тони Сааринен, правая рука Яатинена, соглашается с боссом. Он выигрывал чемпионат Финляндии, а сейчас является техническим специалистом по автомобилям с 30-летним стажем. Впервые Ряйккёнены посетили офис Яатинена в начале 90-х. «*Мы могли получить всё необходимое по хорошей цене — это было шагом вперёд. Если бы мы не дали им оборудование в аренду, они не смогли бы ездить на гонки в Европу. Конечно, мы кое-что получили с этого — позже по той же схеме велась работа с Тони Виландером*«, — делится Яатонен.

Основной статьёй расходов были шины — один комплект обходился в 200 евро, а на гонку нужно было сразу три комплекта. Было сложно выделять такие деньги из скромной

месячной зарплаты родителей.

Яатинен вспоминает, что скорость Кими проявлялась постепенно: «*Во время чемпионата Европы, проходившего в Лэйк-Гарде, ко мне подошел Питер де Брюйн. Тогда он сказал, что «теперь увидел это», а дальше заговорил про Кими*«.

Кими особо не утруждал себя чтением книг, но компенсировал это чтением трассы. Тони Сааринен отмечает, что хороший гонщик способен предвидеть события, смотреть на несколько шагов вперёд, избегая столкновений. А ещё он способен проявлять агрессию в нужный момент. Кими стал лидером той команды — это можно было почувствовать даже по его хорошему другу и гоночному напарнику Оску Хейккинену, почти всегда приезжавшему к финишу в статусе чёткого второго номера. При этом Кими из Эспоо не чурался возможности напоминать своему савонийскому другу о его месте. Сааринен подчёркивает — не имея бездонного кошелька, у тебя нет другого выбора, кроме как не сдерживать себя. А ведь сейчас ситуация ещё более невероятна: если хочешь выступать за заводскую команду в Европе, нужно найти 150 тысяч евро, это больше не просто хобби для обычных людей. Хотя в Финляндии по-прежнему можно гоняться, пользуясь лишь поддержкой семьи.

Что позволяло Кими выделяться на фоне остальных? Одной из причин был возраст — он соревновался с гонщиками на четыре-пять лет старше себя. Осознание этого факта прочно оседало в умах людей, множества людей. Слухи распространяются быстро, порой со скоростью, превышающую скорость машины. А предоставленный шанс проявить себя работает даже эффективнее слухов. Репутация семьи Ряйккёненов, действующих как чётко слаженный механизм, знающих своё дело, быстро разошлась в нужных направлениях. Спустя какое-то время «белые цыгане» повстречали на жизненном пути группу специалистов по маркетингу и продажам, заразившихся скоростью и появившихся на картинговой трассе. В какой-то момент они почувствовали, что должны ненадолго покинуть свой конференц-зал и вдохнуть запах бензина, став представителями так называемого старшего класса, в котором управляющие директора гоняют, чтобы выпустить пар. Неудивительно, что через некоторое, весьма непродолжительное время этот класс за глаза стали называть «классом маразматиков». Так Ряйккёнены впервые и познакомились с Петри Корпиваарой, Сами Висой и Рику Куваей. Последние двое позже сыграют важнейшую роль в жизни Кими: Кувая будет вести дела Кими в период с 2005 по 2015 год, после чего Рику в этой роли сменит Виса.

Но на тот момент они были просто успешными бизнесменами, нуждавшимися в помощи по настройке, обслуживании и очистке двигателей. «*Выбора не было — нам нужен был механик, потому что в картинге мы разбирались так же, как свинья разбирается в полётах. Тогда Юкка Соймется и посоветовал нам Ряйккёненов»,* — вспоминает Виса. Рами был механиком Кими, но получал серьёзную прибавку к жалованью, следя за тем, чтобы карты бизнесменов были в нормальном состоянии. В свою очередь, финансисты старшего класса смогли обеспечить для Кими, помогавшего вместе с братом большим и неуклюжим парням, спонсорскую поддержку. Так семья Ряйккёненов получила глоток свежего воздуха в своём хобби. Отели «Сокос», «Кэрролс» и «Кофф» зарекомендовали себя хорошими партнёрами, обеспечившими лучшее оборудование и большее число комплектов резины.

Тони и Кими бок о бок двигались в направлении европейских картодромов, но чтобы попасть туда, нужны были деньги, а чтобы быть там конкурентоспособным — скорость. Поначалу и то, и другое было в дефиците. В кошельке Ряйккёненов чаще можно было услышать шум ветра, нежели шорох купюр, и без сторонней поддержки семья Кими могла бы рассчитывать только на участие в гонках в Финляндии — европейские чемпионаты остались бы несбыточной мечтой.

Помощь, изменившая всё, пришла из собственного большого окружения. Юсси Рапала, муж Валпури, сестры Паулы Ряйккёнен, был выходцем из хорошо известной семьи производителей рыболовных снастей и настоящим фанатом гонок. Открыв собственный кошелек, он открыл для Кими и окно в Европу. «*Позже мы отплатили Юсси за каждый вложенный им евро*«, — подчёркивает Паула.

Кими делает глоток воды и мыслями улетает в прошлое. Он пытается вернуться в свою юность — неугомонный пацан бездельничает в техникуме на курсах автомехаников. Его глаза не могут сосредоточиться на книгах, но начинают блестеть, стоит ему лишь взглянуть на педаль газа или приводной вал. Если я буду конкурентоспособен в Финляндии, буду ли так же хорош в Европе? Если сконцентрируюсь сейчас, сдам ли экзамен по математике? Что я буду делать, если все деньги, потраченные на моё хобби, вылетят в трубу? Что если я устрою заварушку на большой гонке? Ничего в этой жизни не происходит без давления, и если это давление станет слишком сильным, придётся понервничать.

Парень, ещё учившийся в школе и не знающий о своей будущей профессии, уже тогда задавался главными вопросами.

НАМОКШИЙ СТОГ СЕНА

Мы закончили на сегодня. Могу понять, все эти разговоры его утомили. Кими спрыгивает с дивана и уходит по длинному коридору к Минтту, Робину и Рианне. Перед его уходом мы договорились сходить в сауну и поплавать вечером. Но сначала Кими хочет побыть с семьей, так что сперва я иду в тренажерный зал. Также мы решили, что утром перейдём к его воспоминаниям о Европе, континенте, который выглядел в глазах 17-летнего парня, почти не знавшего языков, огромным и пугающим.

В спортивном зале дома тренажёры абсолютно на любой вкус. Кими годами пытал себя, чтобы быть готовым к двум часам нечеловеческих нагрузок в тесной машине. Ничто не поможет, если твое тело, включая шею, плечи и пресс, не в идеальном состоянии. Автоспорт включает в себя множество переменных, но саму концепцию можно разделить на два слова: авто и спорт. Гонщик не может повлиять на качество запчастей машины, но может поработать над собой. В задней части зала стоит странный механизм, который оказывается сиденьем машины Ф1. Шлем с обеих сторон кабелями прикреплен к шасси, а руль связан с утяжелителями. Машина заводится, и начинается моя пытка. Голова испытывает примерно те же нагрузки, что и в гонке, руль вибрирует. Выдерживаю примерно полторы минуты.

Сауна в доме круглая, в центре стоит постоянно горячая печь “Харвия”. Кими не был доволен прошлой сауной и хотел пригласить мастера из Финляндии, чтобы всё было по высшему разряду. Если не проводишь дома много времени, хочешь наслаждаться этими мгновениями по максимуму.

Кими и Робин приходят поплавать. Брызжущая энергия двухлетнего ребёнка поднимает волны и разряжает атмосферу. Отец спокойно относится ко всему, что тот делает. Кими учит ребенка быть пловцом-чемпионом — каким он сам уже является. Кими проплывает бассейн несколько раз, его вольный стиль практически безупречен. Робин сразу же начинает имитировать его.

Имитация необходима для продолжения рода, но она может привести к спорным привычкам. Минтту считает, что мочиться на улице — анахронизм, но Кими всё равно привил подобное поведение Робину. Она знает, что это идёт ещё из далекого детства. Кими и Рами, жившие без туалета в доме, привыкли справлять нужду снаружи, и Кими не видит причин что-то менять, раз у него есть своя территория, на которой он может это делать.

Робин хочет показать папе и гостю, что научился держать

голову под водой. Мальчика хвалят за первые шаги в сторону дайвинга, и он удваивает усилия. Брызги воды; немного попадает ему в легкие. Испуганный мальчик закашливается, и отец его успокаивает.

В швейцарском доме темнеет. Я иду в гостевую комнату внизу. На двери написано “Рядовой Ряйккёнен”, смешной знак, особенно от того, кто презирает власть. Обязательный срок в армии дался ему нелегко, но горькие воспоминания постепенно переросли в тонкий юмор. Перед сном вспоминаю историю от Тони Виландера, показывающую пример такого юмора Кими. Когда гонщик неожиданно вернулся в “Формулу-1” в 2012 году, он позвонил Тони и попросил номер телефона Парккёнена, командира спортивного подразделения в Лахти: “*Кими хотел позвонить ему и рассказать о возвращении, дав понять, что неважно, что со времён его службы в армии прошло уже 10 лет. Парккёнен хорошо о нас позаботился и был в каком-то смысле боссом нашей команды*”.

Утро. Первым делом в доме Кими не оказывается и намёка на гонщика. Минтту готовит смузи на кухне, сообщая, что Кими еще спит. Ничего нового. Он спит когда угодно и где угодно. Сон для него так же умиротворяющ, как и сидение в гоночной машине. Например, никто не задает глупых вопросов.

Наконец Кими поднимается. Буйство на голове, низкий голос, на лице улыбка. Каша, ягоды и смузи, поставленные перед ним женой, исчезают почти мгновенно.

Робин хочет поиграть перед тем, как мы перейдем к Европе. Игры очень оживленные, быстрые и громкие. Маленькие машинки летают по полу через всю гостиную. Робин ползает за ними и болтает на своем языке, смеси финского, английского и детского. По Кими видно, что он хорошо понимает происходящее, быстро цепляется за любые действия — он помешан на действиях. Он наклоняется и настраивает машинки Робина, чтобы они были ещё быстрее.

Минтту уводит Робина, и мы переходим в комнату Кими. Европа ждет. К середине 90-х Финляндия стала отставать от автоспортивной жизни; настала пора для чего-то большего.

Финский климат состоит из четырёх видов ада: ледяная зима, холодная весна, дождливое лето и грязная осень. Возможность проводить гонки на маленьких машинках под голубым небом есть всего лишь несколько месяцев в году. В Италии, Франции и Испании же жечь резину можно почти весь год, так что неудивительно, что Кими Ряйккёнен и Томи Виландер отправились на свою первую гонку в роли андердогов. Их европейские соперники имели гораздо больше практики, их

оборудование было дороже и у них были традиции. Кими, Тони и другие финны могли предложить в ответ лишь две вещи: скорость и первобытную ярость. Эти два качества могут позволить начать тебе длинный путь наверх или заставить закончить, оставив тебя со злобной миной поедать рыбные консервы в своём побитом фургоне.

Кими почесывает ногу, возвращаясь к болезненным воспоминаниям, хотя прошло уже достаточно времени, чтобы их сгладить. Тем не менее, если копнуть поглубже, налёт этакой ржавчины на них всё ещё можно разглядеть:

Рами был моим механиком. Мы ездили на гонки в старом фургоне, в основном на семейные деньги, которых поначалу хватало. Юсси Рапала очень сильно помог, без него мы бы до этого не дошли; мы продолжали занимать деньги. Большинство крупных гонок проходили в Италии, я довольно рано это осознал, и, черт возьми, родители вложили в это всё до копейки, а когда мы туда приезжали, у меня было чувство, что ничего не выйдет. У нас был фургон и палатка; раз или два мы спали в каких-то отелях. Это сейчас все эти дома на колёсах и тому подобное будут выглядеть странно, а тогда такое было в порядке вещей.

Денег не хватало, но их компенсировала находчивость. Матти, отец Кими, садился, надевал кепку козырьком назад и думал, что ещё может изобрести. Как-то в гараже раздался знакомый треск сварочного аппарата — Матти что-то сваривал. Он вышел и показал Пауле длинные трубы и брезент. Он назвал конструкцию “храмом, отпугивающим дождь” и собрал его рядом с фургоном, чтобы защитить оборудование от намокания.

Кими впервые проверил свою скорость в легендарном Монако в 1995 году. Ту его гонку закончил промокший стог сена. Калле Йокинен, его будущий механик, сопровождал тогда семью Ряйккёненов в первый раз и хорошо всё запомнил: “*Кими отлично ехал и начал последний круг четвёртым, это было серьёзным достижением. Но он не финишировал, когда я его ожидал. Я думал, какая-то деталь сломалась и подвела его, но потом он пришел в фургон и разрыдался. Я спросил, что случилось. «Я задел стог сена». Его слегка занесло в шикане, он думал, что сено отлетит в сторону, но перед гонкой всю ночь шёл дождь, и этот тюк стал очень тяжелым — собственно, так и закончилась его первая международная гонка*”.

В 1996-м они отправились на европейские чемпионаты. Это был непростой урок, показавший, что одним талантом в картинге успеха не добьёшься. Кими вспоминает это так: «*Это был провал. Думаю, мы с Тони тогда были последним и предпоследним. Застрять позади всех было отвратительно. Если ехал слишком*

медленно, машину клинило. На треке было чертовски много резины. Мы думали, что у нас никогда ничего не получится. Было множество гонок, когда мы даже не доезжали до финиша. Тогда мы поменяли резину. Сначала у нас был "Вегас", а потом мы нашли "Бриджстоун", и к концу года всё постепенно начало налаживаться«.

Успех Кими тормозился не только намокшим стогом сена — свою роль сыграли полное незнание иностранных языков, недостаток денег и застенчивость. Довольно часто эта комбинация приводит к тому, что в итоге тебе не остаётся ничего, кроме как стать посудомойкой или уборщиком в дешёвых отелях. Как Кими добился результата там, где многие потерпели неудачу? Если разобрать его путь на гоночный Олимп по частям, сразу обнаружится множество деталей, прямо как в швейцарских часах. В дополнение к главному герою история успеха обязательно включает в себя несколько дополнительных персонажей, разбросанных по страницам истории словно хлебные крошки. В истории же Кими их целая банда. Ему потребовались отец, мать, брат, финские спонсоры, механики, люди, рассказавшие о быстром парне нужным людям, которые затем рассказали о нём ещё более влиятельным людям, принимающим решения и берущим на себя риски. За три года с ним случилось больше, чем со многими за всю жизнь. Мальчик без гроша в кармане очутился в "Формуле-1", на вершине автоспорта.

В автоспорте мнения и предпочтения не имеют никакого значения, разбиваясь о два решающих фактора: клетчатый флаг и секундомер. Многие жизненные пути подразумевают собственные точки зрения и субъективные оценки, зависящие от говорящего. Но когда дело доходит до взмаха клетчатым флагом, объяснения лишаются смысла. Да и в любом случае это сложно, если не знаешь английский. С другой стороны, если твоё вождение отмечено секундомером, в языке нет нужды. У Кими случилось именно так, хотя со временем кому-то надо было заговорить на английском.

В то время Калле Йокинен был тренером и механиком Киммо Лиматайнена, но он освободился в самый подходящий момент. В последующие несколько лет Калле играл очень важную роль в моментах, когда демонстрация скорости была жизненно необходима. Он пришел на помощь Ряйккёненам, сопровождая их по Европе. У них были успехи, но и большие расходы. И им как-то надо было получить оборудование получше.

На дворе был 1997 год. К этому моменту знание языков и опыт Калле уже сыграли на руку Кими. Калле закончил карьеру в картинге и младших формулах и знал много людей. Но ведь знать

много людей и не обязательно — достаточно знать одного.

Калле отправился на переговоры с Питером де Брюийном, бельгийцем, который на тот момент работал настройщиком двигателей в «Си-Ар-Джи Рэйсинг Тим». Питер знал Калле как хорошего механика и гонщика. 21 год спустя де Брюийн чётко помнит первую встречу с Кими: “Впервые я встретил Кими в Лонато в Италии в начале 1997-го. Его механик, Калле Йокинен, выступавший за нас несколько лет назад, пришел и спросил, могу ли я помочь его гонщику получить двигатель получше, потому что у него был очень скромный бюджет. Помню, как Манетти, один из наших лучших гонщиков, проиграл тогда неизвестному парню в красном. После гонки Калле подошел и спросил, видел ли я уровень его гонщика. Я спросил, кто из них был его. «Ну, тот, что в красном». В то время я работал с двигателями в “Си-Ар-Джи” и решил отдавать Кими и Калле те двигатели, которые были больше не нужны нашим парням”.

Питер помнит и ещё одну деталь, ставшую частью образа Кими: “Он однажды подошел к нам со своими родителями, чтобы обговорить некоторые детали. Через какое-то время мы заметили, что он пропал. Его отец Матти спокойно заметил, что Кими наверняка ушёл куда-то спать. Я слегка удивился, когда немного времени спустя мы нашли его спящим на шинах “Бриджстоун”. Надо было это сфотографировать. В любом случае мы тогда решили, что Кими продолжит получать поддержку от меня и команды. Я видел, что он всё время улучшает результаты, но делает это с некоторой ленцой. Мы с ним об этом беседовали, и я пытался повлиять на его отношение к делу”.

Год спустя Питер основал собственную команду со своей женой Лоттой, которая соревновалась в том же классе, что и Кими. Финн вступил в “ПДБ Рэйсинг Тим” и начал ездить на гонки с механиком. Кими собирал микроавто на продажу, помогал по мелочи. Он получал немного карманных денег, но самое главное, стал садиться за руль более быстрых машин.

Кими вспоминает одну интересную деталь о Питере: “Он сам немного гонял в «формулах», но сдался, потому что его до ужаса бесили ремни безопасности. На одних тестах они его довели настолько, что он отстегнулся, как только выехал из гаража. Он уехал, высунувшись из машины. Примерно тогда же и понял, что это не его”. Звучит как разумное решение.

Кими переводит взгляд на полку, где стоят шлемы последних 18 лет — красивая декорация, но и важные воспоминания. Если посмотреть на них, то не сразу можно связать их с молодым парнем, срывающимся с места, сидя за рулём «Лады» в октябре 1997-го. Он получил машину, подходящую для зимнего вождения,

от коллеги матери Анны. Кими с друзьями в техникуме заменили двигатель на тот, что получше, и как только гонщик получил права, багажник «Лады» со скрипом открылся и в него влетел ящик с инструментами.

“Я абсолютно забил на школу — просто закинул инструменты в багажник и уехал в Голландию. Мой друг Фор видел, как я уезжаю, со школьного двора. Точнее, он должен был это видеть”.

Кими переехал в Голландию и жил с механиком из «ПДБ Рэйсинг» в Влардингене, пригороде Роттердама. Через некоторое время Калле переехал туда же, и оттуда они на фургоне катали на гонки по всей Европе. Оборудование было таким же классным, как и умение Кими спать. Питеру довелось испытать его на себе: «Прозвище Айсмен придумали позже, но мы вкусили его суть раньше остальных. Кими серьёзно не напрягался. Я помню гонку европейского чемпионата во Франции. Он всегда опаздывал, когда мы собирались на трассу. За ночь до этого я сказал ему, что утром мы его ждать не будем. Утром он позвонил и спросил, где мы. Я сказал, что мы уехали на трассу, потому что он так и не появился. Трек был в 45 километрах, и я был уверен, что он не успеет на тренировку. Кими появился через полчаса после нас, сказав, что его подвезла другая команда. Вообще никаких проблем».

Немножко лени, невероятное умение спать, расслабленность и высокая скорость — Кими производил впечатление. Все было возможно — и невозможно. Воспоминания Кими скачут от хороших гонок к плохим, и он ни разу не забывает упомянуть Калле, который знал двигатели и английский.

Комната Кими внезапно начинает казаться достаточно большой, чтобы вместить целый дом в Тампере. Калле Йокинен, механик и тренер, сидит на первом этаже дома. 45-летний ветеран автоспорта, который путешествовал с Кими в постоянно меняющихся обстоятельствах по всей Европе. Глаза Калле загораются, когда его мысли возвращаются в те яркие времена. Он всё ещё не забросил картинг, хоть сейчас и зарабатывает на жизнь работой в сфере утепления домов.

“Питер пообещал мне работу механиком в команде, а Кими немного карманных денег за сборку необычных шасси и сварочные работы. Кими чертовски хорошо работал с двигателями — он, наверное, единственный человек в Ф1, который самостоятельно может починить мотор. Этот парень разбирается в технике. Мы договорились с Питером и отправились в Голландию. Мы все время путешествовали, но база была там. Скорость Кими была настолько невероятной, что в “Бриджстоуне” даже решили пригласить его на шинные тесты. Мы

с Кими стали путешествовать самостоятельно. Питер выдал нам кредитку, немного гульденов (прим. пер. — валюта Нидерландов до 2002 года) и отправил нас — идите и гоняйтесь. Мы даже над шинами работали вместе, хотя у других для этого были отдельные люди. Кими всегда сам перебирал свой карбюратор — никому не разрешалось к нему прикасаться. Теперь, когда я поездил с молодыми гонщиками, я понял, что сейчас всё это идет не туда. Они ни к чему не прикасаются: у них с 10 лет есть менеджеры и физиотерапевты. Они толком ничего не знают о технике. Кими же может своими руками собрать машину".

Калле говорит о кочевой жизни двух парней до и после получения Кими прав, до и после гонок, до и после пьянок. Эти истории отличаются от жизни обычных подростков только одним — помимо всего остального, они были вовлечены в гонки на маленьких машинках. Скорость захватывала, повседневность была аскетичной и иногда здравый смысл забывался на обочине.

Даже без прав было необходимо почувствовать трафик вокруг себя. По словам Кими, его первой длинной поездкой без прав стала поездка из Лахти в Хельсинки. Калле вел себя как навигатор и безответственный взрослый. Фургон не съезжал с прямой дороги, а резких поворотов были немного.

Кими вспоминает, как когда-то ездил без прав и по Швеции. Поездка на гонку выдалась долгой; сопровождение включало в себя Анетту Латва-Пиккилю, картингистку, и отца Кими, который тогда был её механиком. Они ехали на "Хайсе" её семьи: "Гул машины усыпил отца, и он захотел передохнуть. Я сказал, что мы не остановимся — я могу сесть за руль. Отец попросил разбудить его у Стокгольма. Я разбудил его уже на месте. Мне было 15".

Калле не забыл и о том, как давал пацану без прав порезвиться. "Я был молодой, глупый и говорил: "Окей, выжми из нее все." Мы часто менялись местами на ходу. Кими водил примерно так же, как я на немецких автобанах. Однажды мы оказались в Имоле с какой-то слабенькой развалюхой на руках. Кими умолял меня разрешить ему довезти нас до отеля. Я разрешил. Он влетел на круговую развязку и начал наматывать круги. Машина постоянно была в заносе. Я следил за его руками и ногами, пытаясь понять, как он вообще это делает. Затем я попробовал сам — сам ведь в своё время немного погонял. Я не мог заставить машину повторить это. В итоге вернули мы её практически на ободах".

Кими вспоминает самую долгую поездку без остановок. Они уехали из Хельсинки в Угенто в Италии, чтобы принять участие в шинных тестах "Бриджстоуна". Им надо было проехать 3359

километров: “В этой ситуации была одна хорошая вещь — на тот момент у меня уже были права. Мы провели в машине трое суток и чуть не попали в аварию, когда я уже не мог нормально реагировать на происходящее на дороге. Нам пришлось остановиться в Римини, что нас разозлило. Мы провели там две ночи, одну в отеле и одну в фургоне, потому что были на мели”.

Пока Калле и Кими катались по Европе, по Англии пошли слухи. Питер Колинз, влиятельный человек в мире картинга, рассказал Дэвиду и Стиву Робертсонам о финне, который был не хуже их клиента Дженсона Баттона — они недавно выбили ему контракт с “Уильямсом”. Отец (Дэвид) и сын (Стив) не стали мешкать и узнали о передвижениях дуэта. Но они были не единственными: Харальд Гюйсман, норвежский скаут, также прослышал о быстром гонщике. И снова удача была на стороне Кими. Они с Калле были на гонке чемпионата Скандинавии в Моссе в Норвегии, когда на телефон Кими позвонили. Он услышал странный язык и передал телефон Калле, который послушал и сказал, что им надо заглянуть к кому-то по фамилии Гюйсман.

Харальд Гюйсман в прошлом был гонщиком и содержал крытый картодром. Калле красочно вещает о случае, благодаря которому мы сидим на диване Кими в большом доме над городом Баар: “Гюйсман предложил нам заехать. Он накормил нас, что было хорошо. Мы сели, как-то себя заняли, поели немного. Потом я спросил его, нужен ли его треку новый рекорд. Он сказал, что на треке много пыли, в таком состоянии времена хуже. Я сказал, что я об этом не говорил; я спросил, хочет ли он новый рекорд трека. Кими выехал. Уже через 15 минут он разнес старый рекорд в пух и прах”.

Гюйсман немедленно рассказал об этом случае Дэвиду Робертсону, и тот не стал медлить.

НЕТ, Я ЗНАЮ ЭТО

В Нидерландах зазвонил телефон. Незнакомый номер. Кими научился быть осторожным и не отвечает. Иностранный язык, английский язык ждёт автоответчика. Калле снимает трубку. На другом конце провода, где-то далеко в Англии, джентльмен обращается к нему на безупречном английском и ему есть, что сказать. Это приглашение приехать к нему с визитом. Цель встречи – обсудить будущее юного гонщика. Кими напуган, Калле взволнован. С ними хочет поговорить сам Дэвид Робертсон – тот самый менеджер, чей протеже Дженсон Батон подписал контакт с со знаменитым «Уильямсом». Но как они объяснят это Питеру де Брюийну, за которого они выступают?

Калле и Кими решают попробовать пойти по пути правды, который до этого момента работал безотказно. Питер тогда пришёл в ярость настолько, что заявил Калле: «*Если ты забираешь моего лучшего гонщика, можешь и сам проваливать!*» Кими и Калле восприняли это как угрозу – в сущности, так и было. В утешение Кими сказал Калле: «*Я поеду так быстро, что мы обязательно успеем*«.

В конце концов Питер нагнал их на полпути и даже одолжил им автомобиль жены, «Рено Клио», на котором они и ухали. Встреча должна была состояться в отеле «Тисл» в Брэндз-Хэче. На границе с Францией они предъявили финские паспорта. Сотрудник миграционной службы проверил документы, взглянул на «Клио» и спросил документы, дающие разрешение пересекать границу на машине, зарегистрированной в Нидерландах. Таких бумаг у них не было, и на этом основании им не позволили пересечь границу.

Униженные и обозлённые, они вернулись к машине и глубоко задумались. На встречу необходимо было попасть – а, значит, нужно было найти на границе лазейку. Калле дал Кими карту и велел ему отыскать небольшой участок границы, который не проверялся бы так строго. Подходящее место было найдено в 50 километрах от них, и финны на нидерландско-французской машине пересекли границу. В Брэндз-Хэч они приехали затемно, так что пришлось припарковаться позади отеля. Автокресла были разложены максимально комфортно, но даже так нормально лечь спать мог только один из их дуэта.

С утра Кими нервничал. Он попросил Калле взять на себя роль переговорщика, а сам сидел бы рядом в качестве молчаливого участника команды. Калле понравился предложенный план, но он всё же настоял на том, чтобы Кими

сказал: «*Меня зовут Кими Ряйккёнен, приятно познакомиться*«.

Они вошли в фойе роскошного отеля и осмотрелись. Около пятидесяти мужчин сидели за столиками в ресторане. Калле мгновенно узнал Дэвида Робертсона, менеджера. Они пожали друг другу руки, Кими произнёс свою реплику, и Калле приступил к роли спикера. Дэвид спросил, не хотят ли они перекусить или выпить что-нибудь. Но путешественники слишком нервничали, чтобы согласиться, хотя их желудки просто умоляли о тосте, беконе, яичнице, соке и кофе после такого долгого пути и бессонной ночи.

Дэвид задал вопросы, Калле озвучил ответы, Кими промолчал. Скоро атмосфера потеплела, переговоры пошли легче. Затем Дэвид сделал паузу и попросил Калле обрисовать его видение ситуации. Калле сказал: «*Дайте этому парню шанс, и однажды он выиграет чемпионат «Формулы-1»*. Дэвид отхлебнул из бокала и спросил: «*Вы так думаете?*» «*Нет, я знаю это*«, — последовал ответ.

Дэвид посмотрел на Калле, затем на Кими и дал обещание проработать с экспертами возможность принять участие в тестах и других подобных мероприятиях. Наступила тишина. Затем Дэвид спросил, какую роль механик Калле мог бы сыграть в этом предприятии – надо было ли его включать в договор? Калле сказал, что он просто механик и друг Кими. Позднее Калле говорил, что ответь он иначе, Дэвид мог бы подумать о том, что для одной кухни получается слишком много поваров. В тот момент Калле думал об их с Кими решении: гонять так быстро, чтобы быть просто обречёнными на успех. В тот момент не было смысла говорить что-либо ещё. Дэвид сказал, что ситуация ему ясна, и передал Кими толстую стопку бумаг. Это был проект контракта. Калле понимал, что подписание этих документов вычеркнет его из каждодневной жизни Кими. Однако позднее жизнь показала, что Кими никогда о нём не забывал.

Калле и Кими пожали руки Дэвиду, вернулись к «Рено Клио» и поехали обратно в Нидерланды. Дома они разложили листы договора по всему полу маленькой комнаты и стали изучать их. Калле возглавлял процесс. Там было множество слов, некоторые из которых было довольно сложно понять. Калле не случайно был таким дотошным: у него уже был плохой опыт в подписании контрактов. В его гоночной биографии был момент, когда он попал в аварию. Лечение травмированной в результате инцидента шеи привело к затратам, но обещанная компенсация так и не была выплачена. Юридический язык договора был довольно запутанным, и бумаги пролежали на полу целую неделю. Затем документы были отправлены в Финляндию Сами Висе. Он

проверил текст вместе с раллистом Томми Мякиненом, у которого был опыт подписания подобных контрактов. Всё было в порядке, документ заслуживал доверия. Наконец, настало время принять решение.

Договор был сроком на 15 лет. Кими был в ужасе, Кими был в смятении, Кими лихорадило. Он был на перепутье. Отныне вождение ничего не стоило ему, теперь у него всегда будет оборудование, и никто из близких – мама, папа или кто-то другой – не будет тратить на это деньги.

Контракт содержал невероятные цифры, которые были настоящим шоком для парня, не доучившегося в техникуме. Ему предстояло ежемесячно получать по тысяче долларов или десяти тысяч финских марок – 120 000 марок в год. Это была колоссальная сумма для юноши, который до этого имел дело только с мятыми 10-марочными купюрами да иногда случайно держал в руках новенькую банкноту в 100 марок.

Кими только хотел гоняться, а теперь ему за это ещё и предлагали деньги. Второго такого шанса могло не быть. Трасса предполагает несколько действий, а этот кусок бумаги давал ему только один вариант: он должен был подписать его, нажать на газ и держать курс на горизонт.

Перед подписанием окончательного варианта соглашения Робертсоны хотели удостовериться в скорости гонщика. Дэвид сообщил Кими о том, что в декабре на треке в Снеттертоне он должен продемонстрировать им, на что способен. Превосходно! Была только одна загвоздка: за всю свою жизнь Кими и метра не проехал за рулём «формулы», которая кардинальным образом отличается от карта. Перед Кими и Калле встал насущный вопрос: Кими *необходимо было* испытать машину *до*Снеттертона. «*Марко Койранен обещал одолжить машину, и мы поехали в Аластаро тестировать её. И сразу же последовал новый рекорд трассы!*» — вспоминает Калле.

«*Скользкая штука. Именно такое было ощущение. Нет крыльев. Нет сцепления с трассой. С виду как игрушечная машинка*«. Сейчас эти воспоминания вызывают у Кими смех, но тогда находиться внутри машины было не очень весело. Слишком многое было поставлено на карту во время этих первых кругов. Нервы были на пределе, костяшки пальцев побелели.

«*На пятом круге я едва не врезался в стену. Мне с трудом удалось остаться на трассе. Если бы не удалось, держу пари, что с контрактом бы ничего не вышло. Но несколько дней спустя в Донингтоне я был столь же быстр, как и их гонщики*«.

Кими не знал, что среди людей на трассе был сын Дэвида Робертсона. Стив принимал участие в британской «Формуле-3» до

него и понимал этот спорт. Он несколько раз гонял вместе с Микой Хяккиненом и Микой Сало. Отец попросил его прийти и хорошенько посмотреть на этого парня. У Стива остались яркие воспоминания о первых кругах Кими: «*Я наблюдал за тем, как он проходил повороты, и был потрясен тем, как он вёл машину и контролировал её. Он мог рисковать до последнего, но не терял её. Такое не забывается. И когда он вылез из машины, я удивился тому, насколько юным он оказался – на первый взгляд, ему было не больше четырнадцати лет*«.

Кими покинул машину и подписал клочок бумаги, определявший его будущее. Изначально контракт был на 15 лет, но Робертсоны спросили, не желает ли он сократить срок. В конечном итоге было принято решение о 12 годах. Но даже после истечения этого срока и последующей смерти Дэвида Стив продолжил заботиться о контрактах Кими.

Воспоминания 18-летней давности витают в комнате Кими, и они настолько значительны, что естественным образом здесь воцаряется молчание. «*Дэвид и Стив были мне как отец и брат, отличные ребята. Они всегда отстаивали мои интересы*«, — говорит Кими.

Договор означал переезд в Англию. Практически не говорящий на английском языке Кими собирал свой красный чемодан и даже не подозревал о том, какое путешествие его ждёт. Если бы он знал, то, возможно, остался бы в Кархусуо. Но не только Кими покидал родной дом. Его старший брат Рами ушёл в армию в январе 1999 года, и на улице Куру поселилась тишина. Почти одновременный отъезд обоих сыновей нелегко дался Масе и Пауле. Гараж опустел, это подкосило Масу.

БОЛЬШОЙ И МАЛЕНЬКИЙ МИРЫ

Январь 1999 года, Эспоо, по улице Куру движется машина. В ней Дэвид Робертсон по распечаткам с факса объясняет Кими, куда он должен прийти в Лондоне в определенный день. Маса и Паула приходят в аэропорт проводить Кими с его красным чемоданом. В последний момент Маса спрашивает Кими, нужны ли ему деньги на дорогу. Отец и сын сходятся на круглой сумме в 100 марок (для читателей помладше: эта сумма — примерный эквивалент 17 евро).

Кими садится в самолёт, размышляя над тем, что будет говорить по окончанию трёхчасового перелёта. В его голове от силы грамм 200 английского, а надо бы побольше — ну, скажем, килограмм. Он нервничает.

Самолёт приземляется в Хитроу, но в аэропорту ни намёка на Стива или Дейва Робертсона. Они обещали приехать и встретить его. Ну, или он что-то не так понял. Он паникует, достает распечатки с чёткими указаниями из чемодана и видит название станции, расписания поездов и адреса. Место называется Рагли, находится не в Лондоне, а где-то подальше, небольшой такой городок. Кими близок к панике, но успокаивает себя. Всё как-нибудь уладится, хотя это и в сотню раз сложнее вождения. Внутри машины царит покой, снаружи же властвует хаос.

В какой-то момент Кими оказывается на станции метро “Площадь Пикадилли”. Он стоит абсолютно потерянный. Внезапно из ниоткуда появляется Стив Робертсон, даёт Кими огромный мобильный телефон “Нокиа”, инструкции и исчезает. Кими думал, что Стив отвезёт его к дому человека из “Хэйвуд Рейсинг Тим” или хотя бы посадит на нужный поезд, но этого не случается. На лбу Кими незримо появляется надпись “Какого хрена?”. По инструкции Стива, ему вроде как нужно ехать на поезде, такси, автобусе и еще такси. Или просто поезде. Дело ясное, что дело тёмное.

В то же время в Эспоо Паула, мама Кими, сидит в офисе «Кела», Финского государственного агентства по выплате социальных пособий. Она на грани нервного срыва — боится, что Кими не доберётся куда нужно по данным ему инструкциям.

В поезде Кими показывает попутчикам билет и место назначения, но наладить контакт не получается. Он думает, что ошибся поездом. Темнеет. Он достает мобильник из сумки и пытается понять, как он работает. Не удаётся.

Кими показывает билет очередному пассажиру и пытается что-то пробормотать, но слова английского языка застревают у

него в горле. Судя по реакции человека, он вполне мог угадать поезд. Он начинает снова изучать мобильный и надписи на кнопках, прикладывает трубку к уху, надеясь, что правильно набрал номер.

Его мать отвечает и облегчённо вздыхает. Она слышит голос своего мальчика прямиком из большого мира. Кими говорит, что возможно он на том поезде. Возможно; он не уверен, но надеется. Паула просит его перезвонить, как только он доберется туда, куда нужно.

Кими выходит из поезда на станции Рагли. И снова его никто не встречает. Уже поздно, на часах 11 вечера. Кими сидит на красном чемодане, никто не приходит. Всё было впустую. Он никогда не доберется, он никогда не сядет в машину.

Через какое-то время к нему подходит незнакомец и здоровается. Его зовут Джим Уоррен и он босс «Хэйвуд Рейсинг». Кими пробует использовать свои обрывочные знания английского, но слова путаются. Главное — он сумел найти путь до городка Рагли, который находится примерно в 200 километрах от Лондона. Кими начинает гоняться, заваривать чай механикам и учить язык. Со временем всё встает на свои места.

Дети — цветы жизни, особенно маленькие дети. У Джима Уоррена двое сыновей, но ни один из них ещё не говорит на родном языке. Кими начинает учить английский с ними. Все трое на одной стартовой линии. Кими водит машины, а дома тренирует английский. С детьми не паришься по поводу ошибок.

Позже в доме Уорренов обнаруживается настоящее сокровище: большая коллекция кассет с записями гонок «Формулы-Форд» и «Формулы-Рено». Кими пересмотрит их по два-три раза. Всегда можно узнать что-то новое: о тактике, обгонах, траекториях — и языке комментаторов.

Спустя некоторое время Стив Робертсон просит Кими переселиться в Чигвелл в Эссексе, и финн переезжает в большую квартиру на верхнем этаже в одном доме с ними. Годы спустя там снимут сериал “Жены футболистов”. Эта квартира была уникальным миром сама по себе. До Кими здесь жил постаревший король порноиндустрии, чей вкус в плане интерьера сильно отличался от нордического минимализма. В квартире было несколько диванов, обитых тканью с леопардовым узором, на стенах висели фотографии обнажённых женщин, а на потолке были зеркала. Кими считает это место по-мальчишески отвратительным, особенно если вспомнить, что сам он рос в довольно скромном доме.

Один из двух братьев Стива, Скотт, фанат спортзала и гора мышц, тренируется вместе с Кими — для пота не существует

языковых барьеров. Кими ездит на гонки со Стивом. Все проходит одновременно и хорошо, и плохо: гонщик работает отлично, машина — плохо, «Хэйвуд Рейсинг» не в состоянии предоставить достойную машину. Гонщик выжимает всё, но все равно не может победить. Первой его машиной стал французский “Мигаль”, медленный и неказистый — ужасное сочетание. Кими финиширует третьим, вторым, а в третьей гонке разбивает машину. После этого Дэйв Робертсон заявляет, что в этом сезоне гонки для Кими кончились (*примечание переводчика — на самом деле Кими провёл за «Хэйвуд Рэйсинг» четыре гонки, и лишь раз финишировал на подиуме. Возможно, автор что-то перепутал*).

Чёрт возьми.

Хвост поджат.

В целом дерьмовое путешествие.

В голове Кими уже видит издевательские заголовки финского журнала «Мир скорости»: «Очередное завершение международной карьеры финского гонщика?». Останется только выжать педаль газа в финском картинге, а затем укатить в какую-нибудь мастерскую для ежегодного техобслуживания «Тойот» и «Опелей».

Кими возвращается в Финляндию, не понимая планы и мысли Дэйва Робертсона. В голове вертятся слова его друга Калле Йокинена, рассказы о ненадёжности людей в этом спорте. Дэйв уверяет Кими, что принял такое решение исключительно из-за плохого оборудования, и что к следующему сезону он найдет достойный вариант.

Да, да, поверю, когда увижу.

Кими возвращается в Финляндию без какой-либо уверенности в будущем. Долгое время от менеджера ни слова. Он занимается картингом в Финляндии и Европе, используя оборудование Питера де Брюийна. Деньги постепенно заканчиваются..

Как-то на выходных Кими отдыхает с друзьями на рок-фестивале “У реки” в Турку. В карманах пусто, в голове ужасное похмелье, в котором виноват лишь он сам. Он идёт к банкомату, ожидая увидеть там нули.

Какого черта?

На его счету больше 20 тысяч марок. Кими с трудом верит в это, потому что в тот момент он не помнит строчку контракта, гласящую: «*Мы обязуемся выплачивать тебе 1000 фунтов ежемесячно вне зависимости от того, будешь ты участвовать в соревнованиях на тот момент или нет*«.

Вечеринка в Турку набирает обороты, и Кими не раз поднимает тост за надёжного менеджера. Вскоре из Англии звонит Дэйв, чтобы сообщить, что есть место в “Мэйнор Моторспорт”, где оборудование получше, на зимний чемпионат, и

с осени можно начинать.

Осенью мир Кими разрывается напополам: большой мир — Англия, маленький мир — армия. Миры «открытый» и «закрытый»; шансы и обязанности. Гоночный инженер даёт тебе советы; офицер армии отдаёт приказы.

Кими становится гражданином двух стран. Он привыкает к вещи, которой будет всё больше в его дальнейшей жизни — кочевое существование. Он кочует из тесной машины в аэропорт, оттуда в казарму, а потом снова самолет и путь в тесную машину.

[image]

4 сентября Кими-Матиас Ряйккёнен вступает в Спортивную школу финской армии в Лахти. Ужасное место для человека, не привыкшего к приказам. Приятной мелочью стало то, что его старый друг и соперник Тони Виландер одновременно с Кими надел серую форму.

Паула, мать Кими, позже призналась, что боялась, что Кими армия будет не по зубам, и её опасения были обоснованы — Кими и дисциплина очень плохо сочетались. А когда к этому добавились постоянные требования поездок на зарубежные гонки, молодой человек начал задумываться о том, чтобы покончить с армией. К счастью для матери, он передумал.

Физическая сторона армии не создавала сложностей для молодого человека в отличной форме, но вот расписание было проблемой. Для сони подъем в шесть утра смертелен, особенно, когда сразу после этого начинаются приказы. Кими пытается применить логику, но получается с переменным успехом. Его тонкое обоняние чует каждую секунду свободы. Он использует каждую возможность продлить нахождение в другом мире. Армейское начальство незнакомо с расписанием гонок, так что Кими информирует их по своей, более гибкой версии. Если гонка заканчивается в воскресенье, то для них она длится до понедельника. Из аэропорта он не возвращается в Лахти, а берёт выходной. Иногда проводит его дома, иногда у кузенов в Вяякси.

Машина «Мэйнор Моторспортс», итальянский «Статус», оказывается гораздо быстрее своего аналога из «Хэйвуд Рейсинг». Кими выигрывает все четыре гонки зимнего первенства, а Дэйв и Стив Робертсон наконец осознают, какой невероятный талант попал им в руки.

Победы, конечно же, нужно отмечать. Умеренное потребление алкоголя еще не добралось до Финляндии, где бокалам предпочитают вёдра. Но когда ты в состоянии блаженного опьянения, то забываешь смотреть на часы. А время идет вне зависимости от того, смотришь ты или нет. Как-то ночью

армейские часы показали совершенно не то время, что было на часах Кими и его друзей. Разницу было никак не скрыть — им надо было как-то незаметно пробраться в часть.

Теперь уже повзрослевший Кими своими словами рассказывает о событиях той долгой ночи, благодаря которой он поставил неофициальный рекорд по времени под арестом в казарме:

Мы пили с кузенами дома у Рапалы. Если я правильно помню, Тони должен был забрать меня и Оску Хайккинена в часть. Я сказал, что мы не можем идти через КПП, будучи настолько в хлам. Он должен был оставить нас у дороги на Лахти; мы бы перелезли через забор и никто бы не увидел.

Но по закону подлости, военный патруль остановился рядом, когда мы стояли у канавы. Они удивились, какого черта эти парни в армейской форме. Я нырнул в канаву. Оску замер. Я слышал, как военный спросил: "Где твой дружок? Мы видели, вас тут двое." Оску сказал, что ничего не знает и его закинули в кузов грузовика. Я уже перебросил куртку через забор, когда услышал, что они отправили собак в этот район. Там было чертовски большое поле, и я летел через него сломя голову. Я примчался в наш дом, сказал: "Не говори никому, что я здесь», — взбежал наверх и укрылся одеялом.

Прошло, наверное, минут десять. Сложно следить за временем, когда пьян. Затем вошёл офицер, включил свет и назвал мое имя. Я крикнул "Какого хрена вы тут шумите? Тут люди поспать пытаются». Спустя две минуты он вернулся, заявив: "Тебе, чёрт возьми, лучше выйти, Ряйккёнен. Живо." Я лежал на раскладушке, весь в траве после того, как полз по канаве. Оску Хайккинен во всём сознался. Он сломался под давлением, иначе мог бы оказаться в тюрьме. Они отлично знали, что нас было двое. Я встал и подошёл к офицеру шатающейся походкой, подышал в алкотестер. Он показал 1,5 промилле. Мне приказали идти спать.

Утром я вспомнил, что через две недели у меня гонка в Англии. Если я там не появлюсь, буду в полном дерьме. Затем я подумал, что про это лучше забыть, потому что меня всё равно оставят под арестом в казарме, и я никуда не попаду. Я подумал: "Побегу по тому же полю." Я встретил капитана на лестнице и отдал честь. Он ещё не знал о событиях прошлой ночи. Я прошёл по траве, вызвал такси до дома Рапалы с ближайшей заправки и выключил телефон.

Затем все телефоны сошли с ума. Линии были нагружены — я ведь не просто напился и опоздал, я ещё сбежал. Кто-то из «АКК Моторспорт», национальной федерации автоспорта, позвонил моему кузену, а мы просто лежали у реки, попивая пиво. Все

кричали, что “ты, чёрт возьми, должен вернуться в казарму”. Потом я позвонил капитану и сказал, что не вернусь, потому что из-за моих поступков мне не дадут выступить в гонке. В итоге мы договорились: я вернусь, если меня отпустят на гонку. Кузен подбросил меня до заправки, откуда меня забирал капитан.

В тот момент я тоже был навеселе, так что разбираться в ситуации мы начали только на следующий день. Сержант-майор, покраснев от ярости, орал на меня и выпытывал, как мне удалось сбежать от собак. Я ответил, что именно этому нас там и учили. Мы же разведка, в конце концов. Насколько помню, меня арестовали где-то дней на двадцать.

Я никуда не выезжал в следующие выходные; гонка была на следующей неделе. Хотя я и был под арестом, делать было ничего не надо до тех пор, пока я регулярно отчитывался. Капитан предложил отправиться с ними в лес на тренировку по стрельбе. Они стреляли по дискам и жареным сосискам. Это очень расслабляло.

Но на следующей неделе мне заявили, что в итоге на гонку не отпустят. Я сказал: «Ну раз так, то я завязываю с армией». Им потом позвонили из «АКК», на связь вышли Стив и Дэйв, но ситуация не изменилась. Тогда я выдал капитану: «Долбаный ублюдок, что ты всё это время мне впаривал?».

Меня заставили раздавать суп из грузовика на шоссе Лахти. Неожиданно рядом остановилась машина военной полиции, они приехали забрать меня и отпустить на гонку. Ещё они спросили, когда закончатся соревнования, и я сказал: “Думаю, что во вторник”, — хотя знал, что в понедельник. Я провел лишний день дома.

Я выиграл ту гонку.

АКУШЕР ДЛЯ ГОНЩИКА

Что нужно бедному 21-летнему финну, чтобы выступать в «Формуле-1»? Сколько акушеров требуется для рождения одного гонщика «Формулы-1»? Почему это в родильном отделении так тихо? И является ли в конечном итоге вершиной автогонок командный формат этого спорта? Карьера Кими Ряйккёнена стала возможной благодаря команде людей, которые верили, что уж кто-кто, а он точно может гонять по треку быстрее сверстников.

Я думаю об этих вещах, когда захожу в хельсинкский Институт Диаконисс в феврале 2018 года. Меня встречает бородатый мужчина около 60 лет с собранными в хвост волосами. На нём старые треники, футболка, жилетка с карманами, а вокруг головы повязан пёстрый платок. Сразу понятно, что комфорт для него гораздо важнее, чем внешний вид. Этот человек – один из «акушеров», который более 20 лет назад помогал появиться на свет новому гонщику Ф1.

Его зовут Юкка Виитасаари, по профессии он медбрат и физиотерапевт. Юкка похож на шамана, и у него есть прозвище – Виита. Он ведёт меня в просторное цокольное помещение, где я вижу кресло, кресло-качалку, книги, постеры, фотографии, спортивную одежду, а также горные и прогулочные байки.

Мы обмениваемся рукопожатием. Виита долгое время работал с лучшими спортсменами, а в последнее время занимается уходом за пожилыми людьми. Он один из тех, кто обучил Кими противостоять вибрации, укачиванию, громкому шуму и меняющимся в мгновение ока пейзажам.

Виита предлагает мне сесть в кресло-качалку и наливает чаю из термоса. Время останавливается, разговор льётся от темы к теме. Длинный список чемпионов, являющихся клиентами Виты, впечатляет: Арто Брюггаре, бег с барьерами; Валентин Кононен и Сари Эссайя, спортивная ходьба; Юха Слминен, мотогонки класса эндуро; Пекка Вехконен, мотокросс; Яанне Лахтела, могул. И Кими.

Виита вспоминает о путешествии с Кими. В «АКК Моторспорт» его попросили взглянуть на группу картингистов в Виерумяки. В клубе знали, что он уже работал с гонщиком Ф1 Микой Сало. Там, в Виерумяки, он обнаружил представителей исключительно талантливого молодого поколения: Маркку Палттала, Тони Виландера и Кими Ряйккёнена.

«*Кими – это кошка. Подвижная и прыгучая. Кошка, которая гуляет сама по себе, а не собака, которой говорят, что делать. Кими невозможно приказать что-то сделать*«.

По словам Вииты, Кими хотел укрепить тело, поскольку следующий класс автомобилей подразумевал более серьёзные нагрузки. Впервые гонщик обратился к нему в 1996 году, и они продолжали сотрудничать до первого гран-при Ф1, состоявшегося весной 2001-го.

"Кими был высококонкурентным Я вспоминаю Хейкки Ковалайнена, принимающего участие в лыжных гонках, и ведь результат Кими не сильно отставал от него. Мы ездили на велосипеде, занимались плаванием, работали над его шеей и делали множество упражнений на баланс. Для этого у нас были подходящие «игрушки»: горы и гоночные велосипеды. Чтобы улучшить баланс, мы ставили на мяч доску. Я сразу заметил, что Кими совершенствуется потрясающе быстро, потому что у него было самое искреннее стремление к этому. Однажды мы получили от команды «Заубер» запрос, чтобы Кими прошёл тест Купера. Охотник за талантами Матти Вяйсянен, помогающий Яри Курри, был свидетелем. И Кими пробежал 3300 метров (тест Купера — набор физических упражнений, разработанный для армии США. Превосходным считается результат больше 2800 метров — прим. ред.)"

Внезапно Виитасаари поднимается из своего старенького кресла и просит меня взглянуть на картину в рамке на стене. На ней изображены два улыбающихся короткостриженных человека – отец Кими Матти и сам Виитасаари. Фото было сделано в солнечном Мельбурне после первой гонки Кими в «Формуле-1». «*Мы пообещали побрить друг другу головы, если Кими наберёт очки. Он отлично проехал, и мы распрощались с шевелюрами. Туалет тогда засорило нашими волосами*«.

Виита делает глоток чая и задумывается над моим вопросом: «*Что требовалось от юного гонщика, чтобы успешно пройти тесты в «Заубер»?*» На этот вопрос есть много ответов – как в случае с кошкой, у которой много жизней.

«*Кими выглядит невероятно быстрым. Его глаза поглощают информацию. Это настоящий талант – воспринимать и объекты, и движения. Мы также практиковали стойки на руках и на голове – это помогало ему ощущать пространство в положении вверх ногами. В этом деле его способности были просто феноменальны, как у эндуро гонщика Юхи Салминена. А нельзя ведь забывать и про щадящие тренировки. И Кими понимал это. Он не использовал пульсометр. Мы практиковали различные техники плавания: он быстро учился и понимал сопротивление воды, скользя в ней. То, чего ты однажды постиг, ты непременно хочешь повторить. Повторение – основа всего. Я сказал как-то художнику Осмо Раухале о том, что хочу научиться рисовать. Осмо ответил, что*

это очень даже возможно. Просто необходимо пройти 10 000 уроков«.

Виита фыркает от смеха. «*Но Кими нравилось повторять – его не надо было заставлять делать это».* Он наливает ещё чая из термоса и рассказывает о своей долгой карьере со спортсменами. Следующие четыре года, последние в его рабочей карьере, он будет заниматься с пожилыми людьми. Виите интересно движение – движение от колыбели и до могилы. *«Когда кто-то встает с постели, это настоящее чудо и причина для большой радости. Мы настолько молоды, насколько молод наш спинной мозг. Практика, практика и только практика — мой девиз. Вот почему я работаю с людьми до самого конца*«.

Виита замечает, что наши чашки опустели. Время взглянуть на спортивный зал и бассейн. Мы бродим по лабиринту помещений бывшего отеля «Аврора». Скромный зал расположен в самом конце длинного коридора. В нём только базовый набор вещей: гири, турники, фитнес-мячи и скамьи.

Виита достаёт доску. Её обычно помещают на трубу или мяч. Этот «тренажёр» называется «рола-бола»: «*Это идеальное устройство для тренировки баланса. Кими использовал мяч для боулинга – немногие способны на такое*«.

Виита бросает два увесистых стареньких валика на пол и просит меня встать на них. Он называет их подушками. Держать на них баланс сложно, моё тело виляет из стороны в сторону. Виита даёт мне для поддержки палку. Я перемещаю центр тяжести, глядя невидящим взглядом на стену. Я шатаюсь. И, наконец, мне приходится принять полусидячее положение – медленно. Виита улыбается. «*Это даёт нагрузку на твои щиколотки, активирует их. Данное упражнение укрепляет малые мышцы твоих лодыжек*«. Я спускаюсь с валиков на пол, лодыжки болят.

Виита проводит меня в бассейн, и мы стоим на краю в молчании. В юности он учился в Америке, в Институте Талсы, штат Оклахома. Там он узнал нечто, что открыло ему глаза. После сложных операций на коленях, сразу после того, как пациентам снимали швы, их помещали в бассейн, где они должны были просто ходить. Это было мягкое и безболезненное упражнение. Виита привёз концепцию водного бега в Финляндию.

Мы говорим о жизни. Виита называет себя верующим и поднимает глаза к потолку. «*В последние годы моей работы Бог велел мне заниматься пожилыми людьми. В своё время я также вёл фитнесс-группу людей старшего возраста. Думаю, я пытаюсь быть кем-то вроде пастора, который говорит: «Если ты ненароком вёл аморальный образ жизни, пришло время распять свои страсти*

и желания«.

Мы говорим о гонщике. «*У Кими большое сердце. Он смотрит и слушает. Он не отвечает в ту же секунду. Когда мы говорим , то теряем способность воспринимать. «Наблюдай», как советовал старый монах. Кими не нравится болтать с незнакомцами. Пустой разговор сажает батарейки общения, и наступает необходимость их перезарядить. Поэтому, когда Кими всё-таки что-то говорит, это часто весьма значительная мысль*«.

Мы говорим о пожилых людях и о том, как им можно помочь поддержать физическую форму. Внезапно Виита подходит очень близко ко мне и кое-что демонстрирует. «*Я приходил на борьбу понаблюдать за особенностями движения и блокировок в этом виде спорта. Так вот, там нужно подходить к сопернику очень близко, буквально под самые рёбра*«. Виита просовывает руки под мои подмышки и за спину – и поднимает меня, уверенно и безопасно. Я чувствую себя начинающим старичком и вспоминаю, что сказал мне Кими об этом человеке: «Виита особенный».

РОЖДЕНИЕ ГОНЩИКА

Улица Куру, Эспоо, лето 2000 года. Кими со своей двоюродной сестрой Йоуни Форстрём пьёт пиво. Звонит телефон. Длинный ряд цифр на дисплее говорит о том, что это звонок из-за границы. На связи его менеджер Дэйв Робертсон. Кими ставит банку пива на стол и внимательно слушает. Дэйв говорит, что Кими ждут на тестах «Заубера» в сентябре. Это не может быть правдой. Но это правда.

Дэйв говорит, что подробности сообщит позже. Кими объявляет Йоуни о том, что это надо обмыть ещё одной банкой пива. Но сначала ему надо сделать звонок.

В этот же день в лесу в центральной Финляндии, где Маса и Паула наблюдают за участием их старшего сына Рами в ралли, раздаётся звонок телефона Масы. На связи Кими. Сообщение сына лаконично, но оно пронзает сердце отца, словно кинжал. Матти приходится присесть в сторонке.

Паула замечает мужа сидящим позади старого семейного фургона. Ничего особенного в этом нет — он часто так сидит со сдвинутой назад кепкой, задумавшись о чём-то своём. По словам Паулы, Матти уже родился старым: он выглядит старше своих лет и вечно о чём-то размышляет. Но сейчас всё по-другому – он будто в шоке. Паула спрашивает, в чём дело. Маса говорит ей, что их парень в сентябре будет тестировать «Заубер». Паула едва не падает в обморок, но он успевает подхватить её.

Чуть позже ассистент Кими Кикка Куосманен звонит им, чтобы сказать, что, по мнению Дэйва Робертсона, они просто обязаны приехать на тесты к сыну. Они в нерешительности. Они просто не могут позволить себе такую поездку. Это стоит 12 000 марок, или, говоря по-современному, 2000 евро. Один раз в жизни. Другой возможности у них может не быть. И они берут кредит.

12 сентября они уже в итальянском Муджелло. Всё выглядит нереальным. Единственное, что известно – Петер Заубер подыскивает замену Мике Сало, переходящему в «Тойоту».

Худощавый молодой человек садится в «Заубер С19». Он начинает первый в своей жизни тестовый круг в машине «Формулы-1». Молодой человек боится – не вождения, а провала. Он должен вести машину на высокой скорости и оставаться на трассе. Он должен оправдать ожидания, которые настолько высоки, что почти запредельны.

Он заводит мотор. Раздается ужасный, разрывающий уши звук. Первая прямая не слишком важна, каждый может ехать по

прямой с вдавленной педалью газа. Всё определяется в поворотах – в том числе, доли секунды. Молодой человек поворачивает руль. Шея болит, руки трясутся. Каждое торможение и каждый поворот прессуют его тело.

«*Сначала я мог проходить только два круга за заезд. Муджелло является одной из самых тяжёлых трасс. В те времена у «Заубера» ещё не было гидроусилителя руля. Я не мог даже голову держать в вертикальном положении*».

В первый день Кими прошёл 29 кругов, а на следующий – уже 40. Время улучшилось, поскольку он почувствовал машину. Он изучил телеметрические данные с инженером «Заубера» и нашёл новые возможности для правильного торможения и входа в повороты. Результаты были столь впечатляющими, что Петер Заубер, который прибыл на тесты всего на один день, получил убедительные доказательства в пользу молодого пилота.

«*Он был на седьмом небе от счастья. Парил над землей как минимум на высоте одного метра. Даже Шуми [Михаэль Шумахер] поинтересовался, что это за молодой и быстрый гонщик*», — вспоминает Паула.

Петер Заубер принял решение о том, что хочет видеть Кими в своей команде, однако не сообщил ему об этом. Ещё одни тесты был назначен на 28 сентября. После него стало ясно: родился новый гонщик «Формулы-1» Кими Ряйккёнен.

Но фактически он ещё не был им. Нужна была суперлицензия – необходимое условие для попадания в «Формулу-1». И до сезона-2001 было непонятно, сможет ли Кими её получить. Международная автомобильная федерация (ФИА) предоставила им грант, и его условия предполагали опыт участия в младших «формулах». Но формула «Рено», где до этого гонял Кими, была столь незначительна в этом плане, что приобретённый там опыт не считался достаточным.

Гонщик написал письмо высшему руководству автоспорта. Его менеджеры Стив и Дэйв напечатали нормальный текст, но Кими скопировал его на листочек бумаги печатными буквами от руки. В письме были убедительные аргументы, почему Кими должен попасть в «Формулу-1». Президент ФИА Макс Мосли стал единственным, кто проголосовал против этого. Но надо сказать, что многие влиятельные фигуры в автоспорте сомневались в способности Кими справиться с машиной элитного класса, считая его скромный опыт угрозой для безопасности. Несмотря на всё это, в конечном счёте лицензия была получена, все пути были открыты.

«*Маса был спокоен, как слон, но внутри него бушевал огонь. Конечно, он был горд. Моей подруге Анне он сказал «Встряхните*

меня хорошенько, если это ударит мне в голову». Так и вышло, но никто не хотел говорить ему об этом – ведь он так гордился своим парнем! Мы и представить себе не могли, что Кими попадёт туда. Я думала о том, что максимальный уровень, на который мальчики смогут выйти – это то, что они станут механиками в какой-нибудь хорошей международной команде», — говорит Паула.

Кими был принят как талантливый и быстрый гонщик, однако физически он не был готов к гонкам Ф1 продолжительностью в 60 кругов. Чтобы подготовиться к таким нагрузкам, он начал тренироваться под руководством Джозефа Леберера, бывшего тренера Айртона Сены.

Кими Ряйккёнен принял участие в первой в жизни гонке «Формулы-1» 4 марта 2001 года в Австралии и приехал шестым. Дэйв и Стив Робертсоны убедились, что игра стоит свеч. Они увидели, что сильный характер Кими был результатом работы, проделанной им самостоятельно, без большого бюджета. В том сезоне Кими дважды финишировал четвёртым.

Заработная плата в его первые годы в Ф1 составляла 500 000 долларов плюс 50 000 за каждое заработанное очко. В то время средняя годовая зарплата по Финляндии составляла 140 000 марок (около 27 000 долларов). Теперь можно было говорить о деньгах – потому что раньше разговоры велись только об их нехватке.

ЗАКАНЧИВАЯ ШКОЛУ

В своем дебютном сезоне Кими оказался настолько быстрым, что получил шанс ехать еще быстрее: в “Макларене” захотели выкупить его контракт у “Заубера” ещё до его окончания. Петер Заубер не хотел отпускать гонщика. Частенько, когда речь идёт о деньгах, видишь лишь цифры на бумаге. В этот же раз было видно гораздо больше: “Макларен” выкупил Ряйккёнена, предоставив швейцарской команде прекрасные грузовики и очень дорогую аэродинамическую трубу. Члены команды до сих пор шутят о ней и о том, как продали за неё Кими.

“Макларен” определил поворотный момент в жизни Кими. Теперь он в большой команде, окружен именитыми спонсорами, его досконально изучает строгий босс, слепят вспышки камер. Вчера от него всего лишь ждали результатов, сегодня он их даёт. Его заметили.

Молодой парень едва за 20 получил то, что хотел — скорость. А в дополнение к скорости ещё и непропорциональное внимание. Он нигде не оставался один, его частная жизнь стала почвой для слухов, которые заканчивались для Кими как хорошо, так и плохо.

За год до этого Кими встретил 19-летнюю модель по имени Дженни Дальман. Вскоре они были помолвлены, и как только их отношения стали официальными, они превратились в больших героев маленькой страны.

Кими финишировал третьим в первой гонке в Австралии, установив быстрейший круг. Начало было великолепным, знамения были хорошими. Но случившееся уже в следующей гонке в Малайзии стало предвестником проклятия, преследовавшего Кими весь период его карьеры в “Макларене” — двигатель заглох.

Нигде в спорте успех так не зависит от оборудования, как в «Формуле-1». За всё время в “Макларене” — с 2002 по 2006 год — у Кими прямо посреди гонок 12 раз умирал двигатель, практически гарантированные очки разбивались об асфальт. Если бы не технические проблемы, он бы выиграл два чемпионата мира. Конечно, проблемы с экипировкой не являются чем-то из ряда вон и в других видах спорта, но сложно представить, что их последствия там будут столь же жестоки, как в Ф1. В лыжных гонках может подвести смазка, но сложно представить себе лыжника, который всю карьеру будет винить в неудачах свою команду. Или нельзя представить Роджера Федерера, сваливающего вину за поражение на плохую ракетку или мяч,

движущийся по странной траектории.

Люди, связанные с «большими призами», любят говорить в сослагательном наклонении: “Если бы двигатель выдержал… Если бы тот гонщик не бортанул меня… Если бы не было машины безопасности… Если бы солнце стало луной, а рак свистнул на горе…” Спекуляции такого рода — любимое занятие в паддоке, на втором месте уверенно идут слухи.

Но одна вещь у Кими прошла как по маслу: в 2002-м он деньгами помог обновить свой дом, в котором он вырос, включая перенос туалета внутрь здания. Наверняка большинство других гонщиков с самого начала жизни имели возможность посидеть на унитазе в тепле.

“Макларен” оказался суровой школой. Ей руководил строгий директор, босс команды Рон Деннис. Гараж же был полон простых, приземлённых парней: гоночный инженер Марк Слэйд, механики Марк “Элвис” Пристли, “Филли-Коробка Передач”, Маркус Проссер и многие другие парни, не хватавшие звёзд с неба. И конечно же, там был Марк Арнолл, физиотерапевт, работающий с Кими до сих пор. Он, к слову, был ещё и сарафанным радио для Рона Денниса. Каждый раз, когда Кими делал что-то неприличное или не подходящее статусу команды, Рон звонил Марку, чтобы узнать, что происходит.

Кими Ряйккёнен и Рон Деннис – Ekstra Bladet

Присоединившись к “Макларену”, Кими вступил в непредсказуемый мир, где самый быстрый гонщик дня в мгновенье становится самым медленным, стоит его шинам износиться. Это испытывало характер гонщика, который в случае Кими оказался сильным. Командный дух укреплялся за

пределами паддока, но бывали случаи, когда от этого духа разило алкоголем.

Кими сидит на сером диване и невозмутимо вспоминает времена с “Макларен” и Деннисом, хотя тогда не всё всегда было спокойно. Время сглаживает углы.

“*Я думал, что Рон Деннис был помешан на контроле. Пожалуй, это касается всего, что он делает. Он не следит за тобой специально, он просто такой. Все должно быть чётко, бумаги и всё такое. Сейчас мне нравится порядок дома, чтобы всё не выглядело как оружейный полигон. Уверен, у Рона было так же. И он меня особо не напрягал; может, его больше напрягало то, что делал я, например новости о моих загулах в газетах. Я на это всё клал огроменный болт, но ему это наверняка давалось сложнее*”.

Огонь и вода, две противоположности с одной страстью — волей к победе. Но у них были совершенно разные понимания об отдыхе и связях с общественностью. Хватало того, что один из них был 23-летним сорванцом из семьи рабочих, а другой — 55-летним боссом с огромной ответственностью. У Рона были отшлифованные манеры и чувство стиля; Кими же был сельским парнем, зависимым от собственных инстинктов.

Среди спонсоров “Макларена” были две компании класса люкс: швейцарский бренд часов “ТАГ Хойер” и немецкий дом моды “Хьюго Босс”. Последний, в частности, намеревался одевать гонщиков: “*В “Макларене” было очень важно, как ты выглядишь. Костюмы от “Босс” были ужасны — черные и блестящие, жутко неудобные. Но Рон считал, что всё должно быть именно так*”.

Ледяной человек, Айсмен. Это прозвище Кими получил от Рона Денниса. Оно подходит в лучшем случае половине Кими, но точно описывает его профессиональную сторону: из холодного климата, быстро ездит, мало говорит, ничего не объясняет, делают свою работу по-максимуму и двигается дальше. Чуть позже эта роль стала включать в себя ношение солнцезащитных очков где угодно, кроме душа.

Почти у всех профессиональных боксеров и реслеров есть прозвища, за которыми они могут прятать свои имена, не проливая на них чужую и свою кровь. “Айсмена” невозможно применить в реальной жизни, как и “Палача из Кяпюля” — прозвище Юкки Ярвинена, профессионального боксера. Так же, как вы не подумаете о прозвище “Иди”, услышав имя еще одного боксера, Амина Асикайнена. То, что работает на ринге и на треке, не годится для гостиной или очереди в магазине. “Айсмен” великолепно срабатывал на треке и рядом с ним, но мгновенно таял в семейной жизни молодой пары.

Пять лет в “Макларене” научили Кими абсолютно всему и

немного больше. Пока он был в “Зауберe”, он овладел только минимумом английского, а теперь научился говорить более красиво, но всё ещё выборочно: он говорил с командой, но не давал ни слова прессе. Но важнее всего то, что Кими обрел компанию хороших друзей, эдакий гоночный дом. Физиотерапевт Марк Арнолл и гоночный инженер Марк Слэйд были сердцем этого коллектива. Второй был в команде еще со времен Хяккинена:

[image]

Кими Ряйккёнен и Марк Слэйд – F1 Madness

“*Мы очень хорошо поладили со Слэйдом. Я просил его уйти в “Феррари” со мной, но ему было сложно из-за семьи и необходимости переезда в Италию. Потом, когда я договаривался с “Лотусом” после этапа карьеры в ралли, я сказал, что хочу сам выбрать инженера. Тебе нужен хороший инженер, иначе всё бесполезно. Я знал, что, по сути, Слэйд свободен, потому что в “Мерседесе” он занимался совсем другой работой. Он уже знал часть персонала в “Лотусе”, и, учитывая это, он был лучшей кандидатурой. Мой нынешний инженер Дэйв Гринвуд (после перехода Гринвуда в “Мэнор” его сменил Карло Санти) и Марк Слэйд — без сомнения лучшие инженеры, с которыми я работал. Они очень похожи, могли бы быть даже братьями*”.

Марк Слэйд оказался очень строгим человеком, который не терпел каких-либо бессмысленных замечаний. А ещё у него была привычка со злости швыряться ручкой: “*Однажды мы привязали его ручку к веревке, чтобы она не улетала очень далеко*”.

Группа сплотилась во многом потому, что в те дни машины можно было тестировать сколько угодно, иногда по шесть дней подряд и даже между гонками. Спонсоры тоже пытались откусить себе кусочек гонщика.

Те годы, как и все годы в принципе, имели свои взлёты и падения. Оглядываясь назад, можно сказать, что то, что казалось гладким асфальтом, на самом деле было американскими горками. Двигатели на машинах Кими сыпались один за другим или ему не везло прямо со старта. На Гран-при Франции в Маньи-Куре Кими лидировал на предпоследнем круге *[на самом деле за пять кругов до финиша — прим. переводчика]* и летел к своей первой победе, но всё вдруг испортила лужа масла, оставленная “Тойотой” Аллана Макниша в одном из последних поворотов: “*Мне пришлось замедлиться, и Шуми получил шанс на обгон. Меня это очень долго злило. Это могла быть моя первая победа*”.

На следующий год Кими выиграл в Малайзии свою первую гонку, но это стало слабым утешением, когда год подошёл к

концу. Шуми выиграл чемпионат с отрывом в два очка. И вот опять — если бы машина не подвела тогда-то и тогда-то…

В 2005-м Кими снова мог стать чемпионом, но двигатели чихали, а валы ломались. В Германии вообще сломалась подвеска. Мотор пришлось менять, что привело к штрафу в десять позиций. И даже тогда, прорываясь из хвоста, Кими всё равно попал на подиум. В том же году в Японии он показал значение слова “упорство”. Стартовав 17-м, он обгонял машину за машиной, пока на последнем круге перед ним не остался один лишь Джанкарло Физикелла: “*А потом я обогнал и его. Было классно. Я помню этот день. И, конечно, мою первую победу в Малайзии*”.

Что еще приобрёл Кими за пять лет в “Макларене”? Что узнал за это время? Он научился справляться с болью и неудачами, понимать механиков с полуслова. Что изменилось за пять лет? Кого выпустила эта британская школа? И совпадение ли, что один из его шлемов несёт на себе имя Джеймса Ханта?

Журналисты писали о его отдыхе чёрным по белому, крупными буквами — была ли причина или без оной. Иногда его веселье было настолько ярким, что огненные заголовки были весьма кстати. А иногда его посиделки в караоке бессмысленно занимали газетные полосы. Может, Кими вёл совершенно нормальную жизнь гонщика, но не в то время? С чьей точки зрения вообще смотреть на то, что и почему называется нормой?

Сложно оценивать прошлое, находясь в настоящем, не так ли? Но в комнате Кими это прошлое находится на расстоянии вытянутой руки. Шлем с именем Джеймса Ханта на нём занимает гордое место на полке рядом с другими шлемами. Кими выступал с ним на Гран-при Монако в 2012-м. К слову, под именем Ханта он как-то выступил и в гонке на снегоходах.

[image]

Кими Ряйккёнен в шлеме, посвященном Джеймсу Ханту – Flickr

Почему именно Хант? И что такого особенного в “Макларене”? Ответ кроется в Англии, где закрытые треки имеют свою магическую атмосферу. Джеймс Хант — один из наиболее известных британских гонщиков, безбашенный сорвиголова. Он выиграл чемпионат в 1976 году, но куда больше запомнился стилем жизни, который по современным меркам может показаться распутным. То, что тогда было нормой, сегодня уже считается неприемлемым. Чем же это прошлое восхищает Кими?

“*Во времена Ханта гонщики больше уважали друг друга. Если ты в кого-то врежешься, можешь и умереть, потому что топливные баки были по бокам машины. Теперь, когда всё намного*

безопаснее, можно делать всякие глупости. Тогда ты не мог. Они уважали друг друга, потому что знали, что каждый ходит по лезвию ножа. Сейчас же, если ты кого-то подрежешь, тебе ничего не будет. Тогда гонщики больше времени проводили вместе. Чувство братства помогало отодвинуть страх смерти," — говорит Кими. Хант говорил то же самое. По его словам, лучше было расслабиться ночью, ведь она могла оказаться последней. Его философия хорошо описана в биографии Джеральда Дональдсона.

Сочетание веселья и близости смерти сейчас кажется странным, но тогда оно было реальностью. В период 1970-82 годов в Ф1 погибло 11 гонщиков *[по всей видимости, не учитываются смерти на тестах — прим. переводчика]*. И ещё один должен был погибнуть, но вопреки судьбе до сих пор посещает гонки, ходит от репортёра к репортёру, комментирует спорт и его правила. Опыт Ники Лауды, наравне с его ожогами, приковывает внимание журналистов.

В 1976-м на Нюрбургринге Лауда попал в страшную аварию — он получил серьёзные ожоги и едва не умер. Католический священник уже почти соборовал его и был готов отпевать, но уже через месяц Лауда снова сел за руль "Феррари". В то время шасси делали из алюминия, карбон появился только в 1980-х.

Мир Ф1 70-80-х отличался от нынешнего. Гонщики курили, коптились и горели в машинах. Они жили сегодняшним днём, и иногда случалось так, что завтрашний действительно встречали не все. Пиво мерили ведрами, а сигареты — блоками.

Не сказать, что Кими жаждет этого отсутствия безопасности или пива, нет — он хочет расслабленной, неформальной атмосферы. И, возможно, именно её он и нашел в боксах "Макларена".

"*Ни за что! Я не надену пиджак! Вы, парни, ошибаетесь, заставляя людей соответствовать подобному стилю — это не помогает привлечь внимание молодёжи. Они не хотят видеть людей, одевающихся как Джеки Стюарт! … Жизнь слишком коротка, чтобы ограничивать её в том, где это не жизненно важно*", — Джеральд Дональдсон, биография Джеймса Ханта, "Вёрджин Букс", 2009, стр. 148. Вот, что сказал Хант; вот, что мог бы сказать Ряйккёнен.

Хант был заядлым курильщиком и в плохой день мог выкурить четыре десятка сигарет. Кими же нерегулярный курильщик: "*Пацаном я курил пару лет, но во время карьеры не имел такой привычки. Разве что пару сигарет, когда меня всё бесило, правда, бесило меня всё частенько. Да и во время периода в "Лотусе" я мог выкурить одну-две в паддоке или во время посиделок*

с боссом. После этого я почти не курил. У меня астма, так что я завязал с постоянным курением. Я даже пробовал "Норз Стейт", те, что без фильтров. По утрам я от них жутко кашлял. А ещё все знают, что я изредка нюхаю табак, но никто и слова об этом не говорит".

Попойка является давней традицией английских гонщиков, причем той, которую живо поддерживали в "Макларене". Кими ценил эту традицию, и его коллеги разделяли подобную позицию. Особенно механикам и сменщикам колес было приятно, когда гонщик присоединялся к ним, чтобы пропустить по стакану: "*Должен сказать, для гонщика я пил чертовски много. Много раз поднимал тосты за каждого из тех, с кем пил. Но я больше не жду конца сезона, чтобы начать пьянствовать. Не думаю, что после карьеры сразу нырну в запой. Я своё уже выпил, мне не надо продолжать*".

Идеальный вечер глазами Джеймса Ханта был таким: болтать с друзьями у телевизора, с едой из фаст-фуда на коленях, ящиком пива и, может быть, косячком травы. Идеальный вечер Кими от этого сценария разительно отличается, но, учитывая годы вечеринок, это, безусловно, не забронированный заранее столик в ресторане с мишленовской звездой.

Джеймс Хант был в метре от умирающего Ронни Петерсона в 1978-м. Он первым побежал к горящей машине, чтобы помочь. Эта и другие смертельные аварии начали пугать его: "*Мысли о смерти пугают меня до чёртиков. Я думаю о том, каково это, быть мёртвым и есть ли жизнь после смерти. Я хочу уйти на пенсию, когда придёт время. Добровольно. А для этого надо выжить, что в автоспорте значит не подвергать себя рискам слишком долго. Гонки вдыхают в меня жизнь. Но и пугают меня до смерти*". (Дональдсон, стр. 198).

Кими не боится, потому что машины сейчас на порядок безопаснее, чем были во времена Ханта. Взамен он брезгует «формульным» околоспортом, прямо как Хант, ненавидевший большие вечеринки с кучей незнакомцев, где он был в центре внимания. Но, как и Джеймс, он любит высокотехнологичную конкурентную среду. Хант, будучи молодым, заявлял, что если не станет лучшим в Ф1, сделает это где-нибудь ещё. Кими считает, что самый безопасный метод вождения — быть быстрее остальных. Хант соглашается, думая, что высокая скорость повышает концентрацию и снижает ошибки.

Хант нервничал перед каждой гонкой. Он ходил туда-сюда по паддоку, выкуривал одну сигарету за другой, надевал и снимал шлем, его тошнило. У Кими же перед гонкой лишь один ритуал: "*Я всегда сажусь в машине с правой стороны*".

Из биографии Дональдсона становится известно, что Хант любил птиц и животных. А больше всего — своего пса Оскара, в котором души не чаял. Эта сторона Ханта была плохо известна общественности. Кими же любит детей, и, в отличие от Ханта, люди об этом знают.

Джеймс Хант ушел из гонок 8 июля 1979 года. Он провел за рулем 12 лет жизни. Кими уже провел 18, и конца пока не видно. Хант был в депрессии. В конце концов, он нашел внутреннее спокойствие, бросил курить и пить. Встретил Хелен Диксон и сделал ей предложение по телефону. Два дня спустя он скончался от инфаркта, всего в 42 года. Кими влюбился в Минтту Виртанен в 2013-м и забросил запои. Теперь он 38-летний отец двух детей. Когда он уйдет на пенсию, то заведёт себе собаку.

ОДНО ОЧКО

Чья-то победа всегда подразумевает чьё-то поражение — это как твердая косточка внутри мягкого авокадо. Кими Ряйккёнен не стал бы чемпионом мира без провалов Льюиса Хэмилтона на двух гран-при подряд. Этот факт не умаляет заслуг Кими в завоевании титула чемпиона. Кими заслужил его, он получил необходимое преимущество в одно очко. Сладость победы особенно усилил тот факт, что она произошла в его первый год в составе «Феррари». В «Макларене» Кими дважды оказывался буквально на волосок от такого результата.

Более того, победы в чемпионате могло и вовсе не быть. Кими выиграл шесть из 17 гонок. В самый критический момент он отставал от лидировавшего Хэмилтона на 26 очков. Перед последней гонкой шанс выиграть титул был у трёх гонщиков: у Льюиса было 107 очков, у Фернандо Алонсо – 103, и у Кими – 100.

То есть 21 октября 2007 года в 9 утра по финскому времени на трассе Интерлагос могло случиться всё, что угодно.

В городке Киркконумми на полуострове Порккаланниеми ворота закрыты. В доме только Паула и Маса, а также их хорошие друзья Ани и Кари. Паула запретила прессе пересекать порог их дома. Репортеры хотели посмотреть гонку вместе с родителями Кими, но Паула твёрдо стояла на своём. Маса был бы не против публичности. Но она обещала, что журналисты придут в их дом, если Кими станет чемпионом.

Паула на грани – это всегда так, когда Кими на трассе. Кари и Маса уходят наверх, чтобы посмотреть трансляцию там. Ани и Паула остаются на первом этаже. Они гасят свет.

Красная машина Кими начинает гонку с третьей позиции на стартовой решётке. Кими едет уверенно, Хэмилтон – плохо. Кими должен победить, Льюиса ждёт седьмое место. Удача одного человека требует несчастья другого.

Обычно во время гонки Паула Ряйккёнен пьёт бренди, но в этот раз она забыла запастись успокаивающим напитком. Всё, что сейчас у них с Ани – ряд бутылок воды «Виши» и бокалы для шампанского. Они пьют обыкновенный газированный напиток, как если бы это было нечто особенное. Кое-что покрепче есть наверху у Массы и Кари, но сейчас женщины и на шаг не отойдут от телевизора. Кими лидирует.

В течение последних пяти кругов Паула стоит в углу с урной в руках на случай, если к горлу от волнения подступит тошнота. Последние круги Кими проходит уверенно и элегантно. Он

пересекает финишную черту – победитель, но ещё пока не чемпион. По радиосвязи он должен услышать, где Хэмилтон. Через полкруга после финиша ему сообщают, что Льюис отстал на круг. Кими выигрывает чемпионат с преимуществом в одно очко.

Кими Ряйккёнен после завоевания чемпионского титула в Бразилии в 2007 году – Пресс-служба "Феррари"

Маса берёт ножницы и отстригает себе волосы. Он встречает чемпионство Кими стриженной головой. Паула вытирает глаза и идёт переодеваться во что-нибудь более праздничное, чтобы отметить произошедшее. Ани начинает готовить кофе. Шурин Паулы Юсси Рапала сообщает, что он у ворот. Он появляется у дома вместе с репортёрами и говорит, что те зашли через ворота вместе с ним. Начинается суматоха.

Кими поливает подиум шампанским, посвящая победу «Феррари» и своей семье. Он завоевал то, чего мог достичь в составе «Макларена» уже дважды, если бы не подводила техника. Но разговор на тему «если бы» окончен, теперь он хочет отметить победу с командой, с парнями, вдали от любопытных взоров. Сын сплочённой семьи хочет побыть вместе со своими красными братьями.

Паула и Маса пытаются дозвониться до Кими. Наконец это им удаётся. Они плачут и кричат в трубку. Они не могут подобрать слов, они вне себя от радости. В их победе нет чьего-то поражения – только их огромный совместный опыт: слёзы, смех,

распадающиеся приводные валы, запах смазки, тысячи километров в старом фургоне, пустые слова туманных спонсоров, рукопожатия авторитетных людей, страх, волнение, экономия каждой копейки. Трудно найти слова, когда за ними стоит так много действий.

Кими в отеле вместе с командой. Торжества приостановлены. Им приходится ждать очевидного решения по поводу жалкого протеста о количестве бензина в баках машин Нико Росберга, Ника Хайдфельда и Роберта Кубицы. Протест отклонен, титул чемпиона подтверждён. Бутылки открыты, напитки льются рекой, кутёж продолжается до утра.

Паула и Маса просыпаются: это великое утро для маленькой нации. Пресса хочет знать всё – и получает многое. Родители делают заявления, они вновь и вновь перебирают свои эмоции и ищут нужные слова. У Кими же впереди ещё один рабочий день. Он едет в Муджелло – место, где 12 сентября 2000 года всё началось на тестах «Заубера». Финская и зарубежная пресса там. Автодром закрыт.

Ночной клуб «Бляк» в Хельсинки открывает свои двери. Там семья и друзья ждут Кими. Наконец он появляется. Ночь сменяется утром; это едва заметно и происходит мгновенно.

Власти в Эспоо сталкиваются с дилеммой. Они задаются вопросом, как город мог бы увековечить память великого сына Кархусуо. Биатлонистов и легкоатлетов обычно принято награждать живописным участком земли или домом, но как вознаградить гонщика, который и так уже неприлично богат?

В итоге городские власти выделяют место для строительства новой трассы для мотокросса, но весь проект все ещё витает в воздухе. Трасса должна быть возле свалки Яммянсуо. Лица, принимающие решения, замечают, что за свалкой есть дорога. Появляется идея назвать эту дорогу в честь Кими Ряйккёнена? Это было бы достойной данью уважения новому чемпиону мира. Об этом сообщают Ряйккёнену, но он не проявляет восторга по поводу данной идеи. Почему-то эта дорога, названная в честь него, не волнует Кими. Она никуда не ведёт, и там можно увидеть лишь чаек, летящих на свалку. Затея похоронена, как и весь проект по мотокроссу. Официальное название дороги Кулмакорвентие — «Перепутье».

РАЛЛИСТ

Когда в сентябре 2009 года в «Феррари» объявили, что отпустят Кими за год до окончания контракта, никто точно не знал, чего ждать дальше. Закончит ли он свою карьеру? Уйдёт ли в другую команду? Что он вообще будет делать? Но кое-что стало понятно сразу: Кими устал от побочных продуктов Ф1, а, в частности, от политики и постоянных спекуляций.

Решение Кими перейти в ралли стало неожиданным только для тех, кто его не знал. Его уже затягивал мир ралли, абсолютно непохожий на блеск и напыщенность «Формулы». Он уважал этих сорвиголов, летящих по узким дорогам на невероятных скоростях.

«*Он раллист до мозга костей*», — говорит менеджер Кими по связям с общественностью Сами Виса, который следил за спортом всю свою жизнь и знает много финских раллистов.

Он использует слово «ralli-ukko», очень финское выражение, означающее примерно следующее: лучшие ралли-гонщики страны почти все без исключения сорвиголовы, пришедшие из захолустья, обычные мужики. К ним можно спокойно подойти, они скорее не примадонны, а парни с соседнего двора. Звучит знакомо? Внешность Кими, его характер и манера речи делают его скорее «ralli-ukko», чем павлином из паддоков.

Симо Лампинен, Тимо Мякинен, Ханну Миккола, Тимо Салонен, Хенри Тойвонен, Маркку Ален, Юха Канккунен, Томми Мякинен, Маркус Грёнхольм… Список финских раллистов можно долго продолжать. Множество молодых парней, опьяненных скоростью, пришедшие с ферм и гравийных дорог.

Сами Виса дружит с Томми Мякиненом, а ещё он лично знал Хенри Тойвонена (1956-86), который погиб на ралли Корсики. По словам Сами, Кими объединяет с упомянутыми выше людьми невероятная воля к победе. «*И все они могут вести себя как сволочи в гоночные уик-энды. В эти дни они совсем не лучшая компания; они полностью от тебя изолируются*».

Перебраться в ралли было не мгновенной блажью Кими, а логичным решением. Он всегда следил за спортом и интересовался им. До этого он даже купил раллийную машину, «Абарт Гранде Пунто S2000», которую поддерживала в гоночном состоянии команда Томми Мякинена. Именно на ней он сделал свои первые шаги в ралли, поучаствовав в Ралли Арктической Лапландии 2009 года. «*Я ездил посмотреть Ралли Финляндии в Ювяскюле в 2005 году. Я был в сауне с Томми и Кайцу Линдстрёмами. Ещё тогда я сказал Кайцу, что если начну гоняться, то он будет моим штурманом. Томми и Кайцу чертовски*

мне помогли».

У Томми Мякинена довольно большой опыт гонщика; сейчас он работает директором «Тойота Газу Рэйсинг». Он всегда узнает настоящего гонщика, если увидит. «*Было легко заметить, что у Кими большой гоночный опыт — с управлением у него сразу было всё в порядке. Он довольно быстро адаптировался. Нелегко пересесть из машины Ф1 в раллийный автомобиль. Мне как-то довелось немного поездить на такой машине — совершенно другие ощущения*», — говорит Мякинен.

Старший брат Кими Рами много занимался ралли, поэтому не удивился выбору брата. Он считает, что хороший раллист должен уметь следить за дорогой. А ещё нужно несколько раз проехать всю дистанцию трассы в гоночном темпе, прежде чем считать, что можешь навязать борьбу лучшим.

«*Я знал, что Кими будет очень быстрым на спецучастках с обычными дорогами, потому что там можно полагаться на глаза, а не нырять в неизвестность*», — говорит Рами, который был вторым в младшей серии финского чемпионата.

Кими и его «Ситроэн С4 WRC» – Auto Evolution

В Чемпионате мира Кими выступал на «Ситроэне С4 WRC» за вторую команду «Ситроэна». Кай «Кайцу» Линдстрём был его штурманом. Результаты были не постоянными, но ребята веселились. За рулём сидел расслабленный человек, паддок был собран на краю леса, а его друзья были покрыты снегом, потом или смазкой. Не было гламура, зато была атмосфера. Не было

всего этого цирка с прессой, лишь несколько журналистов. Его соперниками были лишь лес и секундомер, да поля и деревья по бокам. Секундомер хладнокровен; у него нет выбора — он лишь говорит правду. Грубая, суровая и простая натура ралли подходила Кими, и у него осталось много приятных воспоминаний об этом пробирающем до костей холоде и мрачном окружении.

«*Когда мои менеджеры Стив и Дэвид сюда добрались, они такие: «Какого черта? Тут минус 20 и негде погреться». В «Формуле-1» они привыкли к совсем другим условиям. В ралли тебя просто отправляют куда-то и говорят ждать у дороги, машины скоро будут*».

Таланты Кими проявились уже на Ралли Арктической Лапландии. На втором спецучастке он слетел с дороги, но на финише выяснилось, что в среднем он был медленнее победителя Дани Сордо на секунду за километр. Всего секунда за километр — а это только первая попытка.

На третьем этапа сезона в Йордании он был восьмым, в Турции — пятым. Он набрал 25 очков за сезон и стал новичком года. Более важным, чем очки, был факт того, что он был единственным «ralli-ukko» среди всех. Выше были только звёзды.

«*Механики — особая каста. Они копаются в машине в ледяной мороз и заботятся обо всём. Когда ты перевернул машину, ты мчишься под их тент, и всё будет готово через час, они работают над корпусом шлифмашинами, молотками возвращают форму, и ты снова на трассе. Ты можешь серьёзно влететь в кусты, но они всё равно сделают из разбитого металлолома что-то похожее на машину. Я много раз думал, что машине конец, но затем они брались за кувалды и где-то через час говорили: «Вот и всё, забирай, гони дальше*».

На протяжении всей карьеры до этого Кими ездил в одиночку в тесном пространстве на закрытом треке, а теперь сидел рядом со штурманом перед открытой дорогой, ориентируясь на то, что ему начитывали на ухо. Кто-то другой предупреждал его о том, что впереди, его собственных глаз было мало. Только идеальная координация могла держать машину на дороге на максимально возможной скорости.

Кими Ряйккёнен и Кай Линдстрём – Autosport

«Я не привык слушать кого-то другого. Разница между Ф1 и ралли заключается именно в уверенности в инструкциях штурмана. На второй год было проще, потому что я уже знал трассы».

Кими финансировал свой второй год в ралли самостоятельно. Он создал «Айс Уан Рэйсинг» и взял машину у «Ситроэна». Сезон был рваный, он принимал участие не в каждом ралли. В конце концов его команду исключили из зачёта производителей.

У Кими остались приятные воспоминания и ещё большее уважение к этому спорту. Кроме механиков он также выделял работу Кая Линдстрёма: «*Я научился уважать работу штурманов. Они выполняют невероятные объёмы работы, записывают стенограмму, заботятся о расписаниях и переходах. И потом им надо всё это записать и вовремя начитать».*

Кроме ралли, Кими попробовал себя и в НАСКАРе в США — нечто абсолютно не похожем ни на что другое. Машины носятся по овалу рядом друг с другом на ужасающих скоростях. Зрители никогда не упускают из вида машины, которые заправляются вручную. Колёса меняют с использованием домкрата. Зрители слышат переговоры гонщиков с командами. В лучшие дни на гонку приходит 160 тысяч человек и до 10 миллионов смотрят по ТВ. НАСКАР — самый популярный вид спорта после американского футбола.

Кими в НАСКАРе – Reddit

НАСКАР несёт в себе те же качества, что и ралли: неформальный и простой автоспорт, приправленный впечатляющим американским стилем: “*Это было простое занятие. И у них были прекрасные машины. Когда я начинал в Ф1, все было гораздо более тихим и спокойным. В наши дни весь спорт стал более серьёзным. Веселье понемногу пропало — больше денег и меньше фана. Изначально тот же сноубординг тоже был простым и весёлым, а теперь стал серьёзным занятием*”. В итоге Кими проехал две гонки за «Кайл Буш Моторспортс» — одну в дивизионе пикапов, одну в «Иксфинити».

Выступления Кими в ралли и НАСКАРе не особо-то и примечательны; главной задачей было уйти от Ф1 с её жёстким расписанием. Показательно ещё и то, что в это время Кими вообще не следовал за своим главным спортом; вместо этого он следовал за собственными инстинктами, которые привели его в самое сердце тусовок и веселья. А ещё увели от дома, который больше не казался домом.

МАСА

Порккаланниеми, 21 декабря 2010 года. Матти и Паула у себя дома, вечер.

Маса не в духе, настроения нет. Паула говорит ему, что Кими и Енни попросили их прийти. Маса не настроен на поход, так что заботливая жена говорит, что навестит их сама. Летний домик Кими расположен рядом, в нескольких сотнях метрах, и Паула хотела бы, чтобы муж тоже пошёл – их мальчик здесь, в Финляндии, и в этот раз у него есть время. Она набирает ему от Кими, пытаясь уговорить прийти, но её вздорный муж отказывается.

Маса зол. Конечно, это просто догадка, ведь его уже не спросишь об этом. Скажем так, можно справедливо рассуждать о том, что он зол, потому что поссорился с Кими. Его сын считает, что отец слишком много пьёт, а последней каплей стал случай, когда Маса пьяным стрелял с друзьями по тарелочкам. Кими тогда был так разъярён, что пришёл домой и забрал все ружья. Теперь Маса чувствует стыд и раздражение – возможно, именно в таком порядке. Его голова схватывает всё уже не так, как раньше. А ещё она болит, это вызывает плохие предчувствия. Он сильно ударился ей пару лет назад, когда упал с квадроцикла. В итоге всё закончилось невралгией, из-за которой голову солнечного человека стали обуревать тёмные силы, и он больше не мог делать некоторые вещи, в которых был по-настоящему хорош до аварии. Экскаватор больше не слушается его рук так, как прежде. Маса наполняет свой стакан и смотрит в окно.

Паула наслаждается обществом Кими и Енни, но мыслями она с Масой. Её любимый муж становится чужим. Она возвращается домой поздно, Маса дремлет на деревянной скамейке. Она просит его пойти наверх и лечь в кровать, но безуспешно. В конце концов она решает, что скамейка — достаточно тёплое место, чтобы заснуть на ней, и уходит наверх, где ненадолго включает телевизор.

Проснувшись утром, Паула находит мужа на полу – он упал и ударился затылком. Ей не удаётся привести его в чувство, и встревоженная жена убегает за помощью к Кими. Когда Паула, Кими и Енни прибегают обратно, Маса всё ещё лежит на полу, удар головой был сильным. Они звонят и просят прислать за ним вертолёт «скорой помощи», но те не могут забрать его из-за слишком плохого состояния. Кими приподнимает отца, и того тошнит. В последний момент карета «скорой» всё-таки прибывает забрать пострадавшего. Семья долго смотрит на её удаляющие

огни, их рождественские огни.

Масу доставляют в больницу в Тёёлё в Хельсинки. Врачи говорят, что не могут ничего поделать – кровоизлияние в мозг слишком обширное. На следующий день они сообщают семье, что отключат аппараты жизнеобеспечения, потому что его уже не спасти. Паула и Кими отправляются в больницу, чуть позже к ним присоединяется и Рами. Последние мгновения жизни Масы семья проводит у его постели. Матти Пааво Илмари Ряйккёнен умирает в среду, 22 декабря 2010 года.

Мы возвращаемся в комнату Кими. Бар, Швейцария, ноябрь 2017 года. Мгновенья тишины. Я подхожу к этой теме со всей осторожностью. Кими пока прожил не так долго, хоть его жизнь и протекает на большой скорости. Дней, потраченных на дорогу, пока куда больше тех, что проведены дома. Дороги, самолёты, гостиницы и трассы с машинами впереди и сзади сменяют друг друга. Когда ты в движении, на мысли не остаётся времени, а когда останавливаешься, нужно время, чтобы собраться с мыслями.

Смерть одного из родителей скрывают от ребёнка за последней, самой прочной моральной стеной, но даже если эта стена сделана из бетона, он всё равно рано или поздно обо всём догадается. Кими было 31, когда он потерял отца. Матти покинул этот мир в 56, он был мужчиной средних лет. Он не был готов к уходу – обычно родители живут немного дольше, прежде чем покинуть вас.

Кими делает глоток воды и бросает взгляд на меня и лежащий между нами диктофон. Я почти уверен, что могу прочитать в его взгляде немой вопрос: «Может ли Маса поместиться в это маленькое устройство?»

«*Первое время я не находил себе места, всё время плакал и спал. Но потом мы поехали в Тахко (популярный туристический центр в Финляндии – прим.ред.) на новогодние праздники. Надо сказать, я не хотел ехать, не хотел никого видеть, но мы всё равно отправились туда. У меня не было планов на будущее, не знал, поеду в ралли или где-то ещё. Но в итоге всё решилось примерно в тот период, и в конце концов я выбрал ралли. Это решение было одним из лучших, которые я когда-либо принимал, потому что, если бы я остался тогда в том состоянии, то пустил бы свою жизнь под откос. Это означало, что мне как минимум есть, чем заняться. А ведь я тогда не просто хандрил…*»

В комнате повисает пауза. Кими пытается собрать воедино все мысли и воспоминания о том дне. По собственному опыту знаю, что сделать это не так просто – они летают вокруг, как опавшие листья или мелкий мусор на ветру. «Что я чувствовал

тогда, что чувствую сейчас? Правдивы ли мои воспоминания или лучше бы они были ложными? Кто выиграет от того, что я скрою эти воспоминания? Никто, а значит в этом нет смысла». Кими рассказывает всё как есть, вылавливая картинки из омута памяти, словно только что пойманную рыбу из сетей.

«*Перед смертью нужно забыть все ссоры и обиды. Но в моём случае этого не случилось, как не случалось и в большинстве фильмов. Та ссора была дерьмовой. Его пьянство бесило меня, я был в ярости из-за того, что не мог остановить это. А ссору вызвало то, что он с друзьями стрелял по тарелочкам – они пили и стреляли. Я был вне себя. В итоге я пошёл и забрал все его ружья, а он, естественно, разозлился. Позже в телефонном разговоре он по-доброму пошутил на эту тему, назвав меня кровавым похитителем оружия. А ещё тогда он сказал, что любит меня*».

Вновь пауза, глоток воды, Кими продолжает куда более спокойным голосом. Та авария на квадроцикле стала поворотным моментом – после неё Маса уже не был самим собой. Мать дозвонилась до Кими, когда у него в самом разгаре были тесты, Маса был в коме. Вместо того, чтобы вернуться в Швейцарию, Кими отправился прямиком в Финляндию, заодно позвонив Тони Виландеру, попросив друга поехать в больницу вместе с ним. Тони в итоге впустили в палату только после того, как Кими сказал, что он его брат.

«*После того случая он уже не был самим собой на все 100 процентов, что-то в нём угасло. Он бросил пить и курить на год или около того, но затем снова взялся за сигареты и пиво*», — Кими вздыхает и меняет положение. Ни одно из них сейчас не будет для него удобным. — «*Со временем стало полегче, но, думаю, полностью смириться не получится уже никогда. Я уверен, что даже, когда мне было на всё насрать или я отрывался на вечеринке, мысли об этом всё равно были где-то на уровне подсознания. Я принял решение перейти в ралли – если бы не это, алкоголь бы взял надо мной верх, спорт помог мне хоть немного прийти в себя*».

Пауза, большой глоток воды: «*Было по-настоящему странно осознавать, что Масы больше нет. Если бы я только был хоть немного готов к его смерти… Сейчас я могу проснуться с более или менее чёткими представлениями о тех событиях. А ещё эта ссора… Всё это по-прежнему беспокоит меня, полагаю, всегда будет беспокоить*». Глаза Кими стекленеют и переключаются на стоящие на полке шлемы. От воспоминаний никуда не скроешься.

Февраль 2018-го, мы в Кархусуо, в Эспоо, в мастерской «Конехалли». Кими построил это здание, совместив магазин-мастерскую с сауной, гостиной и небольшим баром на втором

этаже. Паула Ряйккёнен сидит в кресле, я расположился на диване.

[image]

Матти и Паула – Kimi Island

Паула говорит, что те события никогда не обсуждались за пределами их семьи. На мгновение начинает казаться, что не произойдёт этого и сейчас. Я даю понять, что она не обязана рассказывать, но это могло бы помочь – история Кими, это история семьи, а без Масы эта история станет на одного человека короче. Паула какое-то время молчит, но затем слегка поворачивает голову и возвращается мыслями в декабрь 2010-го. Этот путь долог, но эмоции ускоряют его: «*Я ожидала этого уже несколько лет, но всё равно… Кими и Рами на самом деле даже не представляли, что на протяжении долгого времени ситуация была действительно тяжёлой. Мы жили в Порккале около шести лет. Кими купил нам дом в 2004-м, а расписались мы в 1976-м – мы были женаты 34 года*».

Выходим на улицу покурить. Паула расчищает ногой снег и смотрит на маленький зелёный домик. Она рассказывает, что мальчики были счастливы в этом скромном жилище площадью в 33 кв. м, пока семья не переехала в соседний дом, построенный отцом Масы.

«*В финансовом плане мы были бедны, но в ином отношении жили богато. Это была хорошая жизнь. Время с Масой проходило легко и с взаимной любовью, если не считать последние несколько лет – они были адскими*».

Возвращаемся наверх. Под потолком висит «формульный» «Макларен», а интерьер гостиной посвящён карьере Кими: шлемы, фотографии, кубки. Мы сидим в самом центре сбывшейся мечты, но одного человека, сделавшего эту мечту реальностью, здесь нет. В какой-то момент Маса работал на трёх работах, чтобы скопить достаточно денег, а его мальчики продолжали гонять. И когда Кими удалось превзойти все ожидания, отец не собирался скрывать свою радость. Паула говорит об этом прямо, и у неё есть полное на это право, ведь она рассказывает о любимом человеке:

«*Маса всегда говорил, чтобы мы сразу дали ему знать, если он вдруг начнёт брать на себя больше, чем нужно, и в какой-то момент это и произошло. Ему нужно было больше, нужна была куча занятий — даже имея всегда огромное количество разной работы, у него оставалось свободное время. А затем он заработал себе панкреатит и диабет. Он надолго бросил пить. В 2007-м у Масы всё было в порядке со здоровьем, он даже справился с диабетом. Мне нравилось выпивать белое вино по выходным, и в*

какой-то момент я заметила, что он тайком стал наливать и себе. А затем, в 2008-м, случилась та авария. Я записала его на полугодовой курс нейропсихологической терапии в клинику Ортон, но там он морочил специалисту голову. Ему был нужен более жёсткий подход. После этого он изменился психологически – что-то ушло, какая-то эмоциональная составляющая. Он стал грубым в общении со мной, часто злился. А затем к этому прибавилась водка – она позволяла ему чувствовать себя лучше. Маса присматривал за всем нашим имуществом, после своего долгого отсутствия он не позволял больше ничего делать посторонним. Когда Рами после смерти отца взял всё это на себя, он сказал, что наконец-то понял, почему отец всё время куда-то торопился – всегда приходилось что-то чинить или менять».

Наступает долгая пауза, Паула отводит взгляд. Блеск трофеев в стеклянных шкафах может посоперничать с блеском в её глазах. Паула знает истинное значение свадебных клятв: «с этого дня быть вместе в горе и в радости, в богатстве и в бедности, в болезни и в здравии…». Она пережила все эти взлёты и падения, все эти крутые повороты и длинную прямую, уходящую в горизонт.

Мы возвращаемся в комнату Кими в Баре, в Швейцарии. На дворе ноябрь 2017 года. Скорбь не выбирает время, она приходит без предупреждения, приходит тогда, когда считает нужным. В случае с Кими ей понадобилось время – она кружило над Цюрихом. Но вскоре скорбь приходит и взрывается у тебя в голове, не важно, где ты и когда – здесь и сейчас: «*Я часто представляю, что бы Маса сказал по тому или иному поводу. Не уверен, что я до конца смирился с его смертью*».

Я выключаю диктофон.

ДЕНЬГИ И ДОВЕРИЕ

Кими говорил о деньгах, когда их у него не было, но после того, как их стало много, он вообще перестал распространяться о них. Когда денег хватает, нет смысла говорить о цифрах. Там, где Кими работает, информация о заработной плате не является достоянием общественности, так что о её размере постоянно ходят разные слухи. Но достаточно сказать, что лучшие гонщики получают абсолютно непропорциональные суммы.

Если у вас не было и гроша за душой, вы цените деньги куда больше тех, кто родился богачом. В этом смысле Кими именно тот человек, который будет с благодарностью говорить о возможностях, открывшихся с появлением необходимых средств. Помимо различной недвижимости он смог купить время, являющееся предметом роскоши в его работе:

«Я много трачу на аренду самолётов, чтобы поскорее оказаться дома. Я могу утром улететь в Италию, а уже вечером того же дня вернуться обратно. Если пользоваться регулярными рейсами, такое не провернёшь, тот же путь займёт два дня. Я высоко ценю своё время – после гонки можно вернуться домой куда быстрее, если лететь на частным самолёте».

Жильё Кими представляет собой его наибольшие вложения. Он пришёл из небольшого жилища, так что неудивительно, что одинаково ценит свои дома в Швейцарии и Финляндии:

«Я стал заниматься всем этим не из-за денег, но, безусловно, хорошо, когда не нужно ни о чём беспокоиться. У меня появилась возможность помочь маме с папой, сделать так, чтобы, например, туалет был в доме – эта проблема всё время откладывалась из-за картинга. И я вложил в это довольно много. Мне всегда хотелось жить в хорошем месте. И теперь такие места есть, они просто ждут, когда моя карьера подойдёт к концу. У меня никогда не было того, чем я могу обеспечить своих детей».

Пауза. Не так-то просто богатому человеку говорить о собственном богатстве. Когда человек обладает многим, он говорит об этом мало. Широкие жесты идут рука об руку с небольшими суммами. За этим молчанием скрываются испытания и невзгоды, выпавшие на долю Кими в последние несколько лет. Они проявляются в одном слове – доверии.

За окнами дома Кими простирается красивое зелёное поле. Издалека слышен звук мотора – трактор появляется откуда-то слева и останавливается в 100 метрах от нас. Фермер спускается и идёт проверить шланг, прикреплённый сзади. Затем он забирается обратно в кабину и начинает своё движение. Поток

зловонной жижи вырывается из шланга по широкой дуге. Сбивающий с ног запах проникает внутрь через открытую кухонную дверь и заполоняет весь дом. Утешает в этой ситуации только одно – всё это дерьмо поднимается и летит в воздух не без причины, оно используется для удобрения. Когда ваше доверие предают, в воздух тоже поднимается дерьмо, но оно не пахнет и не сбивает вас с ног. Оно разбивает вам сердце.

Деньги никогда не приходят одни – с ними появляются и другие вещи. Люди привязываются к этим бумажкам-купюрам, хотя деньги им и не принадлежат, и они чувствуют это. Маленькие суммы денег приводят к таким же большим ссорам, как и крупные, разница лишь в том, что ссоры из-за небольших сумм протекают шумно, а разногласия из-за больших стараются держать в тишине. Они обсуждаются конфиденциально и после них доверие теряется.

Кими Ряйккёнен их тех людей, что держат своё слово, он верен ему. Вот почему моменты, когда его доверие предают – не самое приятное зрелище. Управляющий делами Кими Сами Виса был их свидетелем и считает, что этого добросердечного человека по-настоящему подставляли.

Добросердечность от доверчивости отделяет всего шаг, и этот шаг сделать так же легко, как ввести данные банковского счёта. Хороший человек не будет подозревать того, кому доверяет, он оставит свои подозрения для незнакомца. Кими тяжело об этом говорить, но он утверждает, что верит в закон кармы. Если говорить языком теологии, карма – это комбинация последствий тех действий и поступков, совершаемых человеком в его жизни: «Думаю, карма позаботиться обо всём этом. Тайное станет явным».

К сожалению, местные суды не руководствуются законом кармы при принятии решений. Когда я спрашиваю о деталях, голос Кими становится напряжённым. По словам Людвига Виттгенштейна, австрийского инженера и философа, лучше промолчать о тех вещах, о которых не можешь сказать. Правда, Виттгенштейн не жил в эпоху интернета и социальных сетей, так что я понимаю нежелание Кими рассказывать больше.

Обратимся к басне. В баснях всегда идёт речь о людях, хоть и рассказывается о свиньях, собаках, кошках, овцах и лисах. Заранее приношу свои извинения лисе за следующую историю. Жила-была собака, которая была очень успешной на бегах – настолько успешной, что её пригласили соревноваться за границей. У собаки не хватало денег, но когда все дали по чуть-чуть, а родственницы-кошки ещё немного одолжили, сумма оказалась достаточной для поездки собаки. Так она смогла

принять участие в гран-при, за которым следили все собаки мира. Эта собака была, в общем-то, обычной дворняжкой, но у неё было большое сердце и искренняя душа. Такое сочетание было одновременно и хорошим, и плохим – хорошим, потому что все её друзья могли ощутить её щедрость, а плохим, потому что были среди них и те, кто лишь притворялся другом, преследуя собственные скрытые мотивы. Собака не понимала, что не всем её новым друзьям-животным нравится она, а не окружающие её купюры. Собака подписывала разные бумаги, платила по долгам других животных, а некоторым даже дала свои кожаные кредитки, чтобы те могли купить себе сколько угодно собачьей еды. Она бегала и бегала, путешествуя от одной страны к другой, пробуя лапами новый асфальт, пока в один прекрасный день не взглянула на стопки заметок и бумаг, заметив в них странные вещи. Собака пришла в ужас. Её обманули, ей накрутили хвост, её по-лисьему обхитрили, и большая дыра образовалась в её великодушном сердце. После этого собака доверилась старому знакомому зайцу, попросив его разобраться. Опытный заяц нашёл причину бед, и собака наняла его и впредь вести её дела, и с тех пор всё было хорошо.

Конец. Хотя всё это и не так – у этой истории до сих пор нет конца, потому что в какой-то момент сказка стала реальностью. В этой басне собака – это Кими Ряйккёнен, а заяц – Сами Виса.

При подготовке к написанию книги я взял интервью у нескольких человек, и почти все они так или иначе упомянули преданность Кими своим словам. Вот почему так отвратительно, что именно его, единственного из всех, так подло подставили в «Формуле-1». Это был 2010 год, с ним связались из «Лотуса», потому что были заинтересованы в его приходе в команду. Через своего менеджера Стива Робертсона Кими сообщил им, что пока полностью не определился с решением, подчеркнув, что эта история не должна быть предана огласке. Однако почти сразу вся информация была слита в прессу. Доверие было предано, и Кими не преминул возможностью сообщить об этом в интервью Хейкки Култе, раскритиковав «Лотус».

На следующий год Кими принял участие в нескольких гонках НАСКАРа в США, и полученный опыт вновь разжёг в нём страсть к борьбе с другими гонщиками. В ралли спортсмен сражается с секундомером, а вот на трассе все бьются друг против друга. Кими позвонил Стиву, попросив изучить возможные вакансии в «формульных» командах. Изначально рассматривался вариант с «Уильямсом», но в конце 2011 года было объявлено о соглашении с «Лотусом». Кими встретился с человеком, которого до этого так критиковал.

«Жерар Лопес, владелец «Лотуса», помнил ту статью. Он орал, что я тогда их чертовски сильно припечатал. Я ответил, что мне дали повод. В конце концов, первая встреча получилась приятной».

В «Лотусе» всё начиналось гладко. Кими ехал быстро, атмосфера внутри команды была отличной, всем хорошо работалось друг с другом. Гоняться было весело, особенно когда его инженером был Марк Слэйд, человек из «макларевновского» прошлого, заслуживавший доверия.

Особое внимание в контракте Кими уделялось бонусным выплатам – ему были обещаны определённые суммы денег за очки и попадания на подиум. И он ездил настолько хорошо, что эти бонусы значительно превышали его основной оклад. Однако довольно быстро стало понятно, что команда не платит обещанные деньги вовремя. Кими терпеливо ждал, владельцы «Лотуса» клялись, что вопрос зарплаты будет решён. Но этого не случилось – когда все фишки были сброшены, денег на их месте не оказалось.

Проблемы с выплатами стали достоянием общественности. Не в последнюю очередь по той причине, что своим превосходным выступлением Кими поднял команду в число лучших, завершив год третьим в чемпионате.

Он мог устроить так, что команда понесла бы финансовые потери, но не хотел этого делать, понимая, что тогда не по своей вине с трудностями столкнутся рядовые сотрудники. Вопрос выплат беспокоил его, потому что коллектив был хорошим и оправдывал свою репутацию.

«В конце концов я устал бороться с ними», — Кими вздыхает и залпом выпивает полбутылки.

Мы потратили пару часов за разговором о деньгах и доверии, на час больше положенного. Мы выходим из комнаты, чтобы вновь присоединиться к семье. Робин бежит к нам навстречу, предлагая сыграть в прятки. Собака готова поиграть.

ТЫ НИКОГДА НЕ БУДЕШЬ ОДИН

Малайзия, октябрь 2017 года, всё тот же отель. «You'll never walk alone», «Ты никогда не будешь один» — многие знают, эту фразу как гимн футбольного «Ливерпуля». Многие люди шли рука об руку с Кими по ходу его карьеры, но один из них был рядом намного дольше остальных — Марк Арнолл, 46-летний тренер-англичанин, заботящийся обо всём необходимом во время гоночного уик-энда. Марк сопровождает Кими повсюду: от холла отеля до трассы, от входа на автодром до комнатки в паддоке, а оттуда до стартовой прямой. Он стоит у машины с бутылкой воды и даже по малейшим жестам Кими понимает, чего тот хочет.

Этим утром в холле Марк передает Кими какую-то смесь с лимоном и имбирём. Ну или что-то другое. Кими нет нужды спрашивать, что ему дают — он знает, Марк подобрал идеальную смесь под температуру на улице.

Мы в паддоке, в гараже «Феррари». Марк Арнолл ведет меня по узким коридорам. Тут повсюду люди в красном: механики, инженеры, сменщики колёс, босс команды, пресс-атташе. Все они долго меня разглядывают. В какой-то момент я даже начинаю сомневаться, всё ли в порядке с моим внешним видом, но тут меня осеняет: цвет. Все вокруг в красном. Меня спасает лишь пропуск на шее, демонстрирующий, что я гость Кими. И, даже несмотря на него, некоторые с подозрением озираются на меня: что этот чужак забыл в самом сердце гаража? Мне максимально прямо сообщили, что фотографировать здесь запрещено. Я понимаю их беспокойство, когда мы проходим мимо комнаты, в которой четверо механиков корпят над кучей стали. Это двигатель SF70, сама суть машины. Заверяю инженеров, что не буду делать фотографий, которые мог бы потом использовать для сборки собственного двигателя.

Мы подходим к белой двери с табличкой «Кими Ряйккёнен». Марк открывает её, но сразу предупреждает, что может говорить обо всём, кроме маленьких белых баночек — их содержимое является коммерческой тайной. Мысль о допинге не приходит мне в голову — вряд ли можно найти кого-то, кто беспокоится об этом больше Арнолла. Кими не может даже взять холодный напиток, пока Марк не проверит его дважды: «*Ну, в целом, моя работа заключается в том, чтобы следить, чтобы всё было готово к гонке*».

За этим лаконичным пояснением скрывается невероятный объём невидимой подготовки. Марк перечисляет все жизненно важные вещи в этой каморке, абсолютно всё должно быть под

контролем. Он объясняет с точностью хирурга: «*Здесь три разных шлема. Кими надевает их в зависимости от погоды. Если что-то случится, например камень повредит шлем на прогревочном круге, всегда есть запасной и абсолютно идентичный*».

Ещё должны быть три пары наушников и три пары гоночных перчаток. Для каждого запасного предмета есть свой запасной. Марк держит одну пару для вождения и две запасных на случай, если они протрутся или потеряются. По ходу гонки перчатки никогда не меняют, разве что пойдёт ливень и заезд прервут. То же самое относится и к балаклаве — если Кими по какой-то причине оказывается в гараже, у него всегда наготове сухая. Гоночные ботинки защищены от дождя, но у Марка есть и запасная пара на случай, если они намокнут. Мокрые подошвы скользят по педалям.

Чтобы быть уж совсем спокойным, на пит-лейн Марк всегда держит при себе лекарства. Например, спрей для носа, антигистаминное и противовоспалительное. Также должно быть две бутылки воды на случай, если Кими случайно забудет одну в туалете или отдаст фанату.

Марк Арнолл и Кими Ряйккёнен – Scoopnest

Список дел Арнолла поражает. Я наблюдал за ним пока писал эту книгу и пришел к заключению, что должность «персонального тренера» не совсем верно отражает его работу. Марк ещё и

диетолог, психолог, массажист и близкий друг.

Он ничего не оставляет на волю случая. Он безустанно следит за новейшими исследованиями, чтобы быть в курсе всего, что могло бы улучшить выступление гонщика. Главная проблема в Малайзии и Сингапуре — обезвоживание. Гонщик должен находиться в прохладе. Марк достаёт из комода тонкую светлую футболку, плотно упакованную в пластиковый пакет. На секунду мне начинает казаться, что я посреди лаборатории из фильма о Джеймсе Бонде, и агент Кью, отвечающий за оборудование агентов, демонстрирует мне свои новейшие изобретения

«*Это — жидкий лед*», — говорит Марк и раскладывает футболку на столе. Он выливает на неё немного голубоватой жидкости, которую только что показал, распределяет по всей футболке, и снова максимально плотно запаковывает её в пакет. Жидкость замораживает футболку в одно мгновение.

«*Это наш способ отсрочки обезвоживания. Футболка действует как охлаждающий механизм, то есть охлаждает Кими примерно 35-40 минут. Я всегда готовлю три таких. Мы ждём старт гонки на пит-лейне, а футболка его охлаждает. Затем он вылезает из машины, слушает гимн и общается с механиками. Когда он идёт в туалет, мы меняем футболку. Таким образом он находится в прохладе примерно первые полчаса гонки, когда обезвоживание и перегрев уже действуют на других гонщиков. У Кими же это начинается примерно с 20-го круга. Обезвоживание ослабляет мышцы, замедляет реакцию и ухудшает концентрацию. Поэтому мы любыми средствами с ним боремся*».

Марк замечает мой скептичный взгляд, но продолжает говорить, оставаясь непоколебимым экспертом. Перед гонкой Кими получает специальный напиток — о его составе Марк говорить не намерен.

«*Нам передали результаты анализов мочи и крови Кими. Они дают нам больше информации о гормональном фоне его организма. Я пытаюсь улучшить его показатели адреналина и тестостерона и прочие факторы. Для подобной биорегулировки я использую аминокислоты. Мы можем улучшить показатели за полтора часа до гонки*».

Кими тоже не знает состав напитка, но доверяет Марку на 100 процентов. Доверие — это слово частенько всплывает, когда речь заходит о важнейших людях в жизни Кими. Для него привычно не читать контракты с менеджерами; обо всем договариваются при рукопожатии. С Марком так же.

Когда Кими садится в машину, он накормлен и напоен. На некоторое время задача Марка выполнена. Прогревочный круг вот-вот начнется. К этому моменту Марк уже убегает с трассы.

Красные огни гаснут, машины срываются со старта. Марк всегда напряжен, и с годами это напряжение никуда не исчезло. Он смотрит гонку, желая Кими успеха. Но если вывешивается красный флаг, и гонку останавливают, начинается ад. Марк должен быть наготове с запасным шлемом и прочими вещами. Незапланированная остановка гонки словно чёртов тайфун безумия. На первый план выходят механики, машины быстро накрывают — царит хаос. Работа же Марка — подойти к Кими и успокоить его своим присутствием. Если он позволит стрессу овладеть собой, часть его напряжения может передаться гонщику, а этого допускать нельзя.

Марк глубоко вздыхает. Он вспоминает завал на старте прошлой гонки: «*Всё свелось к тому старту, но в итоге пошло наперекосяк, как и в Сингапуре. Проезжаешь всего 100 метров перед аварией и всё. Именно в такие моменты думаешь, что пролетел чёрт знает сколько только ради этого. Кими с подобным, правда, хорошо справляется. Он быстро забывает всё и идёт дальше. И никогда не винит в случившемся команду или других гонщиков*«.

Мы уже почти выходим из комнаты, когда я замечаю небольшое углубление, напоминающее пластиковую ванну.

«*Когда Кими вылезает из машины, он садится в неё на три-семь минут. Я кладу туда лед минут за десять до его прихода — это лучший способ охладиться*».

Лекция окончена. Марк проверяет, всё ли на своих местах, ставит на место гоночные ботинки Кими.

Мы поговорили о технологиях; теперь приходит очередь эмоций. Каково быть в таком абсолютном подчинении кому-то другому? Марк на секунду затихает и предлагает спокойно побеседовать об этом в холле отеля.

Два часа спустя в фойе появляется всё тот же мужчина. Но, в какой-то степени, это уже совсем другой человек — он принял душ и переоделся из красного в свою одежду. Он заказывает бокал вина и садится рядом. Его рабочий день продлился 12 часов. Он снова обдумывает мои вопросы.

«*Кими можно назвать Мистером СМС. Он посылает короткие, чёткие сообщения, без особых заморочек. Если он не в настроении, значит он не в настроении. Я не принимаю это на свой счет. Он такой, какой он есть, и это всё упрощает. Но когда случается что-то серьёзное, он звонит первым*«.

Марк вспоминает смерть своей матери в прошлом году: «*Кими позвонил тогда и сказал, что мне не обязательно ехать на следующий этап, если я ещё не готов*«.

Пауза. «*Когда мы впервые встретились, я бы никогда не подумал, что у него будет семья. Но сейчас, если задуматься, всё*

кажется вполне естественным. Конечно, у него есть Минтту и дети. Когда он уходил из “Макларена”, он просил меня уйти с ним. Я даже не раздумывал. Мы были как небольшая семья: менеджеры Дэйв и Стив, Кими и я«.

Доверие и семья. Эти слова постоянно упоминаются, придавая книге солидности. Но их истинное значение находится в головах людей, а не на бумаге.

Бокал пуст, пора идти спать. Марк встаёт и идёт к лифту. Затем он вспоминает мою просьбу в двух словах описать человека, которому завтра он первым делом принесёт энергетические напитки: «*Огромное сердце*».

ВСЯКОЕ БЫВАЕТ

За свою жизнь Кими Ряйккёнен претворил в жизнь множество задумок, которые большинство людей бросает ещё на стадии планирования. Рациональность как самих идей, так и их реализации можно легко оспорить, что многие и делают. У Кими же были средства для того, чтобы исполнять свои причуды. Механик покупает себе в супермаркете пиво, мечтая о бесплатном билете на концерт «Айрон Мэйден», а гонщик “Формулы-1” берёт частный самолет и летит в Исландию посмотреть на лунную ночь. Стоит заметить, что Кими всё ещё не прочь и выпить пива из супермаркета в хорошей компании. Из-за того, что его рабочий график чётко распланирован и всё время находится под контролем, логично, что во время отдыха границы немного размываются. Иногда они исчезают совсем. Всё выходит из-под контроля, или, иначе говоря, машина слетает с дороги.

Кими всю свою жизнь куда-то едет: в стену, за финишную черту, в барьер безопасности. Каким он только ни был за это время: и первым, и вторым, и последним. Его жизнь в определённой степени подчинена случайности, а это значит, что не всё идёт по заранее написанному сценарию. В жизни всё это накладывается друг на друга, в то время как в гонке лишь влияет на количество набранных очков.

Эта глава посвящена воспоминаниям, как если бы они хранились в тускло освещенном подвале. Эти воспоминания могут быть как тёмными и заплесневелыми, так и золотыми. Они собирают на себя пыль, пепел и следы алкоголя. Некоторые люди чистят и полируют своё прошлое, чтобы оно выглядело достойно, но здесь этого ждать не стоит. Может быть, не каждая мелочь тут описана именно так, как всё и происходило, но без приукрашивания мы точно обошлись. Правильнее будет сказать, что небольшая волна забвения несколько стёрла и размыла отдельные моменты.

Тем, кто был близок с Кими, тоже будет, что сказать. Этот независимый рассказчик записал истории так, как они были рассказаны — пусть, возможно, и не так, как они происходили на самом деле.

—

2005 год, гонка на мопедах. Вот уже шесть лет Кими с друзьями приезжали в Миккели, к летнему домику парня по имени Вилле, чтобы погоняться на так называемых детских мопедах. Гонка проходила в августе, и пару дней участники ходили ещё и в сауну. Как-то они решили сделать рампу на

крыше своего трейлера и использовали её, чтобы прыгать в озеро. Кими попробовал сделать сальто назад на своём мопеде, но не смог. Он бросил мопед на середине полета и шлёпнулся в озеро. «Только не на моём мопеде«, — сказали тогда его друзья. А мопедов там было с десяток.

Сепи, отец Вилле, имел привычку посещать тот самый домик каждое лето, чтобы сходить в сауну и искупаться. Он оказался там в то самое время. Когда он зашел в сауну, то обнаружил там парня, сидящего на скамейке. Они разговорились. Когда Сепи сказал, что идет поплавать, парень (Кими) был наготове: «Ради всего святого, только не прыгай в озеро — в нём полно мопедов!» Утром ребята взяли на время якорь у соседа, чтобы вытянуть их из воды. «Тише, мы тут ловим Кавы«, — говорил Кими. Все мопеды были «Кавасаки».

Позже Сепи рассказал сыну Вилле, что встретил в сауне какого-то свихнувшегося парня. Он пил и утверждал, что является гонщиком Ф1.

—

Сингапур, 2008 год. После гонки Кими планирует полететь в Тайланд, где прикупил себе летний домик. Он сидит в частной зоне сингапурского аэропорта, когда вдруг решает, что его посетила «гениальная» идея. На контроле он кладёт багаж на ленту, а охрана ждёт, что он пройдет через рамку металлоискателя. Вместо этого Кими ныряет на ленту за своими вещами. Охрана в ярости. Гонщик говорит, что всего лишь хочет получить снимок конкретных частей своего тела, его скелета в частности. Он хотел фото в качестве сувенира. Власти тогда так и не исполнили его желание, предложив взамен кандалы и допрос с пристрастием.

—

У друзей Кими есть собственная хоккейная команда, которая каждый декабрь организовывает так называемый «Ветчинный турнир». Компания из примерно 15 человек обычно проводит турнир в Хельсинки, Эспоо, Тампере, Миккели или Цюрихе. В 2017 году он прошел в 11-й раз. За всё это время одну победу одержали «Лахти Пеликанс», а во всех других турнирах с кубком из борьбы выходила банда Кими. По традиции, награды там получали только худшие. Худшему вратарю вручался «Золотой пылесос», а самый медленный игрок получал тормозной барабан грузовика с приваренными к нему коньками, залитыми цементом. Самому импульсивному хоккеисту вручали «Железный Лом», а самому дрянному защитнику — задняя дверь старого «Ниссана Санни». Теему Форе Невалайнен был в команде с самого начала, но его выгнали после того, как он переехал в Турку и

присоединился к команде с названием «Каарина Уанкерс».

—

2013 год, аэропорт в Хельсинки. Частный самолет Кими взлетает, чтобы отправиться домой, в Цюрих. Среди других пассажиров на борту Иллу Сухонен, Форе и Себа Коронофф. Посреди полета Кими посещает идея: было бы классно посмотреть на Луну. Поскольку полететь туда нельзя, альтернативой становится лунный ландшафт. Ближайший находится в Исландии, и Кими просит пилота отправиться туда, на что тот отвечает, что у самолета не хватит топлива и придется дозаправиться в Осло. В принципе, всё предельно ясно; хотя в головах пассажиров до ясности далеко. Дальше идут остановка, дозаправка и покупка норвежского джемпера. Группа направляется в Исландию. По прибытии в Рейкьявик, Кими рассматривает лунный ландшафт и остаётся доволен увиденным. В итоге они задерживаются в Исландии на пару дней, проводя время в спа на Блауа-Лоунид. И только после этого приходит время лететь домой в Швейцарию.

—

Юха Хански: «Когда Кими собирается повеселиться, что-то происходит каждую минуту. А ещё он болтает без умолку. Если ему нравится бар, он остаётся в нём надолго. Потом бывает немного забавно осознавать, что мы сидим в одном и том же месте вот уже 15 часов».

—

2007 год, первая пресс-конференция Кими в «Феррари». Почти десять часов, но гонщика нет и следа. Сами Виса стучит в дверь его номера в отеле. Ответа нет. Сами договорился с Марком Арноллом, что Кими появится перед прессой вовремя. Сами берёт запасной ключ на стойке регистрации и открывает дверь. Никого. Часы гонщика лежат в сауне отеля, но самого Кими там нет. Сами вспоминает, что Кими всю ночь напивался с одним из своих друзей — финским актёром. Дальше он стучит в дверь номера актера. Пресс-атташе «Феррари» поглядывает на часы и понемногу закипает. Пресса уже на местах. В конце концов, дверь в номер актёра открывается, и Кими обнаруживается внутри в раздетом состоянии. Он спит, прикрытый лишь своей курткой, на голове бардак. Он отказывается просыпаться и не хочет никуда идти. Сами приводит его в чувство и закапывает ему “Визин” в глаза. От Кими разит перегаром. Через некоторое время новый гонщик «Феррари» выходит к прессе со словами «Buongiorno a tutti!» (Всем доброго утра — прим. ред.) Как он позже рассказывал, всё прошло неплохо.

—

Стив Робертсон: «Никогда не забуду поездку с Кими и моим отцом из Маранелло в Швейцарию, где мы все тогда жили. Было поздно, шёл проливной дождь, причем довольно долго. Кими всё хотел сидеть за рулем сам, но и я не хотел быть пассажиром. Честно говоря, не уверен, что Кими считает, будто кроме него кто-то ещё вообще умеет водить. У нас в этой поездке была машина с полным приводом. Дорога была покрыта водной рябью, но машин было мало. Лило очень сильно, так что дворники работали на полную. У Кими была странная поза за рулем; он откинулся в почти горизонтальное положение. Было очень похоже на то, как он сидит в Ф1. По сути, у человека, сидящего за ним, практически не было места. Кими гнал под 200 км/ч, что было чересчур, учитывая погоду. Я тогда чертовски устал, но всё равно не мог уснуть — мог лишь в ужасе держатся за всё, до чего дотягивались руки. Как и мой отец. Неожиданно машину начало заносить и я понял, что её развернуло на 180 градусов. В какой-то момент я заметил приближающийся барьер, мы могли влететь в него в любую секунду. Я чуть не обделался, думая, что это конец. Кими спас ситуацию, выловив машину даже в такой позе. Мы с отцом были в шоке, а он просто посмеялся и поехал дальше на той же скорости. Каким же облегчением было добраться домой в целости! Но тот случай также говорит и о данном богом таланте и хождении по лезвию ножа. Он классный малый«.

—

Фолк-певец Ирвин Гудман умер на полосе для стоянки в Виролахти 14 января 1991 года, возвращаясь с концерта в Выборге. Кими — большой фанат Ирвина. Он смотрел фильм «Роза мошенника» десятки раз, приучившись к музыке Ирвина дома. Родители имели привычку слушать её, а Маса даже частенько приглашал свою жену на танец под “Розу мошенника”. Когда вышел этот хит, Кими было девять лет. Чтобы отдать дань памяти великому певцу, Кими с друзьями иногда совершают паломничество к той полосе для стоянки. Эту поминальную церемонию сложно назвать торжественной — слово с трудом описывает атмосферу.

Они всегда зажигают свечи у деревянной мемориальной доски, и Кими вспоминает, что однажды большие свечи оказались слишком близко к дереву и чуть не спалили доску. Программа также включает в себя посещение дома одного из друзей неподалеку и небольшого деревенского паба, где Кими с друзьями играют в бильярд с местными. В роли ставки — фургон дров для камина. Если Кими с друзьями проигрывают, они покупают дерево за двойную цену; если выигрывают, забирают бесплатно. Ради тепла в доме друга приходится играть по-

крупному.

—

Кими часто просто забывает, что он Кими. Яркий пример — дизайнер шлемов Уффе Тягстрём и Кими остановились на светофоре в Цюрихе. Гонщик удивился, какого чёрта все уставились на него, раскрыв рты. «Ну, наверное, потому что это машина Энцо Феррари, а ты — Кими Ряйккёнен«.

—

Паула Ряйккёнен: «Иногда люди спрашивают, почему я редко езжу смотреть гонки. Ответ прост: сколько матерей сидят на рабочем месте сына и следят за тем, как он работает?»

Худший момент карьеры Кими, связанный с вылетом с трассы, мог произойти во время утренней тренировки в Монце в 2007-м. Он на огромной скорости въехал в барьер из шин. По словам близких людей, Кими умышленно скрыл масштаб боли, чтобы принять участие в гонке. Во время гран-при с его шеей были такие проблемы, что он не мог удерживать голову на торможениях — мышцы не справлялись с этими нагрузками. В итоге Кими финишировал третьим и получил несколько очков – как выяснилось впоследствии, принципиально важных. В том году он выиграл чемпионат с преимуществом всего в одно очко.

—

Бар, Швейцария. Февраль 2006 года. Форе, Сами и Кими решают поехать поддержать сборную Финляндии по хоккею на Олимпиаде в Турине. Доктору Аки Хинтсе удаётся забронировать для них один гостиничный номер, который освободился после того, как оказался не нужен президенту Финляндии Тарье Халонен. В то время в «Макларене» получили от «Мерседес-Бенц» для тестирования совершенно новую универсальную машину с полным приводом. Этот минивэн R-класса ещё не был запущен в серийное производство, и его ненадолго одолжили Кими. И вот мужчины в дороге. Тони страдает от укачивания и время от времени на стоянках складывается пополам за капотом.

На матче царит замечательная атмосфера – не в последнюю очередь из-за того, что компания Кими надела подходящие наряды. Финский образ дополнен клоунскими очками, делающими участников группы поддержки неузнаваемыми. Кими энергично болеет за финскую команду и случайно проливает немного пива на крупного чеха, сидящего ниже. Скандала едва удаётся избежать. Их компания посещает раздевалку сборной, чтобы выразить поддержку лично. По мнению тренера Эркки Вестерлунда, одного такого визита вполне достаточно.

Группа собирается обратно в Швейцарию. Из-за густой метели автомагистраль закрыта. Кими с товарищами объясняют

властям, что у них полноприводный автомобиль с зимней резиной и добиваются разрешения на проезд. Несколько дальнобойщиков спят в грузовиках на придорожной стоянке, и Кими будит их, бросая снежками в окна кабин. В итоге компания спасается бегством. Кими садится на заднее сиденье машины, без умолку болтая с остальными мужчинами, которые находятся впереди. Он решает, что средняя консоль мешает общению, поэтому отрывает её и выбрасывает в окно.

На следующей стоянке внимание мужчин привлекают буквы на заднем бампере. Их снимают и переставляют в другом порядке. Машина получает странное название. Наконец Кими добирается домой, а утром его будят мужчины из «Мерседеса», пришедшие забрать автомобиль. Он прячется и смотрит из-за занавесок, как они реагируют на «тюнингованную» машину — даже культовая звезда на ней была повернута в новое положение. Но Кими не слышит ничего из того, что адресовано в этот момент его персоне.

Финляндия выходит в финал. Они должны вернуться в Турин – на этот раз они арендуют самолёт. Атмосфера на борту великолепна. Предыдущий клиент оставил в салоне немного детской присыпки. Путешественников осеняет идея по поводу её использования. Поскольку рейс осуществляется из страны, не входящей в шенгенскую зону, в страну Евросоюза, в Турине группу встречает таможня. Таможенник внимательно разглядывает пассажиров, покрытых белой пудрой с ног до головы. Он спрашивает, откуда они прилетели. Кими отвечает: «*Из Колумбии*».

В финале Швеция побеждает Финляндию со счётом 3:2. Компания Кими первой совершает визит в раздевалку своей национальной сборной. Атмосфера там меланхоличная (как сказал Кими, «нереально плохой фэн-шуй»). Товарищи переходят к шведам. У входа в их раздевалку стоит крепкий парень, и Кими просит его позвать Форсберга, одного из игроков сборной Швеции. У финского гонщика на голове ирокез, а вокруг неё демонстративно обмотан фанатский шарф его сборной, что заставляет охранника слегка насторожиться. Тем не менее, он уходит и возвращается с Петером. Фоппа приглашает компанию Кими присоединиться к их веселью и сразу же протягивает ему несколько банок «Будвайзера». Кто-то фотографирует тусовщиков, и эти снимки вызывают в Финляндии настоящую волну возмущения – как это Кими может праздновать победу Швеции?! «*То, что Финляндия проиграла – не мои проблемы*».

—

Монреаль, 2006 год. После гонки в Канаде компания друзей

Кими летит в Майами, так как следующие заезды должны состояться в Индианаполисе. А это значит, между гонками можно немножко повеселиться. В составе команды – Оску, Уффе и Тони. Они летят на самолёте в районе Бермудского треугольника, и Кими посещает идея: а как насчёт свободного падения в этой точке? Он предлагает это пилоту, который соглашается. Уффе спит, на коленях у него ноутбук. Самолёт заныривает в свободное падение, вниз и вверх – это занимает примерно секунд десять. Уффе переворачивается вверх тормашками и просыпается на потолке.

В Майами мужчины арендуют катер и отправляются на прогулку в море. Они причаливают к острову, принадлежащему Петеру Нюгарду. После знакомства с бизнесменом на гран-при Кими держит с ним связь. Но выясняется, что хозяин отсутствует, а его сын накануне уехал в Нью-Йорк. Кими звонит Нюгарду, который настаивает на том, чтобы гости остались на острове. Он обещает отправить сына обратно, чтобы развлечь нежданных визитёров. Сын возвращается и присоединяется к компании. Весь остров представляет собой потрясающий курорт со множеством удивительных вещей. Одна из стен сауны выполнена полностью из стекла. Всё, что можно увидеть через это стекло – вода, т.к. по другую сторону находится бассейн. Компания сидит в сауне, потягивая напитки, когда внезапно за стеклянной стеной появляется Кими и стучит.

—

Паула Ряйккёнен: «*Насколько я знаю, наши мальчики пропустили стадию накачивания себя пивом из супермаркета. Возможно, Кими постиг её позднее. В какой-то момент это неизбежно должно было произойти*».

—

Спа-Франкоршан, 2002 год, квалификационная сессия Гран-при Бельгии. Машина гонщика «БАР-Хонды» Оливье Паниса замирает посреди крутой связки скоростных поворотов «Красная вода». Из автомобиля валят клубы дыма, закрывающие обзор. Едущий следом Кими проезжает сквозь облако дыма на полной скорости и впервые попадает на первый ряд стартовой решётки. Позднее выяснилось, что Кими уточнил по радио расположение машины Паниса, поэтому имел возможность выбрать другую сторону для прохождения участка трассы в этом месте. Он и мысли не допускал о том, что команда может сообщить ему неправильную информацию.

—

Мотокросс в июле 2007-го. Кими и Юха Юспек Виеримаа

[image]
Перед Гран-при Монако в 2010-м. Кими и Илари Сухонен

Марк Элвис Пристли: «*Мы были всего лишь механиками и шиномонтажниками, но внезапно оказалось, что путешествуем на частных самолётах. Мы получали потрясающие впечатления и, помимо всего, были частью личной жизни Кими. Было круто знакомиться с его финскими приятелями и хотя бы ненадолго сваливать от стрессов и напрягов пит-лейна. Мы чувствовали себя привилегированными, потому что знали, что на «Формуле-1» Кими доверяет только горстке избранных людей*».

—

Уффе Тагстрём: «*Он никогда ни перед кем не будет пресмыкаться. Никогда*».

—

Стив Робертсон: «*В «Заубере» хотели, чтобы Кими потратил полдня, чтобы убедиться, что знает все функции руля перед решающим тест-заездом. Если их не освоить полностью, можно вывести из строя двигатель, и на этом тренировка будет завершена. Кими понадобилось полчаса, чтобы изучить на руле все кнопки и их функции*».

—

Юха Хански: «*То, как мы заполучили этот пикап — отдельная*

история. Если ничего не путаю, я сказал Кими, что в интернете продаётся фантастический автомобиль, и Кими присмотрел себе эту машину. Мы оба подумали, какого чёрта? Может, нам стоит купить её? Цена была где-то в районе 10000 евро. У нас не было наличных денег, и дело было в субботу. Я позвонил другу Лааманену, который владел пунктом приёма металлолома и всегда располагал кэшем. Я спросил, может ли он одолжить нам немного денег. У него были деньги, и он нам их одолжил. Я торговался как дьявол и чертовски часто звонил продавцу грузовика, говоря о том, что у нас больше нет денег, и что цена должна быть снижена. Думаю, мне удалось сбросить 4000 евро с первоначальной стоимости. Когда мы вылезли из машины, и продавец узнал Кими, на его лице читалось только одно: «И вы говорите, что у вас реально нет денег?!»

—

Каскисаари, Хельсинки, 2006 год. Ночь. Друг Кими Сами Виса спит в городском доме гонщика. Было решено, что он может временно использовать это место из-за своего исключительного положения. Сами просыпается от громкого шума и встаёт, чтобы разобраться – в дом ввалилась компания незнакомых длинноволосых мужчин неопрятного вида в состоянии глубокого опьянения. На одном из них шлем Кими. К счастью, наверху Сами обнаруживает самого хозяина дома. Выясняется, что новоприбывшие гости – это участники группы «Ганс энд Роузес». Присутствуют все, кроме Акселя Роуза, оставшегося ночевать в отеле «Кямп». Сами окончательно успокаивается после того, как Кими говорит, что это он пригласил группу перекусить на ночь глядя, потому что на следующий день у них ещё один концерт, и музыкантам необходимо перевести дух. Кими познакомился с Акселем Роузом на Гран-при Великобритании, когда вокалист «Ганс энд Роузес» подошёл к нему поздороваться, и сегодня Аксели не приехал в Каскисаари только потому, что плохо себя чувствовал. Остальные рокеры оставались вплоть до следующего полудня, когда им пришлось уехать из-за подготовки к вечернему выступлению.

—

Леви, финская Лапландия, 2003 год. Действие происходит в доме приятеля Кими Юкки Ялонена. Гонщик прилетел в Финляндию вместе с английскими механиками и шиномонтажниками из «Макларена», а также инженером и своим личным тренером, чтобы насладиться настоящей зимой. Среди присутствующих: Марк Элвис Пристли, Фили-Коробка передач, Длинный Джон, Маркус Проссер (все механики), Крис Томпсон (инженер), Марк Арнолл (тренер), Тони Виландер и Уффе

Тагстрём. Мужчины парятся в сауне, выпивают и катаются на санках. В разгаре соревнование по «литрболу», участники которого разбиты на команды по принципу «Финляндия против Англии». Англичане ведут себя совершенно беспечно в сауне и на холоде. Один из них спотыкается у печки и обжигает себе ягодицы. Марк Арнолл находит немного крема для его пострадавшего тыла. Затем выясняется, что нигде нет Криса Томпсона. Они долго и упорно ищут его, и в конце концов находят в сугробе окоченевшим до полусмерти. Его заносят внутрь и отогревают до тех пор, пока он опять не сможет пить. Остаётся непонятным, зачем Томпсон попёрся на улицу: отлить – или же занырнуть в близлежащую речку Оунасйоки?

В какой-то момент вечера Кими замечает в стеклянной витрине на стене знакомый костюм для прыжков на лыжах с трамплина. Это форма многократного победителя зимних Олимпийских игр Матти Нюканена, в котором он завоевал золото в Калгари. Кими достаёт костюм из витрины и надевает его. Он оказывается подходящим по размеру, и настроение присутствующих в комнате взлетает до небес. Всё, что ему нужно сейчас, это прыгнуть с трамплина. Организация этого дела занимает совсем немного времени. Кими собирает все подушки и укладывает их в форме склона для приземления. Он забирается на галерею второго этажа, концентрируется и прыгает. Траектория первого прыжка оставляет желать лучшего, но приземление выходит практически безупречным.

[image]

Кими в костюме Матти Нюканена

Он повторяет трюк. Уффе берёт камеру и снимает происходящее. Зрители с радостью наблюдают за представлением. Костюм остаётся целым и невредимым, так как полёты Кими довольно аккуратны, и он решает оставаться в этом облачении до конца вечера.

На следующее утро Кими нигде не могут найти. Мужчины звонят владельцу дома и ищут вокруг, но безрезультатно. Наконец кто-то догадывается открыть дверь огромного сушильного шкафа для одежды и обнаруживает внутри него Кими, крепко спящим стоя. Когда гонщик просыпается, он объясняет, что накануне вечером ухитрился намочить костюм и хотел его высушить. Он выставил температуру шкафа на 45 градусов по Цельсию на десять часов и в итоге проспал там всё это время. В итоге и сам Кими, и костюм просохли как следует, и комбинезон благополучно вернулся обратно в витрину.

16 ДНЕЙ

Это история того времени, которое сейчас уже кажется далеким, хотя происходило всё это всего несколько лет назад. Кими больше не живёт так, но когда-то такое в его биографии было.

Если бы это был фильм, его можно было бы представить следующим образом. В главных ролях звёзды: гонщик «Формулы-1» Кими Ряйккёнен и хоккеист Киммо Пики Пиккарайнен. Актёры второго плана: принц Бахрейна, а также куча финских парней. Сюжет — сумбурный, жанр — не поддается описанию, операторская работа — ручная камера. Производство — Королевство Бахрейн и самофинансирование, известное также, как АО «Задний карман». Съёмки проходят в Италии, Бахрейне, Швейцарии и Финляндии.

Действие начинается в Милане, где Пики Пиккарайнен проводит свой последний матч за «Милано Россоблю». Пики отправляет Кими смс, в котором интересуется: поскольку все матчи отыграны, как насчёт того, чтобы он заехал к нему в гости в Швейцарию? Предложение встречено Кими с энтузиазмом. Пики приезжает в Швейцарию. Сам Кими ещё возвращается с Гран-при Китая, но дома Енни. Когда Пики просыпается утром, гонщик уже дома – и говорит, что ночью стряхнул немного нюхательного табачка со своего гостя. Енни уходит на конюшню. Их брак к тому моменту уже распался.

Не за горами Гран-при Бахрейна, но время расслабиться ещё есть. В начале недели Кими и Пики играют в бадминтон, ходят в сауну и пекут пиццу. Ничто не предвещает будущих событий.

Пики говорит о том, что дальше он собирается в Финляндию: сезон окончен, и будет здорово повидаться со старыми приятелями. Кими предлагает ему поехать вместе с ним в Бахрейн. Пики колеблется, но всё-таки соглашается – в конце концов, он может отправиться в Финляндию и чуть позже. Владелец команды «Лотус» Жерар Лопес заезжает за молодыми финнами, и они летят в Бахрейн вместе. Уже на месте на пути в отель они видят горящие автомобильные покрышки. Кто-то говорит, что нынешние волнения могут стать проблемой для проведения гран-при — протестующие требуют отречения от престола суннитского короля. Однако ничего такого не происходит.

Жерар Лопес обещает, что если подиум наконец будет завоёван, он сделает Пики официальным талисманом команды. Квалификация проходит отвратительно — Кими одиннадцатый.

Однако финн отрицает катастрофичность ситуации, утверждая, что находится в числе первых двадцати. А также то, что он поберёг шины, а на саму гонку у него есть хороший план.

В воскресенье Кими едет великолепно и приходит к финишу вторым. Его напарник по команде Роман Грожан – на третьем месте. На финальном стадии гонки Кими даже почти догоняет Себастиана Феттеля, но для победы ему не хватает кругов. В любом случае, это отличный результат для команды и повод, чтобы хорошенько отпраздновать. Кими и Пики уверенно стартуют в этом деле ещё в отеле, наполняя бокалы и чокаясь. Мимо проходит Дэвид Култард и спрашивает, не собираются ли они на вечеринку, устроенную принцем Бахрейна. Кими в раздумьях: он подозревает, что эта вечеринка может стать своего рода маленьким детонатором для большого взрыва. Но, по мнению Дэвида, идти следует непременно, так что они не отказываются.

Банкетные залы принца Бахрейна и само мероприятие великолепны: бассейны, изысканная еда, бодрящий алкоголь. Пики болтает с каким-то незнакомцем. Он спрашивает, чем этот человек занимается и откуда он родом. В ответ незнакомец разводит руками, обводя ими пространство, и отвечает, что родом он отсюда – и это его дворец. Просто принц сменил официальный наряд на джинсы и футболку. Он обнимает Пики, но только на мгновение, потому что тот уже сильно подшофе.

Кими и Пики встречают несколько знакомых, атмосфера бурлит. За безопасностью следят бывшие служащие Французского иностранного легиона. От хорошего результата гонки и очков, заработанных командой, у Кими кружится голова. За это точно стоит поднять один-два бокала шампанского, а возможно, и втянуть немного табака.

В какой-то момент Кими и Пики решают возвращаться в отель, так как утром им вместе с Лопесом предстоит вылететь в столицу Катара Доху, откуда, в свою очередь, у них рейс до Швейцарии. Но Кими говорит, что сначала ему надо отлить. Туалет находится за бассейном. Без друга Пики начинает испытывать неловкость, ему не по себе на столь шикарной вечеринке. Он отправляется на поиски Кими, но нигде не может его найти. Внезапно рядом слышится всплеск. Пики удивлен — кому это на таком пафосном мероприятии вздумалось прыгать в бассейн? Он подходит к бассейну, но там никого. Всё, что он может сделать в данной ситуации, вернуться за столик и ждать.

В конце концов Кими возвращается, весь мокрый с головы до ног, и швыряет на стол такой же промокший телефон. Пики спрашивает, что случилось. Кими путано бормочет о каком-то

парне, толкнувшем его в бассейн после конфликта.

Появляется принц Бахрейна, известный также как преданный фанат Кими. Гонщик рассказывает ему свою версию мокрой истории. Принц щёлкает пальцами, и перед ним возникают доверенные лица. Он приказывает найти обидчика, и довольно скоро подозреваемые предстают перед его взором. Каждый отрицает, что мог толкнуть гонщика в бассейн. Проходит несколько минут. Затем наконец кто-то признает свою вину, и принц решает выдворить его с вечеринки. Однако сын принца, парень лет 20, умоляет отца не выгонять его друга. Тогда принц велит проваливать и ему заодно. Вдобавок ко всему, чтобы продемонстрировать своё особое отношение к Кими, он сам прыгает в бассейн, затем вылезает из него и демонстративно швыряет свой промокший мобильник на стол рядом с Кими. 1:1.

Хэппи-энд всей этой истории с бассейном просто необходимо отметить несколькими бокалами чего-нибудь экзотического. Но затем взгляд на часы заставляет Кими и Пики спуститься с небес на землю. На часах пять утра, а рейс в Доху в восемь. Эта новость шокирует принца, который искренне убежден в том, что не существует абсолютно никакой причины покидать такую отличную пирушку в самом её разгаре. Он говорит, что отправит свой частный самолёт в аэропорт для них двоих во второй половине дня. «*Вы продолжите веселиться во дворце и вы улетите в Швейцарию*». Кими и Пики смотрят друг на друга и одобряют такой вариант событий. Принц щёлкает пальцами и велит доверенному лицу проследить за тем, чтобы самолёт и экипаж были в аэропорту.

Мужчины поднимают бокалы за успешную смену рейсов. Кими и Пики возвращаются в отель в девять утра, немного кемарят, а затем выдвигаются в аэропорт. Там их ожидает обещанный принцем частный 12-местный самолёт. Друзья поднимаются на борт, и путешествие домой в Швейцарию начинается. Кими мгновенно засыпает.

Самолёт доставляет финнов в Цюрих и возвращается назад пустым. Кими и Пики задаются вопросом, можно ли это назвать расточительством, и едут на такси домой. Это хорошее место для того, чтобы продолжить общение за чашечкой чая. Пики некуда торопиться – никто не звонит ему, особенно если учесть, что его мобильник тоже накрылся.

Дни следуют один за другим: один, два, три… Тёплые, чудесные дни, очень похожие друг на друга. Дни, незаметно переходящие в ночи. В один из таких дней (во времени мужчины больше не ориентируются) они смотрят видео с разминкой футболиста Диего Марадоны. Это зрелище поражает их. Как

может человек управлять мячом, словно частью своего тела?! Как вообще возможен столь прекрасный союз мяча и человека? У друзей возникает идея.

Они берут мяч, решив сымитировать Марадону. Ведь когда ты во хмелю, то способен быть похожим на кого угодно. И вот нападающий Пики пытается пробить мяч вратарю Кими. Кими хватает мяч и заваливается на бок, как обожаемый им универсальный актёр Веса-Матти Лойри. Что-то идёт не так. Будучи уверенным в том, что игра «на камеру» продолжается, Пики не сразу верит стонам и жалобам своего друга. Но Кими не актёрствует – он действительно вывихнул лодыжку, и она начинает опухать. Тесты в «Лотусе», которые должны пройти через через несколько дней, начинают казаться маловероятными. К тому же Кими не может рассказать команде всю правду о причине своей травмы.

Кими звонит «формульному» доктору Аки Хинтсе, который рекомендует ему приехать в его частную клинику. Джерри, агент по продаже автомобилей и друг Кими, приезжает по звонку и подвозит гонщика на осмотр к Хинтсе. Вскоре гонщик возвращается домой с костылями, препаратами для разжижения крови и обезболивающими. Он попросил Хинтса позвонить в «Лотус», чтобы быть уверенным в том, что команда поверит его версии.

Его лодыжка совершенно чёрная, но настроение лучше некуда: больше нет необходимости ехать на тесты, а значит, можно продолжать пьянку, несмотря на небольшое физическое увечье. Кими вспоминает, что где-то в доме хранится тележка для багажа, наподобие тех, что используют в гостиницах. В данной ситуации она идеально подходит для него. И Пики катает его на золочёной тележке.

Опухоль на лодыжке начинает спадать, но хмель этой тенденции подчиняться не собирается. Кими осеняет, что надо съездить в Финляндию – далёкую и холодную страну. Там живут люди, которых он любит, да и празднование 1 мая не за горами. Точно, надо ехать!

Кими и Пики прибывают в Хельсинки и отправляются прямиком в ресторан «Караоке-бар уборная», где их с распростёртыми объятиями встречают друзья. Так здорово увидеться со старыми приятелями!

Друзья говорят, что пытались связаться с Кими и Пики, но безуспешно. И парни проливают свет на эту ситуацию – один мобильник промок, а другой сломался.

Они выпивают несколько бокалов в честь весны и дружбы. У них есть ещё выпивка, и в какой-то момент они осознают, что все

выходные превратились в одну длинную ночь. Наконец наступает канун Первомая – реального дня широкого празднования. Кими и Пики с друзьями трансформировались в более многочисленную компанию, которая переместилась в автомастерскую на улице Куру в Эспоо. Здесь на верхнем этаже есть сауна и бар Кими, где они могут делать то, что им вздумается – это настоящая вакханалия под лозунгом «Прощай, жестокий мир!». На сам же День международной солидарности трудящихся вся гоп-компания отправляется в летний домик Кими в Порккаланниеми.

Дни летят один за другим, ночи волочатся за ними.

Наконец разговоры теряют свою непринуждённость, а фонтан идей иссякает.

Необходимо поменять декорации. Они хватаются за идею поехать в старый добрый бар «Каннункулма», что в центре Эспоо. Юкка Пойка обеспечивает культурную программу. На календаре 3 мая. «День №12», — говорит кто-то. Кими и Пики передёргивает: они пьют уже 12 дней! Но не об этом стоит думать, они должны смотреть в будущее. Юкка Пойка играет музыку в стиле рэгги – легко цепляющую, балдёжную. Она напоминает туманный мир в их головах, мир, который начинает терять свой ритм.

В какой-то момент, в какой-то неопределённый день они находятся наверху в автомастерской. Пики просыпается от странного видения: Кими пьёт из крошечного бокала. Но это не бокал, это подсвечник, отломанный от большого канделябра. Кими наполнил его красным вином. Всё хорошо и славно, продолжаем в том же духе. Айда вечером в сауну в Порккаланниеми. Вот и понедельник, проблески зари – самое время немного поговорить. Так прошло 16 дней. Наконец группа рассеивается, как семена одуванчика на ветру.

Кими замечает, что послезавтра среда. В четверг начнётся Гран-при Испании, поэтому в среду ему надо туда ехать. Это уже через два дня. Алкоголь ведь испарится из его организма за два дня, да? Трёхнедельная пауза между гонками ведь ничего не значит, правда же?

В среду товарищи провожают Кими в аэропорту. Его руки меняют бутылку на привычный руль. Трасс знакома, а скорость – его второе имя. В Барселоне Кими финиширует третьим.

«Я просто хочу пожелать счастливого Дня Матери всем мамам», — говорит Кими на пресс-конференции.

РАДОСТЬ ДЛЯ ГЛАЗ, ПОКОЙ ДЛЯ МЫСЛЕЙ

2013 год, самый разгар лета, Порккаланниеми. Загородный дом Кими полон гуляк: молодёжи, друзей и друзей друзей.

Кими и Минтту встречаются глазами. Они знакомы, но по сути не знают друг друга. Первая их встреча состоялась пару лет назад на похожей вечеринке – Минтту тогда была в отношениях, Кими был женат. Теперь же всё иначе: Кими разведён, а Минтту одинока.

Дверь к новым отношениям одновременно открыта и закрыта. Минтту и представить не может, что способна влюбиться в человека с репутацией повесы, особенно сейчас, когда она живёт сама по себе и какое-то время намерена избегать стабильных отношений. Но в итоге Минтту приходит к выводу, что общество Кими доставляет ей удовольствие, он мог бы стать хорошим другом. Другом, а не любовником – она убеждена, что влюблённость в настолько безрассудного мужчину закончится лишь слезами.

Вечеринка идёт своим чередом. Для Кими и Минтту она остаётся отпечатком в памяти.

Середина лета плавно сворачивает к гонке в Сильверстоуне. Крепкий алкоголь бросает тело гонщика в дрожь, а разум его хрупок. Кими и Сами Виса летят в Великобританию. У Сами есть общие с «Лотусом» интересы в бизнесе по производству бейсболок, а помимо этого он планирует задать команде несколько вопросов по поводу отсутствия причитающихся Кими выплат, которые так и не проявились на его банковском счету.

Была достигнута договорённость, что Кими примет участие в специальном мероприятии «Лотуса», сев за руль спортивной машины на старом аэродроме рядом с заводом компании. Идеально для гонщика, страдающего от похмелья – Кими жмёт на газ, и старый алкоголь покидает его тело с потом. Из машины гонщик выбирается промокшим до нитки, но довольным – он снова в деле, от алкоголя не осталось и следа. Сами всё это одновременно забавляет и шокирует.

Кими финиширует в гонке седьмым. Следующий гран-при проходит в Германии, на Нюрбургринге. Кими становится четвёртым. В основном гонка проходит хорошо, но особых воспоминаний не оставляет. Всё потому, что в его мыслях нет места ни для чего, кроме Минтту – стюардессы из «Флайби», живущей своей жизнью на Маннергейм Роуд в центре Хельсинки.

В сезоне наступает трёхнедельный перерыв, следующая гонка, в Венгрии, намечена на 28 июля. Кими возвращается в Финляндию в тревожном состоянии духа, он такой уже какое-то время. Друзья и знакомые обеспокоены его ситуацией. Даже несмотря на то, что его работа в машине проходит хорошо, что-то не так.

В середине июля на телефон Минтту поступает входящий звонок. Кими приглашает её в свой загородный дом в Порккалинниеми. Минтту опешивает и спрашивает, есть ли там ещё кто-нибудь – она привыкла видеть Кими в компании собутыльников. «*Здесь никого*», — следует ответ. Какое-то время она колеблется, но ему удаётся убедить её. Минтту сдаётся, хоть и испытывает лёгкое волнение.

18 июля Кими пишет другу Пики: «*Я рискну и отвезу Минтту к себе домой*». Эта поездка Минтту будет судьбоносной, а её последствия красивыми.

Летние вечеринки идут своим чередом, но кое-чему всё же приходит конец: бесцельному времяпрепровождению, поискам и неопределённости. Теперь всё предельно ясно, ну или почти ясно.

«*Я в загородном доме, упиваюсь в хлам*». Сообщение, приходящее Пики 23 июля, отражает и тревогу, и беззаботную натуру лета. Сообщение написано за пять дней до Гран-при Венгрии. Кими уязвим и напуган. Пребывая почти что в панике, он просит Минтту приехать и поддержать его в Венгрии. Она соглашается, захватывая с собой несколько друзей. Среда – последний день для выпивки, четверг – день пресс-конференций.

С похмелья гонщик финиширует вторым, есть что отметить. Параллельно ведутся переговоры с «Феррари», и Минтту с ним. Пока ещё они не одно целое, но что-то между ними уже произошло. Кими просит остаться её чуть подольше. В тот момент он ещё не знает, что это последний его продолжительный запой.

Компания возвращается из Венгрии в приподнятом настроении и продолжает тем, на чём остановилась – продолжает пить. Окружение Кими и Минтту играет в мини-гольф и попадает на страницы газет в колонки сплетен и слухов. Фотографии слегка размыты, но так это обычно и бывает. На Минтту толстовка сына Пики, тогда она немного замёрзла, у Кими в руках банка. Будущую пару поймали в объектив длиннофокусного объектива, снимая из кустов.

Кими и Минтту – "Сейска"

Они ходят на вечеринки так, будто это их последнее лето вместе. Кими должен был подписать контракт с «Феррари», но отдельные моменты ещё предстояло утрясти. Они решают отправиться на покерный турнир в Ханко (для поклонников истории куда ближе будет название Гангут – прим. ред.). Кими хочет, чтобы Минтту пошла с ним, хоть большую часть компании и составляют шумные мужчины. Она соглашается. Они одалживают лодку у Теему Селянне, но остаётся ещё один вопрос, который нужно решить – телохранитель. Знакомые Кими зовут с собой здоровенного мужика, нанимая его за пару тысяч евро. Теперь можно отплывать.

Уже на архипелаге у Кими звонит телефон. Это касается контракта с «Феррари». После непродолжительной беседы Кими объявляет всем, что договорённость достигнута, поводов для беспокойства больше нет, и телефон отправляется в море.

Ноябрь 2017-го, Бар, Швейцария. Робин возится с отцом в гостиной, шестимесячная Рианна спит. Мы с Минтту тихо расположились в одной из боковых комнат. Она вспоминает лето 2013-го, один из поворотных моментов в её жизни. Это было странное, обрывочное лето, плавно перешедшее в спокойную осень.

«*Я рада, что встретила Кими именно тогда, а не когда ему было около двадцати, что он прошёл тот свой этап. Я тоже в своей жизни делала глупости, получила свою долю вечеринок и выпивки. И ведь мы всё ещё можем продолжать веселиться, хоть*

уже и не так, как прежде. Если вы не сделали или не перепробовали всё, что только можно, можно потерять смысл к 40-50 годам. Я провела достаточно времени в барах и знаю, как это выглядит».

Представление Минтту о Кими было скомканным и малоприятным, его разделяет большинство людей. Подобное представление нельзя назвать ложным, но оно как чёрно-белое изображение, монохромное настолько, что от него режет глаза.

«*Конечно, поначалу мое мнение о Кими было приукрашено теми фактами, о которых говорили в прессе. Затем я стала замечать, как он ведёт с самыми близкими и дорогими ему людьми. И первое, что меня поразило, это его чувство юмора. Я целыми днями смеялась над его историями. А ещё одна вещь – то, как он относится к близким ему людям. Он много раз помогал друзьям*».

Минтту Ряйккёнен с отцом Киммо Виртаненом – IS

Ноябрь 2017-го, «Крапхови», ресторан в Туусуле. Я сижу напротив Киммо Виртанена, 63-летнего финансиста на пенсии. Он отец Минтту и тесть Кими. Выбор дочери стал для него такой же неожиданностью, как и для всех остальных. Поначалу Минтту скрывала эти отношения, называя Кими другом, и он верил в это довольно долго, пока дочь не призналась, что встречается с гонщиком.

«*Сначала я естественно испытал смешанные чувства. Особенно если учесть, что я слежу за «Формулой-1» и знаю достаточно об этом спорте в целом и о Кими в частности. Но его публичный образ рухнул для меня, когда я встретился с этим человеком*».

Киммо отчётливо помнит свою первую встречу с гонщиком: «*Они приехали ко мне домой в Туусулу осенью 2013-го. У Минтту*

был маленький ФИАТ, на который нужно было поставить зимнюю резину. Я сказал им захватить шины с собой. Кими был не очень разговорчив, но чрезвычайно вежлив. Потом, спасибо ему, мы нормально поболтали. После чашки кофе он сказал: «Пойдём поменяем резину». Я ответил, что на улице дождь, и что я могу подвезти их до «Тебойла», но Кими отказался, сказав, что мы можем пойти и вместе поменять колёса».

Ноябрь 2017-го, Бар, Швейцария. Минтту ушла к проснувшейся Рианне. Кими лежит на диване, пытаясь ответить на вопрос, уже на протяжении многих лет миллиард раз задававшийся супружеским парам. «Чем она была так привлекательна?»

Кими что-то бормочет, вздыхает, мешкает, меняет своё положение на диване в попытках подобрать слова.

«*Не могу сказать, что конкретно стало основой для этого взаимного влечения. Мы всегда нравились друг другу и легко находили общий язык. Ну и, конечно, внешность – она радует глаз. Когда я впервые увидел Минтту, на ней были обтягивающие джинсовые шорты. Я тогда сказал «вот это зад». Это стало своего рода шуткой, и я до сих пор использую то выражение, превратившееся в одно слово – «вотэтозад»*».

Кими забавляется, но, возможно, не все читатели воспримут это именно так. По его поведению чувствуется, что он мог сказать что-то ещё во время первой встречи. Его лицо становится серьёзным.

«*Во время предыдущих отношений я всё время боялся быть пойманным на тех или иных вещах. Когда там выходит очередной выпуск таблоида «Сейска»? Что они напишут в этот раз? Я мог соврать, а спустя неделю пытаться вспомнить, что именно говорил. Минтту же я сказал, что если мы будем вместе, я не буду врать или изменять ей. Я не хочу того ада и постоянного беспокойства, к которому приводит ложь*».

На следующий день мы вновь в той же комнате. Минтту продолжает вспоминать тот стремительный прогресс их взаимоотношений с Кими осенью 2013-го.

«*После того лета всё стало намного серьёзнее и бороться с этим не было смысла. Всё произошло очень быстро. Мне уже не нужно постоянно только моё личное пространство, у Кими так же. Мы многое делаем вместе, да всё делаем вместе. Ни он, ни я не чувствует, что кто-то из нас должен на какое-то время уйти. С ним всегда ощущаешь, как же прекрасно, что ты рядом. Меня это покорило. Если сравнить Кими со всеми моими предыдущими отношениями, то это то, что отличает его от других мужчин. Я имею в виду то, как Кими оказывает тебе знаки внимания. Даже*

спустя несколько месяцев я не чувствовала, что меня просто приняли как что-то само собой разумеющееся. Он каждый день показывал, что мы буквально созданы друг для друга».

Летом ещё ничего не было решено, но осенью всё стало предельно ясно. Минтту переехала в Каскисаари и продолжила работать как обычно. Она жила сама по себе, пока Кими гастролировал по миру, делая свою работу. Он хотел, чтобы Минтту бросила работу и они могли проводить больше времени вместе.

«*В этом вопросе я была непреклонна – стояла на своём до последнего, ведь я всегда обеспечивала себя сама. Я сказала, что если у нас что-то сорвётся, я не смогу просто позвонить в офис и сказать, что возвращаюсь. Я должна была быть на 100 процентов уверена. Это решение далось нелегко, мы всё время скучали друг по другу, но в итоге это помогло гораздо легче сделать окончательный выбор. Хотя всё равно, отказаться от собственной независимости было непросто. Моя последняя рабочая смена пришлась на май 2014-го, это было где-то на Первомай. После этого я переехала сюда, а затем у нас довольно быстро появился Робин».*

Чуть позже родилась и Рианна. Многое произошло за эти четыре года. Но что-то было и потеряно: мама Минтту умерла в 2006-м, отец Кими – в 2010-м. Супругам пришлось столкнуться и со смертью, и с появлением новой жизни. И во многом они похожи. Отец Минтту Киммо тоже замечает это: *«У Минтту решительный и боевитый характер, она всегда хотела быть среди победителей. Она унаследовала эту волю к победе от меня. У них с Кими похожие интересы*».

Кими лежит на диване, размышляя о Минтту: «*Если мы абсолютно согласны друг с другом, значит, что-то идет не так. Она так же упряма, и если начинается спор, мы ведём себя одинаково. Она строга, но это хорошо – не властна, а именно строга, она не позволяет вытирать о себя ноги. Со мной нужно быть строгим, только так. Горячий характер — это хорошо, это привлекает. Жизнь не стоит того, чтобы проживать её бесцельно*».

Это слова человека, жившего в своё время так, будто для него ничто не имело особого значения.

НА ПРЕДЕЛЕ

«*Мой пульс — это моя собственность. Он не принадлежит ФИА*».

Датчик, разработанный для ФИА (Международная автомобильная федерация), главного управляющего органа в автоспорте, встроен в мизинец левой водительской перчатки Кими. Датчик измеряет уровень кислорода, пульс и другие важные показатели организма. В ФИА хотели, чтобы на протяжении всей гонки зрители могли видеть пульс гонщиков, но пилоты с этим не согласились. Пульс — это собственность гонщика, его сердце принадлежит только ему.

Но изначально датчик разрабатывался не для развлечения, а чтобы помочь в кризисных ситуациях.

Если автомобиль попал в аварию или сошёл с трассы, гонщик бывает недоступен и с ним невозможно связаться по радио. В этом случае доктора могут проверить его состояние по показаниям датчика и принять решение, насколько срочно необходима эвакуация.

Кими говорит, что во время гонок он никогда не измерял свой пульс, но на тренировках делает это. Во время интенсивных занятий с физиотерапевтом Марком Арноллом в начале года его пульс в среднем составлял 173 удара. Бывало и 192.

«*Это не так много для ветерана, но когда я был моложе, возможно, было и 200*, — говорит Кими с ухмылкой. — *Не думаю, что во время гонки пульс поднимается слишком высоко*».

Фирменный сухой юмор Кими нивелирует драматические элементы спорта, но факт есть факт: пульс водителя колеблется в сумасшедшем диапазоне. Но как насчет пульса его страстных поклонников, его возлюбленной, его матери?

Когда стартует очередной гоночный уик-энд, сердца людей по всему миру начинают биться на пределе. В 2017 году около 350 миллионов людей смотрели «Формулу-1» по телевизору и на различных гаджетах, и ещё более 4 миллионов фанатов посетили сами гонки. В Финляндии каждый гран-при смотрят примерно 300 000 человек. Типы поклонников разнятся от фанатиков до обозревателей-аналитиков, которые следят за каждой тренировкой, квалификацией и гонкой и знают времена по секторам и стратегии команд.

Петри Валуамо, 48-летний менеджер по продажам в компании «Тойота Кайвоксела», именно такой обозреватель. Однако в его случае быть аналитиком не означает быть бесстрастным зрителем. Наоборот, он буквально проживает

каждый гоночный уик-энд вместе с Кими, независимо от того, побеждает гонщик или проигрывает. Валуамо отличается от страстного фаната тем, что следит за гонками с инженерной точностью. Его семья из четырёх человек уже привыкла к отсутствию Петри во время гоночных уик-эндов, хоть он и сидит перед 55-дюймовым телевизором в своей столовой в Клауккале. Тело-то на месте, но разум его витает где-то далеко, в повороте третьего сектора трассы или на стартовой прямой в машине Кими.

«*Если на горизонте гоночный уик-энд, уже в начале недели я сам не свой. Мысли сконцентрированы на приближающемся гран-при. Я часто смотрю заезды вместе со своим братом Микой. Посещаю гонки пару раз в сезон – не больше, так как каждая такая поездка занимает четыре-пять дней*».

Я встречаюсь с Валуамо после неудачного Гран-при Бахрейна. Провальная гонка завершилась после травмы механика «Феррари» Франческо Чигарини, которого Кими переехал задним левым колесом в результате ошибки на пит-стопе. Мужчину срочно доставили в больницу. Операция прошла хорошо, Франческо поправляется.

Петри Валуамо тоже «на пути к выздоровлению» — через неделю Гран-при Шанхая. И он уже с нетерпением ждёт его. Это способ, с помощью которого он всегда пытается прийти в себя после неудачной гонки.

«*Я чувствовал себя отвратительно весь вечер воскресенья. Но жизнь продолжается. Во время просмотра я несколько раз выругался, так что жене пришлось отчитать меня. Я довольно быстро завожусь, но и успокаиваюсь быстро. Из крайности в крайность – это про меня. Эта гонка была для нас вечерней, она проходила в девять-десять часов, но если бы она завершилась в три часа дня, траур продлился бы гораздо дольше*».

Чувство меры — понятие из области разумного. Но после неудачного гран-при весь разум испаряется в один миг, уступая место эмоциям, бушующим в голове фаната словно полыхающее пламя. Опыт немного сглаживает драматизм: Валуамо – фанат с многолетним стажем. Он уже смотрел гонки, когда Кейо Кеке Росберг выиграл чемпионат мира в 1982 году. Фанатиком же он стал в 90-е, и появление в мире большого автоспорта Кими Ряйккёнена стало финальной стадией этой «эволюции». Кими сразу показался особенным, потому что всегда смотрел только вперёд — не обижался на выпады конкурентов, не нападал в ответ и не оскорблял их, а также не давал бессмысленных комментариев. Его поведение, язык тела и стиль вождения продолжают восхищать Валуамо, который смотрит не только

«Формулу-1».

«*Я слежу за множеством деталей: время по секторам, тип резины, круговое время, десятые доли секунды, правильное прохождение поворотов, ошибки гонщиков. Я также пытаюсь определить, сможет ли водитель на следующем круге пройти это же место лучше. Последние технологические разработки позволяют видеть множество вещей одновременно*».

У Валуамо есть коллеги, которые тоже смотрят «Формулу-1». «*Да, мы вместе празднуем победы. Это грандиозно. Это отчасти шутка, но поверьте, после успешного гоночного уик-энда на те деньги, которые уходят на празднование победы в воскресенье, можно купить машину в понедельник*».

Он соглашается включить кардиомонитор на время Гран-при Китая. Меня интересуют его эмоции, измеренные технологическим способом.

14 апреля 2018 года, Международный автодром Шанхая. На часах 9 часов 10 минут. Машина с седьмым номером Кими занимает второе место на стартовой решётке.

Зажигаются зелёные огни светофора. Я прикидываю, что пульс Кими сейчас в районе 130 ударов. На первом повороте он взлетает до 170-180. Инстинкт перевешивает осознанное мышление, управляя гонщиком. Колеса машины едва касаются земли, малейшая ошибка – и пилот вылетит с трассы. Тело берёт верх над разумом, и во время входа в первый поворот пульс выстреливает до 180. Но гонщик теряет преимущество хорошего старта: Себастиан Феттель блокирует его траекторию, и Кими приходится уступить. Валттери Боттас и Макс Верстаппен могут пройти его. И у нас нет точных сведений о пульсе Кими – или о том, насколько дерьмово он сейчас себя ощущает.

Мы в финском городке Клауккала следим за сердцебиением Валуамо. Всего полчаса назад его нормальный пульс составлял 70 ударов. На первом повороте он вырастает почти до 100. Петри в смятении, его поглощает отчаяние. Кими теперь четвёртый. Его квалификация прошла блестяще, всё начало сезона он шёл быстрее Феттеля, но при всём этом он сейчас всё же четвёртый! В воздухе повисает вопрос, а не превратится ли гонка в езду «паровозиком»? Команда же не ожидает от Кими того, что он сделает всю грязную работу за Феттеля? Машины выстраиваются в линию. Неужели всё потеряно?

В швейцарском Баре пульс Минтту Ряйккёнен достигает максимума здорового человека. Её голова закипает. Она встаёт с дивана и выключает телевизор. Гонка её мужа провалена, этот факт налицо. Минтту как будто мысленно пишет сообщение руководству «Феррари» обо всём, что думает по поводу действий

Зебастиана Феттеля в конце стартовой прямой. Она пытается успокоиться, но это нереально для амбициозного человека, ведь она смотрит гонку глазами Кими.

В финском Эспоо Паула тоже уже на грани по поводу происходящего с её сыном. К ней не подключен кардиомонитор, но всё и так ясно, ведь это она подарила гонщику жизнь. Рядом с ней бокал воды, бокал бренди и пиво. Старт – это самое тяжёлое, и он поднимает её пульс до небесных высот. Паула наблюдала несколько гонок из паддока, но, по её мнению, для неё это неподходящее место. Гораздо комфортнее смотреть гран-при дома, в узком кругу близких людей. Исключение составляет Гран-при Бельгии – это единственная гонка, которую Паула посещает регулярно.

Кими идёт шестым, его пульс замедляется – теперь это не гонка, а воскресная прогулка. Так происходит до тех пор, пока в ходе гонки не происходит очередной поворот сюжета – столкновение. Макс Верстаппен делает какую-то глупость и въезжает в Феттеля. Машины разворачивает, и за эти три секунды весь расклад меняется. Кими теперь третий, его пульс нам неизвестен. В это же мгновение пульс Петри Валуамо несколько секунд колеблется в диапазоне 105-115 ударов. Петри сходит с ума от счастья, ему необходимо позвонить брату, который всего полчаса назад заявил, что глаза бы его не видели больше всех этих гонок. Страсть бросает их из одной крайности в другую. Быть фанатом – это очень серьёзно.

Сами Виса сейчас в Шанхае. Он знает, что сердце Минтту совершает сальто-мортале из-за Кими. Но чего Виса не может знать, так это то, что Минтту выключила телевизор после первого поворота. Он радостно звонит ей, чтобы поделиться прогнозами насчёт возможного третьего места. Ни о чём не подозревавшая Минтту в шоке, она говорит Сами, что перестала смотреть гонку после первого поворота. Сами ахает.

Кими финиширует третьим в гонке, ситуация в которой ещё совсем недавно предполагала, что он придёт шестым. Неудачи других гонщиков и грубая ошибка Верстаппена приводят его на подиум. Пульс Валуамо падает до 70 ударов. Чувство невероятного облегчения приходит к человеку, сидящему в трёх метрах от телевизора. Ещё один гран-при позади, осталось 18. Путь до конца сезона долог. Сердце фаната ещё не раз будет биться на пределе до ноябрьского Гран-при Абу-Даби.

После гонки в понедельник утром я иду в офис «Тойота Кайвоксела» в Вантаа. Мы обмениваемся рукопожатием с менеджером по продажам Валуамо, чьё лицо расплывается в улыбке. Эта улыбка «сделана» в Китае, хотя все выходные он

провёл в Клауккале. Мы присаживаемся, чтобы обсудить гонку и проверить показания кардиомонитора по итогам уик-энда. Петри может говорить всё, что угодно, но монитор показывает красноречивые факты.

Вчера этот человек пережил путь от отчаяния до счастья. Во время тренировки в пятницу его пульс оставался в пределах умеренного, однако он значительно вырос на квалификации в субботу. В решающем сегменте сердцебиение Валуамо достигло 90-100 ударов в минуту в связи с тем, что за последние несколько секунд Феттель побил время Кими. В течение же самой гонки показатели колебались в диапазоне 85-95 ударов.

Валуамо показывает мне подарок, который ему вручили утром на деловой встрече. Это картина, изображающая события на Гран-при Монако в 1982 году. На ней Айртон Сенна блокирует Найджела Мэнселла. Менеджер по продажам считает тот факт, что ему подарили этот рисунок именно сейчас, удивительным совпадением – ведь то же самое Феттель проделал с Кими буквально вчера.

Валуамо говорит, что по-настоящему страдал в тот период, когда Кими выступал в ралли, а не в «Формуле-1». Те годы казались пустыми. Ни один другой гонщик не привлёк его внимание. Он знает, что Кими осталось ездить не так долго, но бессмысленно думать об этом наперёд. Сезон долог – и его пульсу предстоит подскакивать ещё не раз.

Долог сезон и для Минтту Ряйккёнен, продолжающей ждать того момента, когда муж перестанет постоянно уезжать на гонки. Минтту посещала Гран-при Баку, наблюдая за гонкой с подключенным кардиомонитором из крошечной квартиры. Аппарат показал, что во время первой квалификационной сессии пульс был 74 удара, на второй он вырос до 128, а на третьей – до 156 ударов. На старте гонки пульс составлял 169 ударов.

Паула же и без кардиомонитора уверена, что уже достаточно настрадалась от напряжения из-за множества событий – вне зависимости от того, происходили ли они на трассе, или же за её пределами. И нормальный пульс – это самый лучший пульс.

МЫ ЗДЕСЬ, ЧТОБЫ ВОДИТЬ ИЛИ ГОВОРИТЬ?

Бар, Швейцария, конец февраля и начало сезона-2018 в «Формуле-1». Мы с менеджером Кими Сами Висой и отцом Минтту Киммо Виртаненом прилетаем в аэропорт Цюриха. На следующий день, в субботу, к нашей компании присоединяется физиотерапевт Марк Арнолл, и мы все вместе отправляемся в Барселону, где новая машина должна принять участие в своих первых тестах. Это официальный старт рабочего года и начало кочевой жизни для гонщика «Формулы-1».

Сами говорит, что помимо прочего это ещё и начало большой бумажной волокиты. Страны за пределами Евросоюза требуют от гонщиков разрешения на работу, а налоги вычитаются непосредственно с источника. Для некоторых стран необходимо оформление рабочей визы. Подоходный налог как правило уплачивается в стране проживания каждого отдельно взятого спортсмена. Команды путешествуют по всему миру словно рок-группы, и если концерт гонщика длится пять дней, то для остальных членов коллектива это куда больший период.

В аэропорту Цюриха нас встречает постройневший и ставший куда более проворным Кими, спрятавшийся от посторонних глаз за тёмными очками и надетой кепкой. Последний раз я видел его на Новый год, и за эти пару месяцев его щёки слегка впали, а лицо осунулось.

Новый сезон всё ближе, и результат интенсивных тренировок с Марком Арноллом налицо – Кими оставил на полу спортзала 3,2 кг. По рекомендациям команды, вес гонщика с надетым гоночным костюмом, ботинками и шлемом не должен превышать отметку в 73 кг. Кими же сейчас весит прилично меньше. В квалификации каждый килограмм стоит 0,1 секунды. Невероятно маленькие разрывы вынуждают гонщиков упорно тренироваться и следить за питанием – это спорт для стройных мужчин.

Кими берёт в аэропорту кофе и круассан и направляется к своей новой корпоративной машине. Мы складываем вещи в большой «ФИАТ Таленто», этакий удобный фургон, наподобие того, что Кими использовал во времена участия в картинге, с той лишь разницей, что новых машин тогда не было и в помине.

Садимся в машину. У Кими хорошее настроение, но оно меняется в тот момент, когда Сами Виса заводит разговор о механической коробке передач. Изначально фургон заказывался с «автоматом», но по какой-то причине гонщику досталась

«механика». Кими бубнит что-то о том, что его нужно немедленно поменять, но затем мы закрываем эту тему.

Хотя тесты стартуют только в понедельник, в Барселону мы вылетаем ранним вечером в субботу. Работа Кими начинается со съёмочного дня, когда снимается видеоматериал для спонсоров и внутреннего использования «Феррари».

Суббота, 7:30 утра. Мы без проблем проснулись в шесть, чтобы посмотреть соревнования по лыжным гонкам – мужской марафон на зимней Олимпиаде в Корее. Щёки главной надежды Финляндии Ийво Нисканена покраснели от натуги, он опережает на трассе всех соперников.

Звонок в дверь. Кто может прийти в такую рань? Кто способен нарушить напряжённую олимпийскую обстановку?

Минтту спускается вниз и открывает дверь, за которой стоит представитель швейцарского антидопингового комитета. Как всегда вовремя. Мы здороваемся и предупреждаем, что на то, чтобы разбудить спортсмена и сдать анализ, может понадобиться какое-то время. Допинг-офицер извиняется за ранний визит, но просит понять тот факт, что у него есть подобное право. Мы киваем и параллельно пытаемся следить за Ийво Нискаеном. Наше наблюдение помогает – он выигрывает золото.

Допинг-офицер неловко садится на диван, чемодан лежит у его ног. Выражение его лица говорит лишь о том, что он выполняет свою работу. Мы узнаём, что Марк Арнолл должен отправить в антидопинговое агентство расписание Кими, чтобы офицеры могли приходить тогда, когда гонщик точно будет дома. Если при этом офицеру не откроют дверь, то проба, даже если она не была взята, автоматически будет считаться положительной.

Минтту удаётся разбудить мужа – вниз он спускается в плохом расположении духа. В это же время Ийво Нисканен празднует свой успех в телестудии, после чего покидает её в сопровождении олимпийского сотрудника. Похоже, ему предстоит сдать тот же анализ, что и нашему гонщику. Допинг-офицер встаёт с дивана, берёт чемодан и следует за раздражённым и ворчащим субъектом своей проверки. Все заканчивается быстро. Офицер рассказывает, что с сентября прошлого года уже раз 20 брал анализы у швейцарского лыжника Дарио Колоньи, но Кими это малоинтересно. Он уходит на кухню, готовит себе кашу, добавляя в неё ягоды, ест и возвращается обратно в кровать.

Концентрация на новом сезоне началась – Кими нужно отдохнуть подольше. «Подольше» означает долго. На часах 10:07, гонщика нет и следа. В итоге вниз он спускается в 13:07, отъезд в аэропорт Цюриха запланирован на 15:30. Днём ранее Кими ушёл

к себе в спальню вместе с Робином в 20:30 – если не считать перерыв на допинг-тест и перекус, занявшие около часа, он проспал 14 часов. Но Кими говорит, что ночь была беспокойной, и он пару раз просыпался.

В аэропорту мы поднимаемся на борт частного самолёта. Уже внутри я признаюсь остальным, что испытываю небольшой страх к полётам, особенно когда самолёт настолько мал. Кими извиняется, обмолвливаясь о том, что конкретно у этой модели не всегда нормально работает одно из крыльев. Тем не менее он считает, что я хорошо прожил жизнь, так что могу без проблем, со всем спокойствием и безмятежностью, оставить этот мир.

По прилёту в Барселону Кими первым делом отменяет тренировку по вылезанию из машины, считая её ненужной. Эта проверка является обязательной для ФИА, но состоится только завтра. Каждому гонщику нужно покинуть кокпит за 15 секунд, и без прохождения такого экзамена невозможно получить разрешение на участие в тестах.

Местные отели забиты до отказа из-за проведения в городе крупнейшей в мире выставки мобильной индустрии, так что номера забронированы только для Кими и Марка. Мы же с Сами поселяемся на яхте Кими «Айсмен», пришвартованной в олимпийском порту Барселоны. К слову, фактически «Айсмен» прикреплена к порту Вилановы в 40 км отсюда, а приглядывают за яхтой капитан Маса Каллио и морской инженер Яска Кононен.

Яхта «Айсмен» – Grand Prix 20

Раньше мне доводилось лишь видеть фото и видео этой яхты, построенной компанией «Сансикер». Кими купил её в 2009-м, и с тех пор за ней и следит Каллио. Кононен, специалист по лодочной технике, был принят на работу в 2011-м. Яска рассказывает о первой встрече с нанимателем.

«*Я работал уже пару месяцев, когда Кими пришёл на яхту устроить вечеринку с друзьями. Я тогда следил за их празднованиями до пяти утра, а потом ушёл спать. Спустя полчаса Кими пришёл разбудить меня, сказав что на палубе будут подавать лимончелло. В итоге я согласился. Позже Кими говорил, что если бы я тогда не пошёл с ним выпить, он бы меня уволил – по его словам, трезвенникам доверять нельзя*».

Что же до Масы, то его опыт рабочих отношений и того ярче.

«*Меня уже несколько раз увольняли – особенно после того, как я не разрешал этим пьяницам гонять на скутерах. Мне говорили, что я жесток. Однажды Кими попросил скутер, но я сказал, что он слишком пьян для этого. Он тогда предложил провести борцовский поединок – если бы я выиграл, то дал бы ему скутер, а если бы проиграл, то нет. Естественно, я не согласился. Я сказал ему дунуть в алкотестер, и прибор зашкалило – 2,1 промилле*».

Несмотря на то, что Маса и Яска видели на этой яхте такое, от чего глаза лезут на лоб, они ценят уникальное чувство юмора своего работодателя. Времена пикантной жизни остались позади – главным напитком в здешнем холодильнике стала минералка «Виши». Сейчас яхта «Айсмен» в идеальном состоянии, ведь того хочет её владелец. Кими лично принимал участие в обустройстве и дизайне интерьера – цвета, материалы и мелкие детали отражают его вкусы.

Раннее утро. Мы с Сами покидаем яхту, направляясь в отель. По плану, оттуда мы должны отправиться на автодром с Кими и Марком, заранее вывезшим машину с подземной стоянки. Единственный, кого не хватает – Кими. Он опаздывает, опять. На трассе он один из быстрейших людей в мире, но в отеле – самый медленный.

Мы начинаем обсуждать утренний час-пик. Марк передаёт водителю имбирно-лимонный напиток, и 100 миллилитров выпиваются в один глоток. Кими перестраивается из полосы в полосу, не включая поворотник. Всё, что ему сейчас нужно, это короткий взгляд в боковое зеркало, чтобы убедиться, что пространства для манёвра хватит. Марк спрашивает Кими, не хотел бы он включить навигатор, но в этом нет необходимости – маршрут у гонщика в голове.

Мы приезжаем на трассу на съёмочный день. Это день, когда спонсоры и сама «Феррари» могут отснять всё необходимое: клипы, фотографии, интервью и другие маркетинговые материалы. Кими и Зебастиан Феттель идут по направлению к камерам на стартовой прямой, проезжают на новой машине около 50 км, принимают различные выражения лица и встают бок о бок. Повсюду люди в красном, среди которых снуют фотографы, настраивающие объективы в поисках новых ракурсов и меняющие освещение. Всё это в новинку для постороннего человека, но не для гонщика. А вот что становится сюрпризом для всех, так это испанская зима – морозно, идёт мокрый снег, проведение тестов находится под угрозой. В такую погоду не прогреешь резину, трек мокрый, а гонщики в машинах мёрзнут – это испытание не только для машин, но и для нервов спортсменов.

Сами фотографирует новый шлем Кими. Гонщику нужно от 12 до 16 таких на сезон и несколько реплик для спонсоров. На задней части расположены имена Робина и Рианны. Самые дорогие и близкие Кими люди нанесены на шлем, внешний вид которого разработан Уффе Тягстрёмом, дизайнером из Тампере. Уффе разрабатывал все шлемы Кими с самого начала его карьеры. С учётом покраски каждый из них стоит 3000 евро.

День плавно перетекает в вечер. Кими, дитя севера, забавляется от новостей местного испанского телевидения и того, как репортёры комментирую страшную зиму, ударившую по стране. Переживает трагедию и Италия – уличные кафе завалены мокрым снегом. Люди оживлённо жестикулируют, размахивая руками. Откуда взялась эта грязная холодная вода? На взгляд Кими, все познания этих людей о зиме можно уместить на булавочной головке. Все эти причитания ничего им не дадут. Нужно просто надеть зимнюю одежду и насладиться подлёдной рыбалкой.

Все надеются, что завтра дела будут обстоять лучше, иначе тесты провалятся.

Но этим желаниям не суждено сбыться. С утра сильный ветер раскачивает яхту «Айсмен», мокрый снег облепляет моё лицо в тот самый момент, когда я открываю дверь на заднюю палубу. На трассу отправляемся в абсолютной уверенности, что полного дня тестов не будет.

В зоне паддока мы встречаем фигуру, которую можно увидеть, пожалуй, на всех гонках. Это Хейкки Култа, спортивный репортёр «Турун Саномат». Он тоже думал, что едет из холодной страны в тёплые края. Он дрожит, но с энтузиазмом смотрит в новый сезон. Бахрейн будет его 350-м гран-при – ошеломляющее достижение. Култа представляет собой ходячую энциклопедию,

он одновременно и увлечённый болельщик, и репортёр-аналитик. Я прошу его назвать качество, которое больше всего отличает Кими.

«*Это его способность восстанавливаться после разочарований. Кими совершенно невероятен в этом смысле*», — говорит Култа. Култа следит за Кими с самого начала его карьеры и всегда верил в способности гонщика даже тогда, когда другие выражали сомнение по этому поводу. Култа был первым журналистом, узнавшим о контракте Кими с «Заубером».

«*В 2000-м я был на Гран-при Малайзии, когда в воздухе запахло контрактом Кими. Я тут же набрал Кикке Куосманену, который тогда занимался своими делами, и спросил, могу ли взять у Кими интервью. Сразу после этого у меня зазвонил телефон: «Ряйккёнен на проводе». Вот так всё и началось – он первым позвонил мне. Там же в Малайзии я встретился с британским журналистом Джо Сейвардом, с которым поделился этой новостью. Джо тогда рассмеялся, сказав, что это не может быть правдой, и если Кими перейдёт в «Формулу-1», он отработает гран-при в костюме Папы Римского. К слову, я пока так и не увидел этого «священника» в паддоке*».

Хейкки Култа очень чётко помнит начальные этапы карьеры гонщика. Кими был застенчивым и тихим парнем, оказавшимся в сердце самого популярного автоспорта – словно рыба, выброшенная из воды.

«*Он бы ответил «я не знаю» на девять из десяти заданных ему вопросов*».

Хейкки Култа берёт интервью у Кими Ряйккёнена – Turun Sanomat

Култа признаётся, что следит за гонками сквозь очки, окрашенные в цвета Кими (по аналогии с выражением «смотреть сквозь розовые очки» — *прим. ред.*), и глубоко переживает как победы, так и поражения гонщика. Возможно, именно эта искренность помогла ему наладить хороший контакт с Кими, отношения которого со СМИ в основном можно назвать холоднымы, а иногда и близкими к враждебным. Гонщик доверяет Култе писать о реальном положении дел, но не о том, что их окружает.

По словам журналиста, Кими абсолютно уникален – он всегда ведёт себя естественно и искренне. Он думает, прежде чем говорит, а то, что нужно сказать, излагает кратко – говорит не витиевато, но откровенно.

«*Остальные гонщики словно сделаны в другом цеху*». По мнению Култы, особый дар Кими — это его великолепное чувство юмора. «*Он понимает даже шутки уроженцев Турку* (жители этого региона Финляндии отличаются весьма мрачным, зачастую даже чёрным юмором – *прим. ред.*)», — это последнее, что успевает сказать журналист, прежде чем поспешить в паддок. У него есть шанс повстречать там много разговорчивых экспертов, имеющих весьма весомое мнение относительно предстоящего сезона даже при том, что пока никто не проехал по трассе и метра.

Первый день тестов Кими. Холодный воздух и холодная резина – не самая лучшая комбинация факторов. На первом же круге машина Фернандо Алонсо теряет колесо, и заезды на какое-то время прерывают. За день Кими проезжает 80 кругов, что-то около 372 км. Сама гонка длится 66 кругов, так что ему удаётся получить кое-какой опыт за рулём новой машины. На следующий день будет очередь Феттеля, а в среду за руль вернётся Кими. Финн показывает третий по скорости круг, но значения это не имеет. Куда важнее, каковы ощущения от машины – ощущения неплохие.

[image]

Кими Ряйккёнен в первый день зимних тестов 2018 года в Барселоне – Sky Sports

Тесты всегда проходят одинаково: команды следят друг за другом, и если их собственная скорость хороша, они могут скрыть это от конкурентов. И все думают об одном и том же – насколько *на самом деле* быстра та машина? Нарочно ли они скрывают свою скорость? Игра уже началась.

Второй день тестов. Сегодня очередь Себастиана, так что Кими приходит на яхту поесть и провести время. Мы заказываем тайскую еду, пузырьки «Виши» шипят, в воздухе витают слова – здесь царит свободная беседа, и листы бумаги пока чисты. Кими говорит, преувеличивая, придумывая сравнения, размахивая руками и вставляя в речь тут и там традиционные для него ругательства. Он полностью расслабляется, приукрашивает истории и делает небольшие паузы, находя свой ритм. Именно так и ведёт себя рассказчик.

Это не тот Кими, который раздражённо буркнет пару слов репортёрам, прежде чем покинуть их общество. Его публичный образ, его имидж, груб, размыт и зачастую снят из-за кустов, хоть и тоже является правдивым. Вещи такие, какими кажутся. Он устроил несколько диких вечеринок, он сорил деньгами. Но всё-таки, имидж тоже вещь всегда размытая, засвеченная и имеющая свои рамки. И это неудивительно – Кими давал людям много поводов говорить, но сам при этом молчал. Вот почему публичное и личное в его случае, если называть вещи своими именами, разделяет целая пропасть.

Атмосфера расслаблена, это подходящее время, чтобы спросить то, что первым придёт на ум, даже рискуя тем, что Кими в разговоре использует одно из любимых своих словечек – «котело» (моллюск).

Этим словом он обычно называет кого-то глупого или необразованного. Предпочитаю применить последнее определение к собственной персоне и начинаю задавать простые вопросы. Я не очень понимаю, в чём конкретно заключается особенность вождения гоночного автомобиля и прошу Кими пролить на это немного света, ведь нормального обзора из машины у него нет.

Кими долго всматривается в меня, а затем начинает объяснять.

«*Я не вижу переднее антикрыло, только верхнюю кромку передних колёс. Но ведь и в обычной машине не знаешь, где находится передний бампер. И да, немного неудобно почти лежать в кокпите, к тому же, в нём чертовски жарко. Поначалу это было непривычно, потому что в карте я привык слегка раскачиваться и иметь некоторую свободу движений. В этой же машине ты не двигаешься вообще*».

Я размышляю о другом профессиональных экстремалов – крановщики сидят в маленькой кабине, расположенной высоко над землей, а со строителями их связывают только рация и блок индикаторов.

Дальше я хочу узнать, с кем Кими болтает во время гонки.

Лицо Кими говорит за него – глагол выбран неверно. Вы не болтаете на скорости, приближающейся к 300 км/ч.

«*Я разговариваю только с инженером, больше ни с кем. Не очень много непосредственно по ходу гонки, но довольно много вне её. Наша работа состоит в том, чтобы описать поведение машины. Команда всё время наблюдает за этим – и по ходу тестов, и во время гоночных уик-эндов. Все данные находятся в сети, подключённой к базе в Маранелло, где во время гран-при сидит много специалистов. Есть парни на месте событий и есть парни в Маранелло – я называю это резервным копированием резервной копии*».

Какие факторы наиболее важны?

«*Количество топлива, тормоза, подвеска, устойчивость управления. Показатель давления в шинах каждый раз требует предельной точности, измеряемой в миллиметрах. Как-то один инженер сказал мне, что цифра достаточно близка к идеальной. Чёрт возьми, в этой работе «достаточно близко» не то же самое, что достаточно хорошо*».

Как постороннего меня интересует каждый аспект этого чуждого мне вида спорта, так что я спрашиваю и о совершенно несущественных вещах. Рабочее пространство Кими не подразумевает наличие туалета, а он вынужден проводить много времени в неудобном для себя положении. Что если по какой-то причине у него не было возможности сходить в туалет перед гонкой или квалификационными сессиями?

Кими вздыхает, раздумывая о том, отвечать или позволить этому вопросу погрузиться в пучину собственной бестактности. Он решает ответить. Это хорошо, потому что ответ всегда может быть куда интереснее вопроса.

«*Ничего серьёзного внутрь гоночного костюма никогда не попадало, но иногда я писал туда во время квалификации, когда приходилось по часу сидеть в машине. Но фактически это простая вода, ведь обычно утром я заливаюсь до отказа. Ну а так как костюм «Феррари» красного цвета, никто этого не замечает. К счастью, у меня никогда не было поноса во время гонки*».

Если говорить серьёзно, еда и вода имеют большое значение. Когда Кими садится в машину, всё должно быть сбалансировано, и это нормально. Марк Арнолл старается следить за каждой деталью, чтобы гонщик был спокоен.

Мы оставляем эту расслабляющую атмосферу и переносимся в следующий день тестов. В гараже механики суетятся вокруг разобранного автомобиля. Без кожухов двигателя и колёс он напоминает замысловатую и хаотичную груду металла. Напоминать SF71H она начинает только тогда, как красные

панели кожуха занимают свои места.

Восемь красных механиков облепили красную машину. У каждого из них своя задача, и каждый получает от 3,5 до 4 тысяч евро, не считая бонусов и суточных расходов. В процесс вовлечено и много людей, чья зарплата не достигает такого уровня, но все они всё равно хотят быть в «Феррари», носить её цвета.

Все кроме меня.

Сами шепчет мне, что я должен покинуть паддок. Смущённый я иду за ним. Он говорит, что с ним связалось руководство «Феррари» — я не могу находиться в боксах, если не одет соответствующим образом. Мне выдают красную куртку, я надеваю её, и хожу в правильных цветах следующие шесть часов.

Зимние тесты верны своему названию – тучи над автодромом сыпят мокрым снегом. Погоду можно назвать холодной для Испании, но для Финляндии тут просто прохладно. Команда сообщает, что ясность в вопросе проведения заездов не появится до двух часов дня. Мы начинаем убивать время, что куда проще делать в расположении «Феррари», где тебя окружают люди, способные рассказать что-нибудь о Кими. Эспрессо-машина булькает, крепкий кофе разливается по маленьким чашкам.

Мимо проходит мужчина – он выглядит настолько обычно, что просто обязан быть особенным. Самые важные люди в компании как правило не являются источниками шума, а тихо присутствуют на заднем плане. Его окружает аура, явно говорящая, что он выше всего, происходящего здесь.

Маурицио Арривабене и Луи Камильери – f1i

Я узнаю, что это Луи Камильери, председатель совета директоров «Филип Моррис». Представляемая им компания является главным спонсором «Феррари». Я спрашиваю у Сами, можно ли подойти к нему. Сами знает Камильери, и думает, что это можно устроить через пресс-атташе «Феррари» Альберто Антонини. Антонини говорит, что организовать беседу с ним можно будет через два часа, а сейчас можно пообщаться с руководителем команды Маурицио Арривабене, проведение интервью с которым было согласовано днём ранее.

Арривабене сидит напротив меня, рядом с ним пресс-атташе. Я включаю диктофон, то же делает и Антонини – в «Феррари» всё документируется.

Глава команды рассказывает, что впервые познакомился с Кими во время чемпионата 2007 года и тогда же заметил кое-что, ставшее основой профессиональной особенности гонщика. «*Кими отличается от других тем, что первым замечает тебя и только тогда начинает разговор*». Хорошо известно, что Арривабене и Кими ладят друг с другом, и это неудивительно, ведь Маурицио тоже говорит обдуманными фразами и предпочитает чёткие формулировки. Он считает, что Кими не пытается быть звездой и поэтому такой, какой есть.

Вспоминаю парадокс, с которым столкнулся на Гран-при Малайзии – Кими очень мало даёт своим фанатам, но сами фанаты всё же ощущают, что получают много. Арривабене с трудом сдерживает смех, когда вспоминает поездку в Китай.

«*Кими вышел из дверей аэропорта, а там его уже поджидала сотня людей. На нём были чёрные очки, чёрный рюкзак, и все ждали, что он скажет что-нибудь. Он сказал «привет»*».

Арривабене упоминает и ещё одну вещь, ставшую серьёзной частью взаимоотношений гонщика и команды – Кими верен. Сказав это, босс команды на мгновение умолкает, будто бы отдавая дань уважения этому слову. Кими был верен всем своим командам и в хорошие времена, и в плохие, демонстрируя эту верность на каждом углу.

Мимо проходит Луи Камильери. Он бросает на меня взгляд, говорящий, что мы можем пообщаться и сейчас, двух часов ждать не нужно. Я благодарю Арривабене за интервью, Маурицио одаривает меня крепким рукопожатием.

Когда наступает очередь Камильери, он рассказывает, что впервые встретил Кими в 2006-м в Париже, когда менеджеры Стив и Дейв Робертсоны вели переговоры о переходе гонщика в «Феррари» в доме Жана Тодта, бывшего в то время главой команды.

«*Кими казался умным малым. Мне нравятся люди, умеющие слушать. Мы все рождаемся с двумя глазами, двумя ушами, но лишь с одним ртом, и этот парень пользуется всеми этими органами в правильном соотношении*».

Вспоминаю, что Жан Тодт говорил мне о том же только другими словами. Кими сдержан и застенчив, но при этом ведёт себя прямо. Камильери говорит, что за это время они с Кими сдружились — они вместе были на хоккейном матче в Нью-Йорке, а ещё Кими как-то посетил принадлежащий Луи виноградник.

«*Он не делает различий между людьми. Он относится одинаково ко всем, будь то директор или уборщица. Его отличает эмоциональный интеллект. В «Формуле-1» много высокомерия, но у него его нет вообще*».

Наконец, Камиллери рассказывает интересную деталь о свадьбе Кими. «*Он вдруг встал и произнёс заранее не заготовленную речь. Этот момент по-настоящему врезался мне в память – те слова тронули меня. Это была одна из самых прекрасных речей, что я когда-либо слышал, Кими тогда говорил минут десять*».

Камильери нужно идти на другую встречу. Я благодарю его за беседу. Скрывшийся за чёрными очками Кими проходит мимо. Он исчезает в своей комнатушке, чтобы вздремнуть. Возможно, сегодня не будет ни тестов, ни заездов. Мы здесь, чтобы водить или говорить? На этот раз пришло время для разговоров.

КОНЕЦ – ЭТО НАЧАЛО

Бар, Швейцария, конец апреля 2018 года. Слой кожи, обтягивающий кости Кими, тонок и блестит от капель пота. Но у тела нет выбора, ну, или по крайней мере никому не интересно его мнение.

Физиотерапевт Марк Арнолл перебирает эластичные ленты, висящие у него на руке. Он ищет ту, которая тяжелее всего тянется. На часах 11; до конца тренировки еще целый час. Вес Кими сейчас оптимален, и ему не нужно больше мышечной массы: мускулатура слишком тяжела. Сейчас двое мужчин работают над руками и верхней частью тела. Марк давит Кими на грудь, пока тот выполняет 15 повторений движений с лентой. Затем Кими берёт по 5 кг веса и восемь раз разводит руки в стороны. После паузы он ложится на спину и растягивает ленту, одновременно с этим поднимая ноги. Это упражнение он повторяет 12 раз.

Кими на пути в Азербайджан и совершенно не щадит себя. Гонка в Баку через неделю. Как долго будут длиться эти пытки? Никто не знает, но пока Кими вполне доволен истязанием своей плоти и шин машины.

Заканчивать карьеру в спорте нелегко. Новоявленный пенсионер частенько находиться лишь в середине жизненного пути, а может, даже и моложе. Многое уже произошло, но по меньше мере половина этого ещё только ждёт впереди. Конец – это всегда начало чего-то нового. Это начало новой жизни.

Кто-то переводит свой опыт в слова и фразы, пользуясь ими на управленческих семинарах. Но Кими Ряйккёнена, ведущего разговор о персонале и языке тела, мы там явно не увидим. Абсолютно точно не увидим мы его и комментирующим Ф1 на трассах чемпионата. Он жил строго распланированной жизнью, спеша от одного места к другому. Когда он уйдет из Ф1, то некоторое время побудет на одном месте.

Он родился с машинной смазкой на руках. У него душа механика и тело гонщика, так что другие виды автоспорта стали бы самым логичным направлением. Но пока что ещё ни о чём нельзя говорить наверняка – кроме того, что он явно не будет скучать по нынешней работе.

«Мне не составит труда бросить эту работу. Я смогу расслабиться, когда всем этим перелётам и околоформульным слухам придёт конец. Гоняться здорово, в отличии от всего остального, что идёт к этому в придачу».

Кими говорит уверенно и дерзко, но не повышая тона.

Прямо сейчас его повседневная жизнь гораздо насыщеннее гонок — трёхлетний Робин и годовалая Рианна развиваются быстрее «Формулы-1». Робин впервые говорит новые слова лишь раз, и было бы здорово быть рядом в этот момент. Когда Рианна делает свои первые шаги, её отец может давать интервью после пятничных заездов, почёсывая шею и скрывая раздражение.

Кими еще не решил, чем займется после окончания карьеры. Он только знает, что делать *не* будет.

Хювинкяа, 5 октября 2010 года. В 3 ночи у Антти Пирхёнена, профессионального гонщика по мотокроссу, звонит телефон. На другом конце провода Кими. Антти следил за его карьерой с самого начала и частенько догадывался, что их пути рано или поздно пересекутся. И тем не менее Пирхёнен с трудом поверил своим ушам. Ему действительно позвонил Кими Ряйккёнен и предложил встретиться. Он планирует создать свою команду для мотокросса. Пирхёнен соглашается на встречу, но когда? Прямо сейчас, говорит Кими. Мотогонщик думает, что он звонит из Эспоо, но Кими говорит, что сейчас в Швейцарии. Пирхёнен думает, что сможет туда приехать через месяц. Кими считает, что он должен приехать немедленно, в этот же день. Точнее, завтра. На дворе ночь – сколько времени? Завтра уже наступило, и Пирхёнен говорит, что сейчас приедет.

«*Всё было как во сне. Я только прошёл курс реабилитации после серьезной травмы. Уезжая из дома в центре Хювинкяы и раздумывал, взять ли с собой свой единственный диск с музыкой. Это был «Good Wood» Весы-Матти Лойри, который я слушал очень много раз, пока восстанавливался. Я играл в пинг-понг и слушал этот диск. Я держал его в руках, когда собирался выходить, но всё же решил его оставить. Кими встретил меня в Швейцарии спокойным «Привет, Ана». Мы сели на большой диван. Кими покопался в интернете и включил «Good Wood». Я подумал, что этого не может быть. Мы пили кофе и болтали. Потом Кими предложил спуститься вниз и сыграть в пинг-понг. Тогда я подумал, что в этом всём есть что-то судьбоносное. Мне показалось, будто мы знали друг друга всю жизнь*».

Эта встреча закончилась тем, что позже Кими позвонит Пирхёнену с предложением возглавить команду «Айс Уан Рейсинг», базирующуюся в Бельгии. Пирхёнен руководит командой с осени 2012 года. Также он стал крёстным отцом Рианны.

Кими было три года, когда он впервые забрался на детский кроссовый байк «Италджет». Теперь, спустя 36 лет, у него есть своя команда по мотокроссу. Круг замкнулся, но рёв мотора байка не прекращается.

Вместе с Пирхёненом Кими распланировал всё для «Айс Уан Рейсинг» с самого начала. «Мастерская», так они назвали штаб-квартиру команды, расположилась в Ломмеле в Бельгии. Это место очень тщательно продумано — 2500 кв.м. занимает современная, практически по-больничному педантичная организация. Согласно отчёту страхового инспектора, тут как в госпитале — настолько чисто, что можно хоть с пола есть. Здание олицетворяет перфекционизм Кими. Обратная сторона его характера сорвиголовы – точность и стремление к гармонии.

«Айс Уан Рейсинг» является заводской командой «Хускварны», соревнующейся в элитном мотокроссовом классе — Эм-Икс-ГП. Команда однажды была второй в зачёте производителей и дважды третьей. Включая гонщиков, там работает 15 человек.

По словам Пирхёнена, Кими следит за всем, быстро принимает решения и чертовски много знает о спорте. Оба они мыслят одинаково, что помогает при принятии решений. Антти не думает, что Кими хватит одной лишь команды по мотокроссу.

А хватит ли ему? Кими пока не знает. А это означает, что не хватит. Как только нынешняя карьера закончится, откроются широкие возможности. Пока ясно лишь одно — что-то новое должно быть его собственной затеей, которой он будет увлечён. Кими не хочет заниматься чем-то вполсилы. Он уважал Нико Росберга, сказавшего, что уходит из гонок, чтобы уделять время семье.

«*Я подумал, что это было круто. А теперь он стоит в паддоке и комментирует гонки — я не понимаю этого. Не так давно он говорил, что хочет держаться подальше от трасс*».

Кими интересуют как минимум две вещи: планирование и маркетинг. С последним он близко сталкивался на протяжении всей карьеры.

«*Мне интересно делать то, во что можно вложить тело и душу, на что я могу повлиять. У меня нет желания стоять где-то с бутылкой масла в руках и нахваливать его за стойкость в зимних условиях. И уж тем более я не хочу стоять в гоночном комбинезоне в углу какого-нибудь торгового центра, говоря в микрофон, что этот шампунь такой классный*».

Он встретился с представителями «Хартволла» и китайскими и японскими партнерами компании на Гран-при Китая. Темой обсуждения стал напиток, который продвигался в Азии при поддержке Кими. Присутствующих поразил уникальный стиль, которым Кими расписывал, как нужно продавать напиток в новых странах. Его подача была незамысловатой, он избегал жаргона. Это произвело впечатление на публику. Им показалось, что Кими

действительно работал над напитком, а не просто был картонной фигурой с банкой в руке.

Я вспоминаю наш визит на завод «Феррари». Кими был заинтересован в работе конвейерных линий и ручной сборке. Он думал о том, чтобы снять видео, которое помогло бы ему собрать машину, купленную им же, с остальными рабочими.

«*Я мог бы принять участие в разработке обычных машин — занимался бы этим не публично, из-за кулис. Я мог бы их тестировать, у меня есть немного опыта с машинами*».

Кими не беспокоится об окончании карьеры. Он не понимает, почему некоторые люди застревают на одном месте. Множество людей говорило ему наслаждаться моментом, пока можно, ведь не знаешь, насколько скучной окажется жизнь вне трассы.

«*Я этого не понимаю. Я вполне способен находится дома целую неделю, никуда не выходя. Мне нравится просто жить. Я не думаю о «Формуле-1» 24 часа в сутки. Во время Гран-при Мексики я встретил четырехкратного чемпиона НАСКАР Джеффа Гордона. Он только-только закончил карьеру и показался мне несчастным. Было очевидно, что всё это пока не отпускает его*».

Мы в Баре, во дворе у Кими рядом с бассейном. Кими разбегается, перепрыгивает большую игрушку и ныряет в воду. Минтту делает фото прыжка. Через полчаса он появится в «Инстаграме». У его аккаунта сейчас около 700 тысяч подписчиков. Для этого контакта, Кими не пришлось никуда идти и произносить хоть слово. Его будущее открыто. Следуйте за ним.

ПАПА, КТО ТЫ?

Презентация машины назначена на 30 января. Появление на свет нового человека ожидается примерно в те же дни. И роды эти простимулированы – специально, чтобы папа был рядом, до того, как уедет к новому болиду. Вот почему нужно ускориться.

Процесс стимуляции начинается, однако новый человек не торопится. Тогда подключают вакуумный экстрактор, который ужасно шумит. Наконец звук этот сменяется на другой, хороший, который издаёт ребёнок. Все выдыхают и радуются – это счастье. В Швейцарии и во всем мире стало на одного человека больше.

Выясняется, что новый человечек желтоватого оттенка. Необычный цвет вызван накоплением в крови вещества, называемого билирубином. Он появился в результате рассасывания синяка, образовавшегося под воздействием чаши экстрактора. Это поправимо, и малыша помещают в специальный кувез под свет синей лампы. Папа протягивает внутрь через узкую щель свою руку и держит руку малыша, пытаясь его успокоить. Он ещё не понимает, что отцовство уготовило ему постоянное беспокойство.

Со временем жёлтый цвет исчезает, и кожа малыша приобретает естественный оттенок. А папа уезжает, чтобы посмотреть на другого новорождённого, цвет которого красный. Это его новая машина.

И мама, и папа – начинающие родители, для них это нечто новое и волнительное. А ребёнку не нужно делать ничего, чтобы получить всё, к чему стремится взрослый: еда, любовь, тепло. Он заполняет собой всё пространство дома, хотя и ходить-то ещё не умеет.

Но затем папе приходится уехать, чтобы протестировать красную машину. И когда он возвращается, то больше уже никуда уезжать не хочет. Машины остаются более-менее одинаковыми, малыш же меняется с каждым днём. Он круглосуточно испытывает родителей на прочность — каждый издаваемый им звук в ушах папы и мамы звучит раз в десять громче. Тормоза у машины визжат, а мотор грохочет, но её можно перенастроить. Ребёнка же можно успокоить едой и сном, но всё остальное – из области догадок. У него пока нет понимания факта постоянных путешествий папы, но он уже может ощутить, рядом отец или нет — и уже через год будет демонстрировать недовольство по поводу последнего.

Это мальчик, а зовут его Робин Эйс Матиас Ряйккёнен. Сейчас Робину три года, и он уже гоняет на детском кроссовом

мотоцикле под присмотром отца. Первые пару дней после того, как отец возвращается домой после долгих гонок, Робин в особенно плохом расположении духа. У нормального сына приоритеты расставлены чётко: папа должен быть дома, а не ездить по кривому кругу на другом конце света.

Человек, находящийся в этой комнате, в данный момент не является гонщиком Формулы-1. Взгляд Кими направлен не на трассу, а в окно. Он смотрит на деревья и вспоминает первые годы жизни Робина.

«*Я сразу подумал: а всё ли получится? Смогу я делать что-нибудь правильно? Посмею ли я вообще до него дотронуться? Я боялся даже одевать его, потому что казалось, что он выскользнет и упадёт. Но всё получалось. А ещё сначала я хотел, чтобы он уснул, но затем с замиранием сердца прислушивался к тому, дышит ли он. А что, если он перевернётся на животик, и доступ кислорода перекроется? Но когда Робин стал старше, эти тревоги начали отступать*».

Причин для беспокойства во время гонок не было, потому что он знал о том, что Минтту дома. Но в глубине души его мучила мысль о том, что он тоже должен быть там.

«*Я просто хотел бы быть там, быть дома. Это самое важное. Дело не в том, чтобы делать что-то конкретное с детьми. Просто в моей семье мы всегда были вместе, потому что все целиком и полностью были увлечены гонками. Это одна из причин, почему я так чувствую*».

Кими было 36, когда родился Робин. И это случилось как раз вовремя для него. В предыдущем браке мысль о ребёнке была практически невозможной, хотя Кими и Енни Дальман были официально женаты 10 лет.

«*Вся наша семейная жизнь с моей стороны была в той или иной степени сродни американским горкам. Я никогда не задумывался о том, что у нас может быть ребёнок – так брак не сделаешь крепче. В наших отношениях не было серьёзной основы для детей*».

Больше ничего о своём первом браке Кими говорить не хочет – как и Енни. Когда они познакомились, ей было 19, а ему — 21. Свадьба состоялась в 2004 году, а развод десять лет спустя. Но в действительности отношения закончились намного раньше

Сейчас Кими — отец двоих детей и о родительском деле знает немало. Однажды став папой, ты уже не можешь «родить детей обратно». Это явление не имеет ничего общего с успешным гран-при или чемпионатом мира. Яркость достижений в автоспорте со временем бледнеет. А дети – это навсегда. Они красной нитью проходят через всю вашу жизнь и являются своего

рода лучом света в темном царстве повседневной жизни.

«*Невыносимо тяжело расставаться с Робином, висящим на моей ноге. Это так больно. Единственное, когда я уезжаю на одну-две недели, то потом сразу замечаю, как они выросли и научились чему-то новому*».

Жернова жизни перемалывают человека, не спрашивая его. Успех и слава – это хорошо, но в одно мгновение они могут превратиться в ничто. Кими достиг значительных результатов, включая известность и благосостояние. Но в то же время всего за несколько лет он потерял трёх близких людей: в декабре 2010 года не стало его отца Матти Ряйккёнена, в феврале 2014 года скончался менеджер Дэвид Робертсон, а в ноябре 2016 года умер доктор Аки Хинтса.

Успех сродни красивой вишенке на торте; но в то же время он «обнажает слои этого тортика» — выявляет сущность человека. Сейчас у Кими есть семья, а его дети уже достаточно взрослые, чтобы спрашивать, где их папа, но пока они ещё не задают вопрос, кто он. Да, он может сам рассказать о себе, но эта информация необъективна. Реальная же картина природы человека определяется другими людьми: тем, как они говорят о нём и тем, как видят или слышат его. Но, тем не менее, мы всё-таки зададим Кими этот вопрос: кто ты?

Вопрос будто пригвождает Кими к дивану. Он не может ответить. Довольно много людей могут или, по крайней мере, хотели бы думать, что они могут ответить на этот вопрос — даже если они не могут сделать этого. Те, кто утверждает о том, что знает себя полностью, либо лгут, либо приукрашивают реальную картину, либо просто разыгрывают спектакль. Себя можно познать лишь в некоторой степени, но полностью — нереально.

Кими Ряйккёнен, что вы за человек?

«*Думаю, вам лучше спросить об этом кого-то ещё. Говорить об этом трудно. Мне не важно, что я за человек. Временами каждый из нас ведёт себя как придурок. Если человек не делает ошибок, с ним что-то не так. А ещё люди мгновенно готовы назвать тебя придурком, если ты с ними в чём-то не согласен. Но ты действительно полнейший придурок и тряпка, если у тебя нет своего мнения*».

Робин подходит к двери, заглядывает в комнату и хихикает. Папа говорит с незнакомым мужчиной в маленькую коробочку, лежащую между ними. И Робину не интересны ни разговоры, ни эта коробочка. Гораздо интереснее сейчас было бы поиграть. Мальчик что-то говорит из-за двери на смеси финского и английского языков. Смысл изречения понятен: хватит болтать!

Появление Робина приводит к теме отцовства в

размышлениях Кими.

«*Мой брат Рами – идеальный отец. Я всегда считал, что было бы счастьем быть хоть наполовину таким же классным папой, как он. Я смотрю на то, как он общается со своими детьми – проводит с ними абсолютно всё время, занимаясь самыми разными делами. Да я буду просто супер-отцом, если у меня будет получаться жить так хотя бы на 50%*».

Поскольку у Кими не получается сказать что-нибудь определённое о себе, я обращаюсь к историям, рассказанным его друзьями. Джино Розато – загадочный менеджер «Феррари» по логистике. Но он также крёстный отец Робина и человек, который знает Кими уже 12 лет. Джино – канадский итальянец: родом он из Канады, но в настоящее время живёт в Италии, недалеко от Маранелло. Джино рассказывает, что во время проведения Гран-при Канады Кими всегда навещает его мать, живущую в городке Лаваль в 25 км от Монреаля. Кими знает о том, насколько это важно для неё. По словам Джино, многие люди, будучи в бизнесе «Формулы-1», меняются и начинают ограничивать круг своего общения только влиятельными людьми. Однако Кими никогда не общается с людьми ради выгоды.

Джино и слова не говорит о том, что Кими может быть придурком, но собственная характеристика гонщика всё же небезосновательна. Здесь уместно вспомнить историю о Генри Киссинджере, бывшем госсекретаре США. Киссинджер хотел узнать базовую проблематику некоторых вопросов и попросил своих помощников собрать информацию. И когда они провели исследование и принесли ему документы, госсекретарь посмотрел на на бумаги и сказал: «Не сообщайте мне факты. Скажите, что они значат».

В случае с Кими фактом является то, что он колесил по всему миру по 140 дней в год в течение 18 лет. Если сложить эти дни, получится примерно семь лет. Что означает этот факт? Он означает то, что всё это время он постоянно не был дома – приезжал и уезжал. Это обстоятельство повлияло на психику; его нервная система никогда не бывает полностью в покое. Образно говоря, чемодан разбирается, одежду загружают в стиральную машину и вскоре после высыхания складывают обратно – и так повторяется постоянно. В таком жизненном ритме, похожем на карусель, человек становится раздражительным и может вести себя резко. И Кими может вести себя, как придурок, пусть и недолго и, по крайней мере, по отношению к внешнему миру, но иногда и с самыми близким людьми.

Неудивительно, что Кими с нетерпением ждёт времени, когда ему не нужно будет никуда ехать.

Итак, на данном этапе мы знаем следующее: Кими одновременно и добросердечный, и чёрствый. Он любит детей и у него есть чувство юмора — при условии, что его аудитория разделяет этот юмор. Глупо считать, что наши шутки являются смешными абсолютно для всех жителей планеты.

А какой Кими ещё?

«*Сдержанный, застенчивый и прямой*», — говорит Жан Тодт, бывший руководитель «Феррари» и действующий президент Международной автомобильной федерации (ФИА).

«*Смешной и милый*», — говорит Минту.

«*Он не устраивает спектаклей по поводу всего, что происходит в гонке*», — говорит Зебастиан Феттель.

«*Он большой и родной, и он меня поднимает*», — думает Рианна.

«*У него стальные нервы, в противном случае он никогда не стал бы чемпионом*», — говорит Жан Тодт.

«*Я никогда не считал себя звездой*», — говорит он сам.

Я спрашиваю, а что он не любит.

«*Давай остановимся на телефоне. В 90% всех звонков у людей нет по-настоящему существенного повода для разговора. В 90-е годы, когда господствовала стационарная связь, для звонка должно было быть веское основание. Например, человек мог предложить пойти куда-нибудь прогуляться. Просто так, по приколу, не звонили. Поэтому сейчас мой телефон молчит годами. Реально раздражает, когда голос на другом конце провода говорит тебе, мол, «на самом деле ничего серьёзного, это я так, просто позвонил, чтобы спросить, как ты*».

Теперь понятно. Всё, давайте не звонить друг другу.

А откуда Кими?

При рождении человек не выбирает семью, и он не может поменять её в детстве. Одни рождаются с серебряной ложечкой во рту, а другие – с гаечным ключом в руках. Обычно начало жизни человека забывается и со временем исчезает за горизонтом, но иногда его можно увидеть ясно. Гаечный ключ торчит из заднего кармана Кими, и это не просто дешёвая метафора. О том, откуда он, можно судить по тому, как он себя ведёт и как разговаривает.

Глава «Макларена» Рон Деннис предпринимал попытки ввести Кими в высшее общество, но все они провалились. Квадратный колышек не вписывался в круглое отверстие. Есть такая поговорка – «На зеркало неча пенять, коли рожа крива». Так вот в случае с «Формулой-1» зеркало смело можно назвать кривым, а даже и обозвать похлеще. В этом мире большие деньги и дурной вкус часто образуют безумный альянс. Неудивительно, что засаленная обезьяна из Кархусуо, Эспоо, в гламурном мире

Ф1 за пределами трассы почувствовала себя рыбой, выброшенной на берег.

Кими мог бы сравнить себя, если бы захотел, с Чарли Уоттсом, ударником «Роллинг Стоунз». Уоттс 25 лет играл на барабанах в группе, от славы и гламура которой он самодистанцировался. Время от времени ударник всё ещё задается вопросом, какого чёрта он делает в группе, которая начинала с блюза и должна была развалиться из-за собственной несостоятельности в течение двух или трех лет. Но он продолжает сидеть за барабанами на своей банкетке в сшитом на заказ дорогом костюме и непринуждённо выдаёт чёткий ритм с элементами джаза.

Должно быть, Кими долго не мог поверить, что попал в мир «Формулы-1» в результате того, что его талант идеально управлять автомобилем был по достоинству оценён. Ведь он просто хотел водить машину.

«*Я даже ни разу не видел вживую гран-при, пока сам не принял в нём участие*».

«Раз уж вы действительно не совсем знаете, кто вы есть, — говорю я Кими. — Хотя бы расскажите о том, чем вы любите заниматься?» О человеке ведь можно судить и по его делам.

«*Я люблю делать что-то руками. Люблю ремонтировать, строить и проектировать. И очень быстро принимаю решение, если что-то ломается*».

Я вспоминаю историю, рассказанную Сами Висой о тестах в Барселоне в 2017 году. Кими заметил, что туалет в боксах «Феррари» функционировал неправильно. Он пошёл к персоналу спросить инструменты. Работники выдали их Кими с довольно скептичным настроем. Во время исследования устройства гонщик пришёл к выводу, что на его яхте идентичная система. Он залез под автобус и быстро починил унитаз. Персонал был в шоке.

У Кими действительно золотые руки, а ещё он разговорчив. Но теперь слова у него заканчиваются. Робин снова открывает дверь и смотрит на папу. Он слишком стесняется, чтобы сказать вслух, но отец прекрасно его понимает. Пойдём вздремнём.

На следующее утро Кими просыпается поздно. Робин уже не спит и спокойно сидит у Минтту на коленях. Он что-то говорит на смеси финского и английского, спрыгивает на пол и начинает катать по холлу маленькую машинку. При этом Робин постоянно комментирует свои действия. Слова и дела находятся в гармонии.

ВМЕСТО ПОСЛЕСЛОВИЯ

Кими Ряйккёнен говорил так мало, что многое из того немногого, что им сказано, помнят до сих пор. Он говорил невпопад и в лицо, некоторые его высказывания стали поговорками, хотя изначально и не должны были ими становиться. Фразы — как вспышки, гаснущие в неловкой ситуации, поспешная реакция человека, ушедшего при общении в глухую оборону. Но, в любом случае, они произнесены, эти слова не взять назад, они попадают в сеть на обозрение всему миру.

«Оставьте меня, я знаю, что делать», — это не афоризм, плавно возникший из тишины леса, а цитата, выпущенная опытным и нетерпеливым гонщиком в адрес инженера по ходу Гран-при Абу-Даби в 2012 году. И гонщик, и инженер, скорее всего, забыли о случившемся сразу после заезда, но в этом виде спорта перебранка двух коллег может быть услышана всем миром, став несмываемым клеймом.

В этой главе, написанной вместо послесловия, есть несколько цитат Кими. Некоторыми из них гонщик может гордиться, другие, вероятно, стоило бы оставить невысказанными. Но взять эти слова обратно уже не получится.

***

«Формула-1» без СМИ была бы раем».

***

«Не имеет значения, идёт дождь или нет».

***

Вопрос: «Что общего у ралли и «Формулы-1»?

Кими: «И там, и там вы пользуетесь рулём».

***

«Мне без разницы, что обо мне думаю люди. Я же не Михаэль Шумахер».

***

Кими пропустил торжественную церемонию, на которой легенда футбола Пеле вручал Михаэлю Шумахеру специальную награду перед его прощальной гонкой. Мартин Брандл тогда спросил у Кими в прямом эфире о причине этого.

Кими: «Я срал».

***

Вопрос: «У многих гонщиков есть ритуалы, связанные с их шлемами. Есть ли у вас такие?»

Кими: «Я протираю шлем, чтобы лучше видеть».

***

«Я не собираюсь записываться в языковую школу, чтобы учить

итальянский. Я не для того переходил в «Феррари».

***

Вопрос: «Какой момент уик-энда был самым захватывающим?»

Кими: «Начало».

Вопрос: «А самым скучным?»

Кими: «Этот».

***

После квалификации на Хоккенхаймринге у Кими спросили: «Как там шины?»

Кими: «Они крутятся. А вы чего ожидали?»

***

Вопрос: «Как вы думаете, вы хороший сосед?»

Кими: «Конечно. Из-за работы меня не бывает дома».

***

Льюис Хэмилтон во время празднований первой победы в гран-при сказал, что это лучше секса. Журналист тогда спросил, что Кими думает по этому поводу.

Кими: «Видимо, у него никогда не было секса».

***

Вопрос: «Вы довольны результатом» (Кими тогда не попал в очки)

Кими: «Ну а вы как думаете?»

***

Вопрос: «Что можно делать в Финляндии?»

Кими: «Ну, летом можно рыбачить и трахаться, а вот зимой с рыбалкой всё не так хорошо».

***

Вопрос: «Есть ли у вас хобби?»

Кими: «Я собираю орехи».

***

«Посмотрим, что можно сделать». (Эту фразу Кими использует всегда, когда у него спрашивают про ожидания от гонки).

***

Вопрос: «Где вы планируете задействовать систему КЕРС?»

Кими: «На трассе».

***

Вопрос: «Какой совет вы бы дали новичкам Нико Росбергу и Скотту Спиду?»

Кими: «Надеюсь, они красиво пропустят меня».

***

«Вы не гоняетесь на бумаге».

***

У Кими спросили по поводу сгонки веса перед началом сезона.

Кими: «Не знаю, весов у меня нет».

***

Вопрос: «Что для вас значит старт с пятого места?»

Кими: «Пятое место».

***

«Не разговаривай со мной, когда я в середине поворота!» Ответ Кими гоночным инженерам «Феррари» по радио во время тренировки на Гран-при Малайзии 2009 года.

***

«Да, да, да, да, я прогреваю колёса, не нужно напоминать мне об этом каждую секунду!» Ответ Кими гоночным инженерам «Лотуса» по радио во время Гран-при Абу-Даби 2012 года.

***

2017 год, Гран-при Баку, Кими возвращается из боксов «Феррари». Всё хорошо за исключением того, что у машины нет руля. Рабочий, держащий в руках руль, бежит рядом с машиной Кими, но по какой-то причине не может сразу передать руль гонщику. Кими орёт: «Руль! Дай сюда руль! Эй, эй! Руль! Кто-нибудь, скажите ему, чтобы он отдал его! Давай, шевелись!»

Перевод: Никита Романов и Мстислав Петров
Редактура: Мстислав Петров